

Министерство образования Российской Федерации

Челябинский государственный университет

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Тезисы

Международной научно-практической конференции
7 – 9 декабря 2001 года

Челябинск, Россия

Челябинск
2001

ББК Ш10я431
С 483

Редакционная коллегия:
Е.Н. Азначеева (отв. ред.),
Л.В. Житникова (отв. секретарь),
Л.А. Нефедова,
С.А. Питина,
Н.Б. Попова (зам. отв. ред.)

В подготовке материалов к публикации принимали участие К.Н. Суханов
и С.В. Татаренко

С 483 Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах:: Тез. Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 7 – 9 дек. 2001 г. / Под ред. Е.Н. Азначеевой; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2001. 179 с.

ISBN 5-7271-0550-1

Рассматриваются проблемы, связанные с изучением языка в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах; проблемы философии языка и когнитологии, языковой картины мира и взаимодействия культур, изучения текста и языковых единиц в прагматике и семантике, а также вопросы дискурса, перевода и переводоведения.

Адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам, студентам лингвистических и филологических факультетов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

П 4602000000 – 041 Без объявл.
4К8(03) – 01

ББК Ш10я431

ISBN 5-7271-0550-1

© Челябинский государственный
университет, 2001

**ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ
В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КАРТИНАХ МИРА
(на материале политических плакатов)**

Образ женщины занимает особое место в картине мира разных народов. В мировой культуре он часто получает диаметрально противоположную оценку: от его обожествления в образе Богородицы до низведения до образа искусительницы, «врат ада», навлекшей на человечество неисчислимые бедствия. В русском и немецком политическом плакате в течение XX века был создан положительный образ женщины – представленный в разных ипостасях: общественно-политической (женщина – политическая сила общества), социально-биологической (женщина – мать, хранительница домашнего очага), трудовой (женщина в профессиональной деятельности), эстетической (женщина – воплощение идеала красоты, носительница высших человеческих ценностей). Каждая из данных ипостасей образа женщины, в немалой степени идеализированная в плакатном искусстве, приобретала разную значимость и по-разному раскрывалась в русских и немецких плакатах в зависимости от конкретных социально-исторических условий, ментальности народа, существующих культурных традиций.

На ранних этапах развития политического плаката в России и Германии образ женщины нередко трактовался отвлечённо и использовался в качестве аллегории для олицетворения определённых идей, например: символическое изображение первомая в виде молодой женщины в античном одеянии с красным знаменем в руке в плакате немецкой социал-демократии («Maifeier 1908»), изображение в образе родины немолодой боярышни, стоящей пригорюнившись у Кремля, в благотворительном плакате периода I мировой войны («Москва русским воинам в плену»). После Октябрьского переворота в России на передний план в политическом плакате выдвигается трудовая ипостась образа женщины, участие женщины наравне с мужчиной в построении социалистического общества. В самих плакатных обращениях при этом часто акцентируется социальная и профессиональная принадлежность женщины: «Женщина-пролетарка!», «Работница!», «Труженицы фабрик и полей!» Призывы носят императивный характер, например: «Учись грамоте!», «Строй социализм!». Активная роль женщины в обществе, её всеобщее признание отражались в исходящих от лица женщины призывах-обязательствах, а также призывах-здравицах в её честь, например: «Отстроим на славу!», «Да здравствует равноправная женщина!». Длительное время в русском политическом плакате игнорировался образ женщины-матери, лишь в годы войны, а затем в послевоенные годы в связи с возникшими демографическими проблемами, а также необходимостью борьбы за мир он

приобретает особое общественное звучание, например, в плакатах: «Родина-мать зовёт!», «Слава матери-героине!» В течение времени в политическом плакате изменялся визуальный облик женщины: аскетичный в первые годы советской власти он становится более женственным, привлекательным в последующие годы, при этом красная косынка, блузка-косоворотка сменяются на нарядные цветастые платки, береты, костюмы.

После Ноябрьской революции в Германии и в период Веймарской республики ключевой для немецкого плаката является роль женщины в семье, при этом женщина нередко, прежде всего в плакатах рабочего класса, выступает жертвой, страдающей от последствий войны, испытывающей страх за судьбу голодающих детей, например, в плакате: «Mütter, habt ihr dazu ihre Kinder geboren?» В политической борьбе партии апеллируют к разным свойствам женской натуры: религиозности, заботе о благополучии семьи (буржуазные партии), классовому чувству (коммунисты), страху перед надвигающимся фашизмом (социал-демократы), национальному чувству, чувству социального оптимизма (фашисты). С приходом к власти Гитлера в плакате культивируется идея «народного единства», «благоденствующей немецкой семьи»: на плакатах создаются идиллические картины народных праздников с улыбающимися женщинами в национальных костюмах, картины семейного отдыха и др. Лишь в годы войны образ матери-домохозяйки вытесняется образом женщины-работницы, помогающей фронту, например, в плакате: «Deutsche Frau! Hilf mit!» (на плакате изображена женщина на военном заводе).

После II мировой войны образ женщины определялся общественным строем в обоих немецких государствах: в политическом плакате ГДР он в значительной степени воспроизводил ценностную характеристику женщины в советском социалистическом плакате, в плакатах буржуазных партий ФРГ преобладала рекламность в его интерпретации. При этом женственность эстетизировалась (например, при изображении красивых девушек, ассоциирующихся с будущим страны) или завуалированно подчёркивалась её сексуальность, например, в шутовском плакате СДПГ: «Alle Mann an Deck. Der Steuermann braucht euch!» (на плакате изображена молодая женщина в штурманской фуражке). В своих крайних формах рекламность, пропагандирующая эротическую ипостась женского образа, встречается в сатирических политических плакатах (например, у К.Штаека), а также в эпатажных, претендующих на оригинальность плакатах молодёжных организаций (например, у Alternative Jugendliste). Для русского политического плаката не характерна рекламность в изображении образа женщины, а обращение к его чувственному началу табуировано существующими традициями, нормами политической коммуникации.

ЧЕТЫРЕ ТЕЗИСА К НОВОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Перед современной лингвистикой сегодня стоят три главных проблемы: природа языкового знания, его усвоение и использование (Е.С. Кубрякова). Лингвистика как научная дисциплина, в задачи которой входит достижение понимания (фундаментальный аспект) и обеспечение объяснения (прикладной аспект) особенностей своего объекта, должна, в первую очередь, сосредоточиться на следующих аспектах: а) виды и типы знаков (семиотика), б) виды и типы знаний, представленных в этих знаках (гносеология), и механизм извлечения из знаков этих знаний, т. е. правила интерпретации (когнитивная семантика и прагматика — а, следовательно, и синтактика), в) условия возникновения и развития знаков (семиотический онтогенез) и принципы, регулирующие их функционирование (семиозис).

Решение любой из этих проблем в отрыве от других невозможно, так как в каждом случае центральным фактором, определяющим специфику того или иного круга явлений, является человек. Язык как система — это не замкнутое автономное образование, а интегрированная *часть среды*, в которой живет и действует человек. Изучение языка с целью понять его устройство и функционирование должно иметь *эпистемологическую ориентацию*. Постигание природы знания и познавательных процессов невозможно без изучения того, где и в каком виде эти знания материализованы, т. е. без изучения языка. Наука, имеющая объектом своего изучения естественный язык, должна рассматривать его, по крайней мере, в трех иерархических плоскостях: а) язык и разум (*со-знание*), б) знание и структуры сознания (категоризованная информация и концепты), в) информация и знак (общесемиотическая проблема значения), не забывая при этом, что адекватное понимание объекта достижимо при холистическом (метафизическом) подходе к языку.

Холистический подход предполагает наличие общей философской концепции языка как эмпирического объекта и, соответственно, четкой методологической платформы, на которую должны опираться лингвистические исследования. Определение же эмпирической сущности языка сталкивается с известными трудностями в силу его двойственной природы, поэтому сложилась ситуация, когда идеальный проект языкознания как науки, строго говоря, не определен (Р.М. Фрумкина). Главным по-прежнему остается вопрос о *функциональном предназначении языка*.

Говоря, что язык служит для создания, хранения и передачи информации, мы охватываем два его экзистенциальных аспекта: а) язык как деятельность (обмен информацией посредством операций над языковыми знаками) и б) язык как продукт (система знаков, усваиваемая и пополняемая опытным путем в процессе когнитивно-языковой деятельности). Однако важнейший момент в таком оп-

ределении обычно остается без внимания, а именно, *взаимообусловленный* характер этих двух сторон языка. В этой связи я предлагаю:

Тезис 1: Язык есть знаковая система, посредством которой осуществляется производство языковых объектов, являющихся знаковой системой.

Может показаться, что мы имеем дело с заколдованным кругом, однако если подойти к языку как системе, охватывающей оба аспекта его существования, то можно говорить о нем как о *системе с круговой организацией*. Помня о том, что языковая система является видом деятельности человека как *живого организма*, отличающим его от других живых организмов, — а, следовательно, языковая способность имеет *биологическую функцию*, — ответить на вопрос о предназначении языка мы можем, лишь ответив на вопрос о том, какова его биологическая функция.

Тезис 2. *Функция языка как знаковой системы заключается в накоплении и сохранении категоризованного опыта взаимодействия человека с миром, или знания. Значение языковых знаков имеет опытную природу, так как возникает в результате различных взаимодействий организма со средой.*

Признание опытной природы языка ставит во главу угла вопрос о том, что представляет собой языковой опыт, из чего он складывается и как соотносится языковой опыт индивида с языковым опытом социума. Это ведет нас к следующему тезису:

Тезис 3. Поскольку основу всякого опыта составляет восприятие, непредвзятое изучение познания и языка невозможно без учета особенностей перцептивных процессов.

Во время, как в языкознании начинает оформляться новый подход к языку, основанный на признании его *опытной природы*, в когнитивной науке также намечается поворот, связанный с формулированием новых принципов восприятия (М. Leyton). Согласно этой теории, восприятие есть форма *памяти*; память же определяется как физический объект, находящийся в настоящем наблюдателя и имеющий признаки, которые наблюдатель объясняет каузально. Другими словами, фундаментом новой теории восприятия оказывается эмпирический опыт.

Совпадение во времени появления одинаково ориентированных подходов в двух разных отраслях знания продиктовано закономерным ходом развития научной мысли, направленной на постижение основ бытия. Язык и восприятие как две взаимодействующие когнитивные системы как раз и составляют эту основу, которую можно охарактеризовать как когнитивную деятельность (познание), направленную на активное приспособление человека к окружающей среде.

Тезис 4. Функция языка как деятельности состоит в адаптации к среде.

Приведенные четыре тезиса в основных чертах характеризуют общее магистральное направление, в котором движется лингвистика как составная (центральная) часть когнитивной науки. В ее недрах созрело осознание необходимости выработки новой философии языка и, соответственно, *новой эпистемологии*, призванной разрешить противоречия, с которыми традиционное языкознание не смогло справиться.

КОНТРАДИКТНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ

Для целей теоретического и практического решения текстологических и лексикографических задач особую значимость обретает контрадиктно-синергетический подход к языку при исследовании единиц языка в их функционировании и взаимовлиянии в современном информационном пространстве, так как этот подход обладает значительной эвристической силой. Во-первых, контрадиктно-синергетический подход вскрывает синергетическую сущность языка, так как дает возможность включить в рассмотрение и описать не только его системные, но и асистемные аспекты. Во-вторых, используя данные о спонтанных, случайных, алогичных, а также отсутствующих языковых явлениях, в принципе возможно определить ожидаемые линии в саморазвитии языка. В-третьих, контрадиктно-синергетический подход позволяет изучать законы понимания, интерпретации и проектирования текстов, с одной стороны, и законы воздействия текстов на человека, с другой. И, наконец, данный подход позволяет изучить смысл языковых единиц любых уровней.

Отличие контрадиктно-синергетического подхода как нового онтологического подхода определяется постулатом энергетической природы языка. При таком понимании сущности языка его динамика предстает как проявленная форма энергии языка, что позволяет характеризовать языковую динамику как самодвижение языка. В целях раскрытия законов его самодвижения используется понятие энтелехии, или «души» языка как протоэнергии, в которой в то же время отражены духовная энергия народа и духовное начало в самом человеке как творце ценностей.

При контрадиктно-синергетическом подходе смысл языковых единиц характеризуется как многоуровневый многомерный многоплановый комплекс смысловых компонентов – смыслообразов. В их взаимодействии просвечивает сущностный смысл языковой единицы – ее «гиперсмысл». Гиперсмысл реализуется языковой единицей лишь эзотерически, вследствие синергии (слияния энергий) иррадируемых единицей смыслообразов. Такая реализация гиперсмысла возможна благодаря тому, что единица языка любого уровня – от звукобуквы до текста – выступает в ореоле иррадируемых ею эманативно-мерцающих смыслообразов как общего фона истечения несвязанной энергии. Именно благодаря данному свойству единиц языка – способности быть источником истечения несвязанной энергии, или, иными словами, источником эманаций – синергетически возникает гиперсмысл языковой единиц как синкретичный эзотерический смысл.

Гиперсмысл есть не что иное, как энергия сущности бытия, являющая себя через энергию сущности языковой единицы. Системоорганизующей составля-

ющей гиперсмысла является энтелехия. Смыслы, относящиеся к душе, – это смыслы-эмоции, а смыслы, относящиеся к духу, – это родовые экзистенциальные смыслы, многие из которых трактуются и воспринимаются как чувственные мировоззренческие установки, связанные с культурными концептами, например: *добро, зло, любовь, жизнь, вера* и др. С родовыми экзистенциальными смыслами коррелируют в гиперсмысле архетипические формулы бытия – родовые формулы отношения человека к миру, в которых находит выражение экзистенциальное своеобразие народа. Кроме того, в гиперсмысл включаются стержневые идеи, воплощенные в языковой единице.

Скрытому воплощению экзистенциальных родовых смыслов способствует то, что в слове кроется след переживания, связанного с самим словом и с обозначаемым им понятием, благодаря чему устанавливается их связь с положительными или отрицательными энергиями, с теми или иными ощущениями и чувствами. Кроме того, в актуализации родовых экзистенциальных смыслов важная роль принадлежит суггестивно-энергетическим креативным свойствам материальной субстанции языковой единицы, которая иррадирует эманативно-мерцающие звуко-смыслообразы. Слова, звукобуквы, ритмы, интонации несут на себе печать, с одной стороны, музыкально-речевой культуры народа, с другой стороны, духовного мира автора, с третьей стороны, в них присутствует и универсальная составляющая, общая всем народам, хотя способ проявления универсалии может быть различным. Именно поэтому анализ проекций-излучений текстовых единиц, речевой интонации, иррадиаций звуко-смыслообразов, речевого ритма служит воссозданию облика личности, стоящей за речевой формой, реконструкции «свернутой» в интонацию музыкально-речевой культуры, определению гиперсмысла, ибо во взаимодействии энергий смыслов разных планов и измерений рождается гиперсмысл языковой единицы.

Представление о смысле языковой единицы как о многомерном, многоуровневом, многоплановом синергетическом комплексе предполагает включение в этот комплекс в качестве составляющих эксплицитных, имплицитных, пресуппозитивных и эзотерических смыслов. Наибольшее внимание в лингвистике уделялось и уделяется описанию эксплицитных, имплицитных и пресуппозитивных значений в семантике языковых единиц. Наименее изучены и описаны в настоящее время эзотерические смыслы. К эзотерически реализующимся смыслам мы относим прежде всего архетипические формулы бытия, а также сущностные идеи, вырастающие из архетипических формул бытия. Креация гиперсмысла также может быть охарактеризована только как эзотерический процесс. В силу этого осознание гиперсмысла требует творческого усилия сознания. Благодаря проективному устремлению и синергии иррадируемых языковой единицей смыслообразов происходит их свертка в синкретичный смыслообраз – в гиперсмысл и его составляющие: в архетипическую формулу бытия, экзистенциальный родовой смысл, стержневую идею.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА В СВЕТЕ НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Если смотреть на грамматику с точки зрения нелингвиста, всё в ней является совершенным – все ее категории, формы и закрепленные за категориями и формами значения – всё устойчиво, всё живет веками. Если же взглянуть на грамматику с точки зрения лингвиста, с точки зрения того, каков уровень и глубина осмысления назначения каждой категории и формы, то обнаружится много такого, что в середине XX века уже посчитали белыми пятнами и начали активно заполнять эти пятна глубокими исследованиями. Назову из многих следующие примеры. Сформировалась, ознаменовавшись рядом блестящих теоретических исследований и не менее блестящим лексикографическим трудом, теория семантической структуры глагольного слова. С конца 40-х годов активно начала развиваться русская фразеология, превратившаяся к концу XX века в сложную разветвленную отрасль языкознания. В XX веке стало ясно, что некоторые, не так уж малочисленные, концепции искусственны, надуманны, внутренне противоречивы, очень далеки от языковой сущности и требуют нового подхода.

Новые отрасли «старых» наук, например, психологии, концепция внутренней речи и «промежуточного языка», языка мысли, широкое использование данных материалистической диалектической философии, в частности гносеологии, и логики позволяют с других позиций подойти к решению грамматических проблем.

Теория категории рода существительных относится к числу древнейших. Еще Протагор (ок. 480 – ок. 410 гг. до н. э.), основатель школы софистов, делил все существительные на три рода – мужской, женский и вещный. С тех пор до сегодняшнего дня немного изменилось – вместо вещного третью форму рода называют – средним. Но по-прежнему повторяется доисторический взгляд на значение этой категории, только в новой терминологии: у одушевленных существительных род совпадает с полом, у неодушевленных род не имеет значения, это «чисто грамматическая» категория. Анализ большого фразеологического материала, *учет философской теории предмета*, учет трех формальных разновидностей существительных и предметных фразеологизмов – собственно предметных, «прилагательного склонения» и неизменяемых позволили мне сформулировать другую концепцию рода, не связанную с полом и независимую от категории падежа. Эта концепция опубликована в ряде работ.

Такой же древней, как теория рода, является теория залога глагола. Существует большая литература о залоге. Из всех концепций наиболее широко известной считается трехформенная концепция залога. Основанием или условием существования залога, по этой концепции, считается отношение глаголов к переходным или непереходным. Эта концепция имеет ряд недостатков. Во-первых, она распространяется на тип глаголов, управляющих только Винительным падежом без предлога или Родительным падежом без предлога при отрицании.

Вся остальная масса глаголов, выражающих разнообразнейшие отношения и связи – отношения человека к человеку, человека к природе, к обществу, межпредметные связи и т.д. остаются *вне залога*, вне внимания лингвиста. Во-вторых, объектные отношения ограничиваются лишь двумя типами – Винительным беспредложным воздействием и Творительным действующего лица в страдательном обороте. В-третьих, падежные объектные значения оказываются «повисшими в воздухе», так как не объясняют семантической несамодостаточности глаголов (думаю.... решаюсь... руковожу... пишу...), в-четвертых, недостаток, названный в пункте 3, переходит из семантики и морфологии в синтаксис словосочетания и лишает обоснования все глагольные словосочетания с объектными значениями, в-пятых, глагол и существительное остаются противопоставленными. Есть и другие недостатки.

Концепция субъектных и объектных глаголов, особенно глубоко разработанная А.А. Уфимцевой, а затем Л.М. Васильевым, Р.М. Гайсиной, Э.В. Кузнецовой, Л.В. Бабенко и ее проблемной лабораторией «Русский глагол», анализ большого фразеологического материала под определенным углом зрения, учет учения о падежных значениях в русской грамматике, новый взгляд на роль *-ся* в образовании объектных глаголов и процессуальных фразеологизмов позволили сформулировать новый взгляд на категорию залога. В соответствии с этим взглядом залог как категория расположения распространяется на все объектные процессуальные единицы. По мнению А.А. Уфимцевой, в 2/3 всех глаголов русского языка залог имеет свою синтаксическую модель *объектная процессуальная единица + имя с предметным значением в косвенном падеже*; субъектные глаголы стоят вне залога; переходность является частью объектности; постфикс *-ся* только в форме так называемого страдательного залога является формообразовательным, во всех других случаях – слово- или фразообразовательным. Глагол и существительное оказываются органично связанными через категории падежа и залога. Более того, вся падежная парадигма имен с предметным значением связана с глаголом: Именительный падеж обозначает субъект, носителя признака, а косвенные падежи в объектном значении – объект того же глагола. Новая концепция залога опубликована в ряде работ.

В современной грамматике хрестоматийно мнение о том, что глагол имеет три формы наклонения – изъявительное, сослагательное, повелительное. Хрестоматийно и мнение о том, что главным среди этих форм является изъявительное наклонение. Но так же хрестоматийно, что изъявительное наклонение не имеет своих средств выражения и своего общего и частных значений. Принято все модальные значения форм изъявительного наклонения рассматривать как значения форм времени. Новое решение всех вопросов, касающихся наклонения вообще как категории и изъявительного наклонения в частности, мы искали, изучая *теорию внутренней речи в психологии, развивающиеся концепции «промежуточного языка», или «языка мысли», теорию речевой деятельности, теории модальности и понятие времени в философии*. Уважая жанр тезисов, скажу кратко: 1. Наклонение является самостоятельной категорией, не поглоща-

емой временем. 2. Оно имеет значение образа действия, квалифицируемого говорящим; это значение выражается совокупностью средств. 3. Наклонение – исключительно антропоцентрическая категория: в формах изъявительного наклонения выражается сложнейшая гамма рациональных и эмоциональных отношений, в формах сослагательного наклонения – желательность, условность, в формах повелительного наклонения выражается воля говорящего, адресуемая другому. Круг значений изъявительного наклонения, мало сказать, чрезвычайно широк, он способен выразить все модальные значения, которые возникают в голове современного русского человека. 4. Широте значения изъявительного наклонения соответствует широкий набор средств выражения и среди них флексия глагола. 5. Формы настоящего времени имеют определенный круг собственных значений – значение совпадения с моментом речи, значение определенного промежутка времени и настоящее постоянное. Все остальные формы настоящего времени имеют модальное значение. Формы прошедшего времени – это бывшее настоящее, это «уже не время», имеют только модальные значения, смягченные тем, что этих действий уже нет. Формы будущего времени имеют модальные значения реального плана, программы, прогноза, мечты, которые наступят после момента речи. 6. Значения наклонения и времени находятся в разных плоскостях, поэтому они не уничтожают друг друга, а сосуществуют.

Рамки тезисов не позволяют мне сказать о влиянии новых концепций на теорию модальности и теорию содержательности интонации. Поэтому закончу выступление мыслью: грамматика XXI века возникла в XX веке, а то и раньше. Нам предстоит построить цельную по содержанию, непротиворечиво отражающую сущность языка науку, но думаю, что и в XXI веке в грамматике останется неравномерность освещения тем.

*А.П. Чудинов
Екатеринбург*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Основная цель агитационно-политической речи – это изменение представлений адресата о политической реальности, своего рода реконцептуализация политического мира. Одно из важнейших средств такой реконцептуализации – метафорическая модель, которая позволяет либо выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым либо, наоборот, отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный.

Дж.Лакофф (1991) справедливо подчеркивает, что метафорическая модель может служить эффективным орудием для манипулирования социальным сознанием. Рассматривая пути метафорического оправдания вмешательства США в боевые действия между Ираком и Кувейтом, Дж.Лакофф специально отмечает

демагогический характер таких приемов, как персонификация (обозначение действий президента Саддама Хуссейна как действий Ирака, обозначение помощи кувейтскому шейху как спасение Кувейта), использование схемы «Коварный злодей – Невинная жертва –Благородный спаситель» (кувейтский монарх мало подходит на роль невинной жертвы, правительством США движут не только благородные мотивы и даже президент Ирака – личность далеко не однозначная), использование метафоры немецкого генерала Карла Клаузевица «Война – это продолжение политики с использованием других средств» (все-таки война и политические переговоры – это слишком разные вещи).

Существуют метафорические модели (и их варианты), которые особенно активно используются в определенных политических ситуациях. Так, политическая ситуация «Выборы» часто метафорически представляется как спортивное состязание – забег на длинную дистанцию. Каждый участник должен правильно распределить силы, иногда приходится преодолевать барьеры, у каждого участника есть своя группа поддержки, судейская коллегия следит за соблюдением правил и может снять нарушителя с дистанции. Обсуждение серьезной политической проблемы и последующее голосование в парламенте (а также использование референдума) часто метафорически представляется в виде схватки борцов, поединка боксеров, теннисного, футбольного или хоккейного матча. Метафора высвечивает стратегический замысел, работу группы поддержки, реакцию болельщиков, горечь поражения и радость победы. Политические схватки напоминают спортивные использованием принципа «победитель получает все». Если в бизнесе отставание доходов одной компании от прибылей другой компании на 1% означает, по существу, равенство, то в спортивных состязаниях и в политических конфликтах такое и даже меньшее отставание означает полное поражение. Некоторые метафорические модели ориентированы не просто на определенную политическую ситуацию, но даже на определенную точку зрения на ту или иную проблему. Примером эффективного использования метафорического манипулирования может служить обсуждение во второй половине 90-х годов XX века вопроса о целесообразности отделения Чечни от Российского государства. Противники отделения активно использовали следующие метафорические аргументы.

РОССИЯ – это ЕДИНЫЙ ОРГАНИЗМ. Развитие этой метафоры позволяет представить отделение какого-либо субъекта, как ампутацию необходимого органа, что приводит к инвалидности и даже полной нежизнеспособности организма. И уж совсем нежизнеспособным оказывается ампутированный орган.

РОССИЯ – это ЕДИНАЯ СЕМЬЯ. Развитие этой метафоры связано с акцентированием таких признаков семьи, как неразрывность родственных уз, необходимость заботиться даже о «заблудших сынах», долг отца наставлять и даже наказывать неразумного ребенка, который лишь под чьим-то дурным влиянием может замыслить разрыв с семьей.

РОССИЯ – это ОБЩИЙ ДОМ для всех граждан (наций, регионов и др.). Традиционный путь развития этой метафоры – нежелательность и даже невозможность разделения дома, у которого общий фундамент.

Подобные метафоры способны оказать воздействие на адресата, который может не задуматься о том, что метафора только концептуально связывает государство и живой организм, что для государства отделение какой-то его части может быть не столь вредоносным, как ампутация у человека ноги или удаление почки. Россия – это государство, а не семья, а его регионы – это не в полном смысле дети федерального центра или президента. Россия лишь метафорически может представляться единым домом для всех народов, и отделение какого-то региона не обязательно приносит вред всей конструкции.

Сторонники отделения находили некоторые возможности удобного для себя развития метафор организма, семьи и дома. Например, говорили о том, что иногда для спасения организма необходимо ампутировать зараженный гангреной орган, что братьям иногда имеет смысл разойтись, а супругам, если «супружество им было мукой», лучше разойтись. Высказывалась мысль о том, что братья для чеченцев — это вовсе не живущие поблизости русские или осетины, а арабы или турки.

Сторонники отделения Чечни часто использовали экономическую метафору, то есть говорили, что чеченцы кровью заплатили за свою свободу, что цена удержания Чечни слишком высока, что чеченская война слишком дорого обходится, что мятежная республика – это гиря на ногах идущей к экономическому процветанию России.

Как аргумент нередко использовалась концептуальная метафора «война – это преступление», развитием которой являются слоты «кровь», «слезы», «разрушения» и др.

Соответственно противники сепаратизма говорили, что стремление к сиюминутной экономической выгоде может обернуться большим политическим просчетом, что не всякая война должна считаться преступной.

Очевидно, что и экономическая, и милитарная, и любая другая метафора – это всего лишь образы, которые не могут полностью заменить рациональной аргументации, но человек так устроен, что для него аналоговые аргументы значимы не в меньшей степени, чем строго логические доказательства. Вместе с тем рассмотренный материал свидетельствует, что определенные типы моделей действительно позволяют представить как более яркие одни аспекты рассматриваемого явления и соответственно сделать менее заметными другие аспекты. Поскольку проблема сепаратизма (или самоопределения) актуальна для самых различных исторических эпох и государств, то выделенные закономерности имеют более широкий характер. Видимо, действительно существуют концептуальные метафоры, которые могут регулярно использоваться в полемике преимущественно как аргумент сторонников определенной точки зрения.

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Появление лингвокультурологии как научной дисциплины диктует необходимость разработки специфических методик исследования, которые отвечали бы новому взгляду на объект изучения. Интегральный характер лингвокультурологического рассмотрения языковых явлений предполагает использование разнообразных методов анализа (включающих, в том числе, общепhilosophические и частные методы культурологии, этнологии, антропологии, психолингвистики и др.), однако это не исключает наличие специфических приёмов, характеризующих именно данный подход.

Понимая культуру как форму коммуникаций, отражающих достижения людей в устных и письменных текстах, мы считаем, что основной принцип лингвокультурологического анализа заключается в том, что его предметом признаётся совокупность знаков и символов, объединённых в тексты разной длины и сложности.

Второй принцип – полевое рассмотрение текста, которое включает ядро и периферию как формы, так и содержания.

Третий принцип – антропоцентричность анализа, что предполагает учёт авторства и внимание к субъективным факторам, наибольшее при рассмотрении художественных и наименьшее при обращении к деловым текстам.

Процедура анализа, с нашей точки зрения, должна включать:

- рассмотрение текста как устойчивой и относительно замкнутой системы, принадлежащей к определённому периоду развития культуры и национального языка;
- определение ядра и периферии понятийных полей;
- учёт соотношения компонентов понятийных полей и образующих их ядро концептов (концептосферы);
- анализ связи семантических полей и их иерархии;
- установление самобытности семантических полей, связанной с культурными различиями (национальными, гендерными, возрастными, профессиональными);
- характеристику личностных качеств субъекта, отражённых в тексте: концептосфера, особенности языкового сознания, картина мира, стереотипы речевого поведения и т.п.

Таким образом, лингвокультурологический анализ отличается от других видов анализа текста, во-первых, синтезирующим характером, во-вторых, учётом полевой структуры, в-третьих, обращением к способам презентации культуры личности и как представителя социума, и как индивидуальности.

СЕКЦИЯ 1
КОГНИТОЛОГИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА
XXI ВЕКА.
ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

О.Р. Абдрахманова
Челябинск

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
АРГОТИРУЮЩИХ ФРАНЦУЗОВ

Понятие «языковая картина мира» находится в тесной связи с такими понятиями, как «культура», «мышление» и «язык». Являясь совокупностью материальных и духовных ценностей общества, культура опосредуется мыслительной деятельностью человека и, следовательно, находится в определенной зависимости от мышления. В качестве средства осуществления и существования мышления выступает язык.

Ученые различных наук (семиотика, философия, социология, языкознание), предметом исследования которых является материальная и духовная культура человечества, отмечали, что язык выступает в роли определяющего фактора по отношению к мышлению, а следовательно, и культуре.

В языкознании одним из первых, кто затронул вопрос о взаимодействии языка, мышления и культуры, был выдающийся немецкий мыслитель-теоретик Вильгельм фон Гумбольдт. Изучая язык испанских басков, сильно отличающийся от языков индоевропейской семьи, ученый выдвинул идею о том, что разные языки – это не просто разные оболочки общечеловеческого сознания, но различные видения мира; язык есть одна из тех «основных сил», которые создают всемирную историю.

Позже данная точка зрения более детально была разработана представителями такого направления в языкознании, как неогумбольдтианство в двух его разветвлениях – американском (работы Э. Сепира, Б. Уорфа, Д. Хайма и др.) и европейском (работы Л. Вейсгербера, И. Трира, Х. Глинца, Г. Ипсена и др.).

В качестве основных положений философии языка неогумбольдтианцы выдвигали следующие:

1) язык определяет человеческое мышление и процесс познания в целом, а через него – культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании;

2) люди, говорящие на разных языках, создают различные картины мира, являясь поэтому носителями различных культур и различных общественных поведений;

3) язык не только обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека;

4) от различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различие в логике мышления.

Однако на современном этапе языкознание, признавая известное, но не определяющее влияние языка на мышление и на познавательную деятельность человека отрицает преувеличенную роль языка в процессах мышления и познания, игнорирование или преуменьшение роли других факторов в этих процессах. Оказывая некоторое, но опять же не решающее влияние на мышление, язык не может также определять характер материальной и духовной культуры общества, которая опосредована человеческим мышлением, являющимся, как и язык, продуктом социального развития.

Языковая картина мира – это одна из форм отражения мира с помощью слов, синтаксических конструкций, словообразовательных нормативов языка. У каждого человека с момента его рождения формируется своя картина мира (так называемая «первичная картина мира»). Изучая новые языки, человек воспринимает еще одну картину мира («вторичную»), которая накладывается на уже имеющуюся.

Арго (в частности, французское), как правило, используется людьми наряду с их родным языком, при этом арго использует грамматику и фонетику национального языка, имея в своем распоряжении лишь особенный словарь. Арго всегда остается вторым «языком» говорящего, а следовательно, арготирующий человек воспринимает новую («вторичную») картину, в которой явления окружающей жизни получают новые, «свои» наименования, сосуществующие со стандартными наименованиями основного языка. Люди, говорящие на арго, не всегда ведут порядочный образ жизни (воровство, рэкет, убийство, проституция, наркомания, пьянство). Как результат отражения такого мира, такого образа жизни, появляются арготические фразеологизмы, связанные с темой пьянства: *Le sac à vin* (пьяница; досл.: мешок с вином); *voir des éléphants roses* (быть пьяным; досл.: видеть розовых слоников); *la fièvre de Bercy* (опьянение; досл.: берсийская лихорадка); с темой воровства: *plumer l'oie du marché* (обчистить человека; досл.: обципать, как гуся с рынка); *opérer une banque* (обчистить банк; досл.: прооперировать банк); *un achat à la course* (воровство; досл.: покупка); полиции и тюрьмы: *le bord de l'eau* (полиция; досл.: берег реки, намек на место расположения префектуры на берегу реки Сены); *la maison J't'arquierince* (полиция; досл.: дом «Я тебя поймаю»); *la villa* (тюрьма; досл.: вилла); *la boîte à chagrin* (тюрьма; досл.: коробка с печалью).

Приведенные арготические фразеологизмы отражают образ мышления, менталитет и культуру арготирующих. Сопоставительный анализ фразеологии литературного французского языка и арго позволяет глубже рассмотреть тему языковой картины мира разных слоев общества в рамках одного языка.

НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Поведение, являющееся принадлежностью культуры и определяемое ею, обладает национальной спецификой. Изучение специфики речевого поведения той или иной культуры тесно связано с экстралингвистическим контекстом, с нормами невербального поведения, характерными для этой культуры.

Как отмечает Т.В. Ахутина, формы и нормы поведения не только не совпадают в разных культурах, но и изменяются внутри одной локальной культуры в процессе ее развития. Нетрудно представить ситуацию, когда носитель некоторой лингвокультурной общности оказывается не в состоянии понять не только слова, реалии, но и поведенческие нормы, описанные в литературных памятниках, относящихся к предшествующим эпохам.

Незнание или неадекватное следование нормам речевого и неречевого поведения создает трудности и в общении представителей различных лингвокультурных общностей. В случае незнания национальной специфики норм повседневного поведения возникает непонимание: либо у одного из собеседников складывается неблагоприятное впечатление о другом, либо человек, не знающий поведенческих норм, условностей, характерных для данной культуры, может потерпеть неудачу в осуществлении своих намерений.

Культура включает в себя регулятивные элементы: идеалы, нравственные нормы, традиции, обычаи и т.п., в совокупности они и составляют социальные нормы поведения, соблюдение которых является непременным условием сохранения общества как интегрированного целого.

Е.Ф. Тарасов указывает на то, что социальные нормы поведения являются необходимым условием существования общества, регулируя специальное взаимодействие людей в процессе их практической деятельности. Генетически нормы – это отчужденная от конкретных носителей абстрагированная деятельность, зафиксированная в знаковой форме или передаваемая непосредственно путем показа (обычаи, ритуалы). Своеобразие практической деятельности конкретной нации обуславливает национальное своеобразие ее культуры и, в частности, социальных норм.

Жизнь любого общества невозможна без соблюдения социальных норм и обычаев, регулирующих общественную деятельность и теснейшим образом связанных с процессом формирования личности, ее социализации. Под социализацией понимается процесс усвоения личностью культуры данного общества, выступающий как «интернализация» заданной суммы требований, а обычаи, к которым примыкают этикетные правила, являются наиболее древними формами хранения и передачи общественно-исторического опыта человека. Так, Е.А. Аршавская понимает под речевым этикетом «ритуализированное», отражающее

существенные социальные критерии речевое поведение человека в обществе. По выражению И.П. Тарасовой, основным правилом речевого общения является соблюдение норм речевого этикета. При этом Н.М. Фирсова подчеркивает, что ситуации речевого этикета подвержены нормативной регламентации. Нормы речевого этикета – важнейшее средство социального речевого поведения. Они воплощают в себе понятия «должного, требуемого, ожидаемого, одобряемого».

В основе процесса «типизирования» норм поведения лежит поведение отдельной личности, представляющее собой наиболее характерное, регулярное, рационально объяснимое и эмоционально оправданное состояние человека, в нашем случае состояние во время совершения речевого действия. В зависимости от того, что переживает по поводу своего собственного сообщения говорящий, по-разному воспринимается и то, что он сообщает. Более того, само содержание сообщения может не доходить до сознания слушателя, если оно не окрашено сочувственным, отрицательным или каким-либо еще психологическим отношением говорящего к содержанию своего сообщения.

*А.М. Аमतов
Белгород*

КАУЗАЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ФИЛОСОФИИ И ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В современных философских и естественнонаучных исследованиях причинные отношения, как правило, рассматриваются с позиций необходимости и достаточности. По классической философской модели каузальность трактуется как устойчивая генетическая связь явлений, из которых одно, причина, с той или иной степенью регулярности порождает или изменяет другое, следствие. При этом причина часто понимается как активное начало, а следствие – как пассивное, что, на наш взгляд, не всегда оправдано.

В 20-е годы прошлого столетия появилась весьма интересная «сингуляристская» концепция причинности. Автор ее, американский философ Курт Дюкасс, утверждал, что каждая отдельная причинно-следственная цепочка должна исследоваться в конкретном контексте, независимо от того, имеет ли эта зависимость тенденцию к повторению при тех или иных условиях или вообще является уникальной. Таким образом, согласно Дюкассе, механизм каузальных отношений в каждом конкретном случае специфичен и не определяется какими-либо общими законами.

Несмотря на негативную оценку теории Дюкасса со стороны многих философов, в ней, безусловно, привлекательным для лингвиста является тот момент, что автор, обосновывая свои выводы, апеллирует к понятиям «реальный контекст», «обыденный язык». Не будем забывать, что строгая логика и экспериментальное подтверждение – это то, на чем основываются научные гипотезы и

теории, т.е. все это относится к весьма узкой сфере человеческого бытия. Языком же пользуются все люди без исключения, и, следовательно, язык отражает причинную связь независимо от того, является она истинной или ложной, подтверждается она экспериментальным путем или нет.

Анализируя языковые конструкции и их употребление в живой речи, мы можем заметить, что говорящий очень редко (если не брать в расчет научную речь) стремится обосновать причину того или иного явления, опираясь на строгую логическую последовательность или регулярность событий. Кроме того, в человеческом сознании причинная связь часто отражается просто как определенный вид влияния одних фактов на другие, безотносительно к тому, являются они действиями или нет. В частности, высказывание типа *Из-за глубокого снега мы провели в пути на день больше, чем рассчитывали* явно содержит причинно-следственный компонент, однако отнюдь не предполагает активности каузирующего фактора *глубокий снег*.

Слово же «причина», как нам представляется, применительно к языковым структурам обозначает такое явление, которое именно говорящий считает стимулом, влекущим изменение, даже если эта связь не обоснована логически или вообще не соответствует реальному положению вещей. Следовательно, каузальность в языке и речи мы рассматриваем не как прямое отражение причинно-следственных связей между экстралингвистическими явлениями, а как отношения импликации между пропозициями говорящего.

Таким образом, каузативная языковая конструкция, по сути, описывает два явления (факта), связанных в сознании человека причинными отношениями. Поскольку причинная связь асимметрична, то и пропозиции неравноценны: причина (независимая пропозиция) имплицитно следствие (зависимую пропозицию). Поэтому каузативным будем считать высказывание, содержащее две пропозиции: имплицитную (причину) и имплицитную (следствие).

В целом, на наш взгляд, в любом каузативном высказывании, описывающем связь между причиной $a(t_1)$ и следствием $b(t_2)$, соблюдаются 3 следующих условия:

- говорящий уверен, что момент времени t_1 предшествовал моменту t_2 ;
- говорящий уверен, что событие a входит в число условий, породивших событие b ;
- говорящий считает событие a единственным или, по крайней мере, основным фактором возникновения b .

Поскольку мы рассматриваем языковую каузальность как операцию импликации между двумя пропозициями, то можем предположить, что вторая пропозиция иногда не высказывается, а лишь подразумевается. В частности, можно утверждать, что любой каузативный глагол обязательно имплицитно определяет результат, который не всегда выражается лексически. Используя логическую символику, данную зависимость можно выразить следующей формулой:

$$(\forall x, y \in C) (x \rho y \Rightarrow y \in C^{-1}).$$

Здесь C – область каузативных отношений, x ρ y – субъектно-объектное отношение, где x – субъект, y – объект, а C^{-1} – множество каузируемых состояний. В качестве примера здесь удобнее рассматривать такие каузативные глаголы, которые морфологически не соотносятся со своими непереходными коррелятами, типа рус. *убить* – *умереть*, *прогнать* – *yünu*, англ. *kill* – *die*, *drive out* – *get out*, нем. *töten* – *sterben* и т.п. Заменяя переменные в приведенной формуле конкретными лексическими единицами, которые удовлетворяют необходимым условиям, получим импликацию следующего типа:

Tom killed the rat \Rightarrow *The rat died*.

Приведенный пример показывает, что в каузативных конструкциях зависимая пропозиция имплицитируется всегда, в том числе и в тех случаях, когда она не выражена эксплицитно.

Таким образом, категория каузальности в языкознании, на наш взгляд, не вполне соответствует философскому определению причинности в силу того, что язык – это ментальная сущность, он виртуален. Речь же, хотя и материальна, связана с языком как явление с сущностью, и, следовательно, корни ее все равно лежат в сознании. В речи человека явления передаются такими, какими они существуют в его голове, а не в объективном мире. Поэтому выражение А. Шопенгауэра «Нет объекта без субъекта» как нельзя лучше подходит именно к языковой стороне мышления, где любой объективный факт, так или иначе, приобретает субъективную окраску.

*Е.А. Аршавская
Москва*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В связи с глобализацией информационного пространства, широким развитием международных связей и контактов самого различного уровня и диапазона, актуальность исследования проблем, относящихся к межкультурной или «кросскультурной» компетенции, очевидна. Несмотря на то, что данный термин «несколько расплывчат» (Л.В.Ковтун), исследователи отмечают, что целью формирования межкультурной компетенции должно стать адекватное поведение человека в условиях чужой культуры.

Проблемы межкультурной компетенции включают различные аспекты исследования, например, исследование процесса адаптации к иноязычной культуре и феномена «культурного шока», проблемы преподавания страноведческих сведений – «коммуникативное страноведение» и т.д.

- Нельзя не заметить, что лица, предполагающие общаться в условиях «чужой» культуры, должны обязательно обладать некоторым объемом страноведческих знаний, фоновых знаний, которые классифицируются как «общекультурные, исторические, географические, межтекстовые» и т.д. (А.А. Сошальский)

Объем страноведческих знаний может быть определен на основе совокупности социокультурных факторов, и, прежде всего, на основе категории (группы), к которой принадлежит лингво-культурный социум. Так, коммуникантов условно можно разделить на три основные категории (Мы не рассматриваем вопрос владения иностранным языком страны пребывания.):

- «туристы»;
- «бизнесмены»;
- «студенты» (лица, которые будут активно общаться в условиях «чужой культуры»).

Данные группы коммуникантов характеризуются также:

- длительностью пребывания в стране (а также частотой контактов);
- целью пребывания в стране.

Первой группе коммуникантов сообщают страноведческие сведения в ограниченном объеме. Так, гид предупреждает туристов при поездке в Египет о том, что при совершении покупок в этой стране принято торговаться с продавцом, а не соглашаться с ним сразу. А бизнесменам, регулярно посещающим Норвегию, например, сообщают, что наиболее «экономную» с точки зрения финансов поездку можно совершить на выходные дни, так как стоимость авиабилета и стоимость номера в отеле в несколько раз ниже, чем в будни. В то же время от социумов, включенных в третью группу, потребуется более глубокое проникновение в особенности чужой культуры, владение коммуникативной компетенцией – умением общаться адекватно ситуации общения.

*О.А. Брильц
Челябинск*

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЯЗЫКА

Язык – это сложное, многогранное явление социальной жизни. Анализ языка можно провести с различных точек зрения. Наиболее полную классификацию основных аспектов рассмотрения языка даёт Н. Г. Комлев. Он выделяет 9 аспектов языка, каждый из которых подразделяет на 3 стороны: общий аспект (язык в целом, язык нации, язык индивида); социально-индивидуальный (язык как система социально значимых знаков, речь как «актуализация знака в коммуникации», индивидуальное использование языка через призму индивидуализированного мышления); психофизический аспект (язык как физическое явление, язык как психофизическое явление и язык как мышление); абстрактно-конкретный аспект (звуковая, знаковая, смысловая стороны); исторический аспект (язык до момента речи, в момент речи и после момента речи); интерпсихологический аспект (эгоцентрическая, интерцентрическая, экзцентрическая стороны языковой деятельности); гено-семиотический аспект (естественный язык, специальные языки, искусственный язык); мета-аспект (язык-объект, мета-язык, мета-мета-

язык); функциональный аспект (коммуникативная, сигнификативная, эвристическая функции).

Некоторые аспекты указанной классификации пересекаются, другие же – не всегда ясно разъясняются и иллюстрируются примерами, которым автор придаёт большое значение при установлении смыслов соответствующих аспектов. Кроме того, в данном подходе просматривается смешение философского и специально-лингвистического аспектов освоения языка.

Предметом нашего интереса является философский анализ языка. Традиционно (М.В.Лебедев) такой анализ включает в себя вопросы о соотношении языка и мышления (аналогичность систем языка и мышления, взаимовлияние языка и мышления); об отношении языка к внешнему миру (различные феноменологического и феноменалистического языков); о проблеме знака и значения (системное понимание знака, семантическая релевантность интерпретации знака, приложение теории внутренних и внешних отношений к языку, взаимосвязь изменений значения знаков и обозначаемых объектов, проблема конвенциональности значения); о нормативном и творческом аспектах языка (язык как творчество и результат творчества, роль девиантного поведения и его значение для языковой деятельности); о соотношении динамического и статического аспектов языка; об эпохе, культуре, языке (зависимость смысловой стороны языка от эпохи, взаимодействие языка и культуры); о применимости холистического и нехолистического подходов к языку (проблема детерминационных отношений в системе «язык – его элементы»), о философском содержании структуралистического понимания языка; о возможностях конструктивистского истолкования языка (в частности, о соотношении способов конструирования языковых выражений и соответствующих значений); о философском анализе функций языка. Кроме того, важнейшим направлением философского анализа языка является постижение его сущности через сущее и саморефлексию языка (М.Хайдеггер).

По нашему мнению, некоторые из традиционных философских аспектов могут быть уточнены и развиты за счёт обращения к структурно-функциональному осмыслению языка (рассмотрение универсальных характеристик языка вообще: материя языка, психический и психофизический факторы в языке, модусы языка, язык и кодирование, основные ступени постижения смыслов и значений и др.) и за счёт осмысления классификационных проблем.

*Л.Г. Брюховская
Челябинск*

ЯЗЫК И ПОНИМАНИЕ

Язык только в том случае язык, если он представляет собой *actus exercitus*, то есть совпадает с самовыявлением сказанного, самоустраняясь при этом.

Осознание того, что язык – способ миростолкования, предпосланный любому акту рефлексии, явилось тем пунктом, с которого развитие феноменологического мышления Хайдеггером и его последователями пошло в новом направлении и повлекло за собой ряд философских следствий. Мышление всегда дви-

жется в колее, пролагаемой языком. Языком заданы как возможности мышления, так и его границы. Но о том же самом говорит и опыт интерпретации, которая, в свою очередь, имеет языковой характер. Когда, например, мы не понимаем некоторый текст, и отдельное слово озадачивает нас своей многозначностью, предлагая разные возможности своего истолкования, мы, бесспорно, имеем дело с препятствием на пути языкового осуществления понимания. Когда же нам в конце концов удается справиться с этой многозначностью и добиться однозначной ясности, мы приходим к твердому убеждению, что поняли, как этот текст следует читать. Не только грамматическая, но, как нам кажется, всякая истинная интерпретация текста «предопределена» к самоупотреблению.

Язык и понимание столь очевидно и столь тесно друг с другом связаны, что допущение, будто понятия можно «применять» равносильно разрушению самой ткани философствования. Единичное сознание, если, конечно, оно претендует быть сознанием философским, такой свободой не располагает. Оно вплетено в язык, последний же никогда не есть язык говорящего, но всегда язык беседы, которую ведут с нами вещи. Язык сегодня представляет собой тот философский предмет, где происходит встреча науки и опыта человеческой жизни. Любое, даже самое обыденное слово несет в себе множество семантических оттенков и субъективных интерпретаций, то есть имеет весьма размытое мифосемантическое поле. Нет ни одного слова ни в одном человеческом языке, чья мифосемантика носила бы однозначный характер, и нет двух людей, которые обладали бы абсолютно одинаковыми мифосемантическими образами одного и того же слова. Любое, даже самое простое слово рождает у двух разных людей разные цепи ассоциаций. Потому-то слово человеческого языка является весьма громоздким и неудобным инструментом коммуникации, скорее затрудняющим взаимопонимание между людьми, нежели помогающим этому взаимопониманию.

Но сводятся ли язык и мысль философии к тому, чтобы извлекать по мере надобности, словно из подручной сумки с инструментами, философские понятия, с их помощью добывать познания и дезавуировать то, что не служит познавательной цели? Мы вправе сказать: в известном смысле это так, поскольку понятийный анализ всегда включает, среди прочего, критику языка и в ходе строго логического разбора понятий мнимые вопросы и ложные предрассуждения. И все же идеал недвусмысленного понятийного языка, за которым особенно в начале нашего века с таким энтузиазмом охотилась философская логика, в ходе имманентного развертывания этого усилия наложил сам на себя существенное ограничение. Идея чистого искусственного языка философской мысли обнаружилась на путях логического самоанализа свою нереализуемость.

Однако разве в языке больше ничего нет? Разве факт закрепления в языке среди прочего также и предрассудков означает, что в нем всегда выходит на свет только неистина? Язык есть нечто большее. Он есть всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира и в этом смысле ничем не заменим. Прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир есть для нас всегда уже мир, истолкованный в языке. С изучением языка, с нашим вращением в родной язык мир становится для нас членораздельным.

Основная задача понимания не сводится к моменту узнавания говорящим языковой формы как знакомой. Задача понимания в основном сводится не к узнаванию примененной формы, а именно к пониманию ее в данном конкретном контексте, к пониманию ее значения в данном высказывании, то есть к пониманию ее новизны, а не к узнаванию ее тождественности.

Другими словами, и понимающий, принадлежащий к тому же языковому коллективу, установлен на данную языковую форму не как на неподвижный, себетожественный сигнал, а как на изменчивый и гибкий знак.

Таким образом, конститутивным моментом для языковой формы как для знака является вовсе не ее сигнальная себетожественность, а ее специфическая изменчивость, и для понимания языковой формы конститутивным моментом является не узнавание «того же самого», а понимание в собственном смысле слова, то есть ориентация в данном контексте и в данной ситуации, ориентация в становлении, а не ориентация в каком-то неподвижном пребывании.

Языковое сознание говорящего и слушающего – понимающего, таким образом, практически в живой речевой работе имеет дело вовсе не с абстрактной системой нормативно тождественных форм языка, а с языком-речью, в смысле совокупности возможных контекстов употребления данной языковой формы.

*В.Э. Будейко
Челябинск*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛФАВИТА И СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (К проблеме изучения современной инфосферы русского языка)

Информационные измерения алфавита и словаря языка на синтаксическом уровне выявляют не только определённые показатели, но и постоянные соотношения, которые дают возможность сравнивать и определять объёмы информации, значения алфавита и его проекции на языковое использование в предполагаемых временных и культурно-исторических ситуациях.

Результаты информационных исследований представлены на двух графиках. В измерение включались множества графических слов (лексемы) и их элементы (знаки-символы). Базовыми показателями рис. 1 являются: алфавит (V) и словарь ЭВМ на основе искусственного языка ассемблер (Z). Объёмы информации, соответственно: 82 байта и 519 байт. Форма представления информации на рис. 1 – цифровая. При информационном анализе алфавитно-лексических показателей определено, что алфавитная система на основе русского алфавита (рис. 2) имеет аналоговую форму представления информации. Аналогом буквы является какой-либо знак, символ, сочетание геометрических элементов (прямоугольник, угол, эллипс, круг, черта и т.п.).

Синтаксические показатели информации в диахронии (рис. 2) позволяют

увидеть информационную динамику алфавита и словаря, а также определить приблизительное соотношение искусственных и этнокультурных языковых явлений.

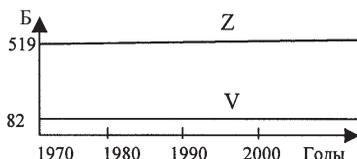

Рис. 1 – для искусственного алфавита и словаря (набор команд на языке ассемблер ЭВМ)

При этом показательно, что искусственный словарь и алфавит по сравнению с естественным языком условно статичны, управляемы и полностью поддаются проверке и исправлению. Коэффициент отношения объёмов информации данного словаря к алфавиту равен 6,33.

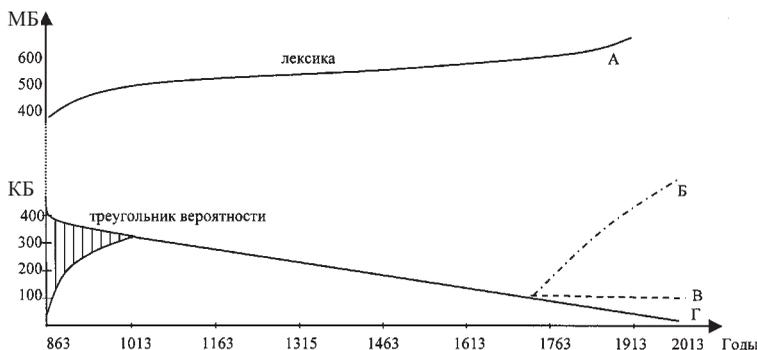

Рис. 2 – для русского языка и алфавита в диахронии:
V информации в мегабайтах (линия А), в килобайтах (линии Б, В, Г)

За точку отсчёта времени принимается год появления азбуки; V – объём информации словаря (верхняя линия А) и алфавита (линия Б – научные идеогаммы, элементы символических языков, представляющих самостоятельные знаковые системы в естественном языке, линия В – церковнославянская кириллица, линия Г – алфавит русского языка). Заштрихованный треугольник вероятности отражает гипотетические показатели: верхний угол (креационистская теория происхождения азбуки), нижний угол (теория эволюционного накопления алфавитного материала). Объём информации алфавита складывался из объёмов каждого знака, выраженного графически, в имени, в символических и цифровых значениях. Объём информации словаря определялся из произведения количества лексем, средней длины слова в тексте и инфобъёма одного символа. От-

ношение V словаря к V алфавита является величиной постоянной и приблизительно равно 1000. Причиной погрешности расчёта является открытость лексической системы, которая не поддаётся полному учёту и систематизации.

Данное исследование в области измерений информационных объёмов словаря и алфавита вскрывает коренные причины формирования и образования этнокультурных особенностей письма и алфавита, открывает возможности прогнозирования языковых реакций на изменения в области статуса алфавита, письма, письменности.

Материалы информационных исследований, представленные на графиках, дают основания для следующих гипотез:

а) соотношения объёмов информации словаря и алфавита имеют свои пределы, которые влияют на связь и этнокультурную взаимообусловленность этих систем;

б) хронологическая динамика объёмов информации словаря и алфавита свидетельствует о константах, которые многозначны;

в) вероятностные показатели алфавита отражаются на информационном поле графика и имеют свои характерные значения;

г) графика алфавита имеет значение, и это значение информационное и потенциальное (т.е. переходящее в другие смысловые, знаковые системы);

д) информационные исследования в области синтаксических измерений объёмов словаря и алфавита позволяют наметить направления прогнозирования отношений между алфавитом, письмом, и словарём, а также пути развития в области письма и языковой ситуации настоящего и будущего времени.

*Л.К. Гейхман
Пермь*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Проблема подготовки специалистов к работе с партнерами, выросшими в другой культуре, имеет целый ряд особенностей. Педагоги пересматривают методы обучения, особое внимание стало уделяться выработке навыков и умений межкультурного общения, а не просто информированию о культурных особенностях той или иной страны. В связи с тем, что информация для обучения межкультурному общению получена из разных наук, для решения этой проблемы педагогика заимствовала понятия и категории антропологии, психологии, социологии, лингвистики, теории коммуникации. Однако эклектичность такого рода лишь обогатила педагогику как область научных исследований, так как междисциплинарный ее характер позволил переосмыслить многие традиционные и знаемые понятия.

В России идеи межкультурной коммуникации начали развиваться одновременно с идеями принципиально нового подхода к преподаванию иностранных

языков. Научить людей общаться (устно или письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого.

В новых условиях, при постановке проблемы преподавания иностранных языков стало очевидно, что радикальное повышение уровня обучения коммуникации, общению между людьми разных национальностей может быть достигнуто только при ясном понимании и реальном учете социокультурного фактора.

Иными словами, помимо значений слов и правил грамматики нужно знать: 1) когда сказать/написать, как, кому, при ком, где; 2) как данное значение/понятие, данный предмет мысли живет в реальности мира изучаемого языка.

Общение двух людей, один из которых говорит на иностранном языке, есть общение не только межъязыковое, но и межкультурное, поскольку коммуниканты являются представителями разных лингвокультурных сообществ. Преподаватели иностранных языков одними из первых осознали, что для эффективного общения с представителями других культур недостаточно отличного владения иностранным языком. Человек должен не только правильно формулировать свои мысли на иностранном языке, но и соблюдать культурные нормы, принятые у носителей иностранного языка.

Поэтому обучение иностранному языку не может ограничиваться сообщением некоторой совокупности знаков и правил их комбинирования или некоторого набора речевых стереотипов, необходимых для коммуникации, потому что, осваивая язык, обучающийся должен проникнуть в иную систему ценностей и жизненных ориентиров и интегрировать ее в собственную картину мира. Для того чтобы научить студентов эффективно общаться с представителями других культур, необходимо формирование навыков и умений общения.

Тесная связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации очевидны. Каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое слово отражает другой мир и другую культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире.

Формулируя цели обучения, можно выделить три задачи: 1) получение знаний (как общекультурных, так и культурно-специфических); 2) формирование навыков и умений; 3) изменение установок и оценок. Последнее – самый сложный и медленный процесс, который связан с формированием терпимости, готовности к переменам, способности признавать альтернативные ценности и модели поведения.

Общением можно овладеть только в общении и через общение. Соответственно, учебный процесс должен моделировать интеркультурное общение как диалог культур и цивилизаций в современном мире, что требует и соответствующего технологического обеспечения.

В любой ситуации общения задействованы человеческие эмоции и реакции. Одна из основных задач кросс-культурных тренингов – облегчение процесса адаптации в иной культуре и сведение к минимуму (так как полностью избежать этого невозможно) негативных последствий культурного шока. Поэтому целесообразно включать в учебную программу элементы тренинга межкультурного общения. В ходе занятий студенты получают возможность испытать те чувства и эмоции, которые возникают в реальной ситуации межкультурной коммуникации, обсудить и проанализировать свое собственное поведение и поведение партнеров, понять, что люди часто склонны оценивать непривычные действия других людей на основании неправильных посылок. Разбор ситуаций вызывает оживленные дискуссии, значительно повышает мотивацию и заинтересованность студентов в предмете, устраняет психологический барьер во взаимодействии студентов и преподавателя.

При этом само обучение все более приобретает характер диалога культур. В результате формируются содержательный и тактический базис полноценной интеркультурной коммуникации, т.е. адекватного взаимопонимания и взаимодействия между участниками коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Ведь именно расхождения культур, неумение ориентироваться в них в силу незнания национальных культурных особенностей является в основном барьером в общении и взаимопонимании между людьми, даже если они пользуются одним и тем же языком.

Педагогическим результатом организованного учебного взаимодействия является толерантность.

*Е.А. Глебова
Москва*

ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР НА УРОВНЕ ЛЕКСИКИ: ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТОПОНОМИКА

Языковая картина мира при взаимодействии различных культур проявляется прежде всего на лексическом уровне, поскольку именно лексика фиксирует появление в языке новых лексем, соответствующих новым понятиям.

Так, в самом начале новой эры после попыток Цезаря направить из Галлии войска римлян с целью покорения германцев, а также при Августе и Тиберии латинская лексика, в основном термины, относящиеся к строительному мастерству – возведению каменных построек – значительно расширила различные обозначения, касающиеся строительства, в языках германских племен этой эпохи. Это терминологические заимствования латинских названий стен (*murus*), окон (*fenestra*), дверей (*porta*), подвалов и погребов (*cellarium*), а также военная терминология, поскольку превосходство римлян над германцами в этой сфере было очевидно: были заимствованы из латыни термины *vallum*, *strata* и другие.

Германцы заимствовали у римлян элементы материальной культуры в сфере садоводства, огородничества и земледелия, до этого неизвестные германским племенам, в том числе названия редьки (*radix*), вишни (*cerasea*), тыквенных культур (*cucurbita*), неэкзотических пряностей (*pipere*), но прежде всего вина (*vinum*) и уксуса (*acetum*) – продукта переработки виноградного сока. Это доказывает возможность возделывания винограда, прежде не культивировавшегося между Рейном и Эльбой, как результат знакомства германцев с римскими традициями виноградарства и виноделия.

От римлян германцы заимствовали способы переработки продуктов молочного животноводства, что отразилось в соответствующей терминологии сыроделия (*caseus*) и в названиях животных (*asinus*, *mulus*, *paraveredus*).

Поскольку в результате контактов в сфере материальной культуры всегда наблюдается оживление торговли, то в лексике германских племен в I в. после Р.Х. появились термины, соответствующие лат. *moneta*, *milia*, *pondus*.

Подобного рода заимствования важны как для изучения истории контактов между соседними народами, так и для истории языков, поскольку при заимствовании отдельных, иногда даже многочисленных лексем, оказываются засвидетельствованными подтверждения фонетических процессов, которые невозможно установить, оперируя фактами непосредственно исследуемого языка. Примером этому может служить название города Пскова в латышском языке: *Pleskava*, что подтверждает контакты между псковитянами и предками латышей в эпоху, когда в топониме Пскова еще не произошло выпадение плавных и ощущалась связь с глаголом «плескать».

Известно сочинение византийского императора Константина Багрянородного «О народах», в котором говорится о преодолении византийцами днепровских порогов Неясыть (название совы) и Деручий (вращающийся, крутящийся). При передаче греческими буквами этих топонимов в сочинении Константина Багрянородного нет отражения назальных звуков, что несомненно подтверждает отсутствие в восточнославянских диалектах назальных звуков, обозначаемых при помощи юсов, поскольку знаки алфавита в рукописях в значительном ряде случаев могут отражать традиционное написание слов, а не уже сменившееся реальное произношение. В подобного рода случаях заимствования являются надежным свидетельством фонетических изменений, отразившихся в топонимике.

Е.И. Голованова
Челябинск

ЧЕЛОВЕК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Идея антропоцентричности языкового сознания наиболее ярко подтверждается на лексическом уровне языка: наименования человека составляют значительную часть любого национального словаря и могут исчисляться десятками,

сотнями тысяч единиц. Человек в языке предстает во всем многообразии присущих ему свойств, качеств, установившихся связей и отношений с реальным миром. Выбор типа обозначения человека чрезвычайно широк – от собственного имени до обобщенного «человек», «персона», «индивид», включая релятивные, функциональные, «демографические» (В.Г. Гак), оценочные номинации. Вместе с тем языковое моделирование человека далеко не однозначно: в разных языках набор и состав моделей различен, в ходе развития одного языка модели, описывающие человека, меняются, поскольку отражают разные стадии эволюции человеческого сообщества. Не случайно замечание Н.Д. Арутюновой о том, что языковое моделирование человека, глубоко противоречивое и не всегда достоверное, «требует разработки специальных методов изучения». С развитием когнитивного направления в лингвистике решение этой проблемы приобрело конкретные очертания.

Объектом настоящего исследования является лишь один параметр целостного образа человека, а именно – человек как носитель профессии, поэтому в центре внимания находится совокупность языковых моделей, дающих разные интерпретации человека, осуществляющего профессиональную деятельность.

Возникновение профессиональных обозначений лица связано с периодом первоначального разделения труда, с выделением групп людей в зависимости от их трудовой специализации. По мере развития общества, с углублением человеческого опыта и непрерывной структуризацией деятельности происходили изменения и в сфере профессиональных обозначений лица, менялось соотношение номинативных моделей внутри данного класса имен.

Названия лица по профессии – это всегда вторичные знаки, вторичные номинации, в связи с чем в любом из них зафиксирован результат целенаправленной мыслительной деятельности, акт интерпретации объекта познающим субъектом.

В русском языке зафиксировано 5 основных моделей концептуализации субъекта профессиональной деятельности: 1) процессуальная, 2) объектная, 3) инструментативная, 4) продуктивная (экстериативная) и 5) локативная. Первые четыре способа соотносятся с основными конституирующими составляющими трудовой деятельности: процесс труда – объект труда – средство труда – результат труда. Актуализация локативной модели обусловлена тем, что пространственные категории, будучи важнейшими онтологическими категориями, не могут не играть значимой роли при моделировании «профессионального человека».

С точки зрения разделения труда важнейшими этапами в социально-экономическом развитии общества являются следующие: 1) период ремесленного производства, 2) период мануфактурного производства, 3) период крупного машинного производства (индустриальный этап) и 4) постиндустриальный (этап информационного развития общества). В каждый из названных периодов можно выделить ведущие языковые модели репрезентации субъекта профессиональной деятельности.

На этапе ремесленного производства, когда один человек выполнял весь

круг производственных действий, наиболее предпочтительной была продуктивная (экстериативная) модель; в период мануфактурного производства, когда в создании конечного продукта принимали участие несколько «детальных рабочих», а сам процесс деятельности распадался на отдельные операции, – процессуальная; в период крупного машинного производства в связи с возрастанием роли машин и механизмов наряду с процессуальной на первый план выходит инструментативная модель, и, наконец, на современном этапе целесообразно говорить об усложнении именования профессионального деятеля и о комплексной его номинации (современные аналитические обозначения лица могут достигать 8-10 компонентов и совмещать в себе целый ряд признаков).

Локативная модель представлена на всех этапах развития производства, но при этом она неизменно занимает периферийное положение.

Особо следует выделить слабо актуализированные в исследуемом классе наименований модели представления лица – метафорическую и метонимическую. Появление такого рода номинаций обусловлено креативным характером языковой категоризации, способностью сближать разносущностные объекты. Метафоризация представлена чаще, чем метонимизация, хотя и те и другие примеры единичны, ср.: *няня* – уборщица в школе, в детском учреждении, *дояр* – работник серпентария, занимающийся отбором яда у змей для его медицинского использования. Исторические примеры столь же редки: *мамка* – кормилица, нянька, *дядька* – слуга, ухаживающий за юношей, наставник.

Что касается метонимической модели концептуализации профессионального деятеля, то она встречается лишь за пределами литературного языка – в жаргонах и диалектах, например: *мешок* – перекупщик, *шило* – портной, *кувалда* – рудокоп. Интересные данные в этом отношении содержатся в «Словаре русского военного жаргона» В.П. Коровушкина (Екатеринбург, 2000), ср.: *саног* – военнослужащий сухопутных войск; *портуея* – милиционер или офицер вооруженных сил; *шуруп* – военнослужащий танковых или мотострелковых войск; *ветродуй* – синоптик, *бляха* – патрульный милиционер. Основу данного способа представления лица по профессии составляет предмет устойчивых ассоциаций.

*Е.Н. Гуц
Омск*

НЕНОРМАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ПОДРОСТКА

Выбор категории глагола в качестве предмета данного исследования объясняется тем, что «среди знаменательной лексики разговорной речи глаголы являются самым употребительным классом слов». В докладе ненормативные лексические единицы рассматриваются в диахроническом, социолингвистическом, семантическом и гендерном аспектах.

Для определения таких признаков ненормативного (жаргонного и просторечного) слова, как устарелость/новизна; активность/пассивность в системе языка и в речи подростков, были использованы методы анкетирования и опроса информантов.

Анализ глаголов, приведенных М.А.Рыбниковой в списке «ходких словечек, которые летают по зале и по коридору в перемену, которые шепотом произносятся за уроком, а иногда и громко в уши преподавателя» (М.А. Рыбникова) показал, что в глаголах, употребляемых современными подростками отражены элементы семантических полей «драка», «ссора», «презирать», «двигаться», «есть», «лгать»: *шамать, бузить, зырить, стырить, заначить, разоряться, звездануть, забуреть, засыпаться* и другие.

Анализ анкет и опросы информантов позволяют сделать следующий вывод: элементы тюремно-лагерного жаргона в основном представлены в пассивной части лексикона подростка; отдельные слова, закрепившиеся в молодежном жаргоне (*кайфовать, тащить, махать, заколевать, бухать, отмазаться* и др.), используются в речи.

В активную часть лексикона подростка входят жаргонные глаголы – элементы семантических полей «удовольствие», «веселье», «страх», «драка», «учеба», «бизнес» и некоторых других.

В таблице представлены слова-«рекордсмены» по трем типам ответов на вопрос анкеты, точнее, слова, получившие наибольший процент одного из трех типов ответов на вопрос анкеты: знают слово и употребляют его в речи (ЗУ); знают, но не употребляют (ЗН); не знают и не употребляют (НН).

ЗУ	Количество, %	ЗН	Количество, %	НН	Количество, %
прикальваться	96	митинговать	58	башлять	95
обломать	88	закадрить	50	максать	93
хавать	81	замазаться	46	спикать	92
валить	80	канать	46	ботанеть	88
наколоть	68	надыбать	45	лабать	86
сочить	61	ломануться	43	лукать	85
торчать	57	наварить	43	стебаться	85
крутиться	56	грести	41	крейзануться	83
шизануться	53	всасывать	40	дансить	79

Семантико-прагматический анализ этих лексических единиц позволяет определить, каким подросток видит мир и себя в нем, как он интерпретирует действительность и каково место ненормативных элементов в языковой картине мира.

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЯХ

Понятие «картина мира» (синонимы: «модель мира», «образ мира», «представление мира») разработано в ряде работ (Гуревич, Jackedoff, Калшанский, Брутян, Павиленис, Сухаленко, Яковлева, Апресян), особенно в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке» (1988).

Рассмотрим вкратце некоторые толкования понятия «языковая картина мира» через призму когнитивных моделей представителями разных научных направлений.

По мнению Г.А.Брутяна, языковая картина мира по всем существенным признакам совпадает с логическим отображением действительности. Вследствие этого люди, говорящие на разных языках, отображают мир в сознании одинаково. Г.А.Брутян понимает мыслительную модель мира, как знание об окружающей действительности, зафиксированное в понятийном составе познающего субъекта. Языковую модель он рассматривает как знание, выраженное словарным языковым багажом. Анализируя взаимоотношение двух моделей, он считает, что языковая модель варьируется от языка к языку. Мыслительная же модель является инвариантной. Согласно этой точке зрения, существует столько языковых моделей, сколько имеется языков. При этом объем языковой модели несколько шире мыслительной модели, так как она содержит еще и некоторую информацию, специфичную для данной языковой модели (Г.А.Брутян, 1976).

Р.Джакедорф считает, что когнитивная теория изучает ментальную репрезентацию объектов или явлений действительного мира, сформированную как на основе лингвистической информации, т.е. сведений об отраженном мире, так и на основе сенсорной и моторной информации, т.е. знаний, полученных путем восприятия реального мира (R.S.Jacendoff).

Такие ученые, как Г. Пауль, В. Пизани, L. Bloomfield, отмечают множество разновидностей метонимических моделей: «причина – следствие», «часть – целое», «место – продукт» и др.(Г. Пауль, В.Пизани, L. Bloomfield). В то же время метонимические модели, по мнению Дж. Лакоффа, могут быть использованы в качестве одного из способов описания процесса категоризации. Метонимические модели, по мнению Дж. Лакоффа, могут быть использованы в качестве одного из способов описания процесса категоризации. Метонимические модели указывают, каким образом два концепта связаны в концептуальной структуре, какова функция одного по отношению к другому (J. Lakoff).

Нельзя не вспомнить различные словообразовательные модели, отражающие когнитивную деятельность человека, в рамках категорий, в которые они входят.

В процессе нашего исследования мы знакомимся с фреймовой и концептуальной моделями, выделяемыми Ч. Филлмором и рядом других ученых, что дает

возможность выделить основные категории, зафиксированные, например, в названии станков, машин и в связи с этим каналы получения информации и этапы когнитивной деятельности.

В семантике названия станков прослеживается когнитивная модель, получаемая в результате деятельности субъекта по активной структуризации предметного мира (Шумков). Познание предмета предлагает вычисление его из окружающей действительности.

Концептуальная система, которая подвергается постоянным изменениям в соответствии с поступающей в нее новой информацией, формирует таким образом концептуальную модель мира.

Эта модель носит индивидуальный характер и специфична для каждой языковой личности, структура которой включает когнитивный и прагматичный уровни (Караулов) или номинацию, когницию и оценку; интеллект человека формирует идеи, концепты, образующие лексические и семантические поля как части рисунка общей картины мира.

М.Минскому принадлежит заслуга введения в обиход фреймовой модели, которая позволяет представить в рамках единой теории психологическую модель памяти человека и сознания. Эта модель, как и семантическая сеть, имеет глубокое психологическое обоснование. Под «фреймами» понимается абстрактный образ или ситуация. «Фреймом» называются также и формализованная модель для отображения образа.

Фреймовая модель является весьма эффективной при анализе лексики языков различного строя.

Из рассмотренных моделей, таким образом, возникает вопрос: какие же когнитивные модели являются ключевыми для восприятия мира, описания языковой картины мира?

Как видно из примеров, рассмотренных нами, репрезентация когнитивных моделей в когнитивной деятельности человека служила объектом исследований многих ученых различных направлений и школ.

Из всех известных нам способов и моделей представления знаний, разработанных как зарубежными, так и отечественными учеными, заслуживают внимания такие модели, которые являются наиболее активными на наш взгляд: мыслительная, ментальная, образно-концептуальная, схематическая, метафорическая, метонимическая, словообразовательная модели, семантическая сеть, фрейм и т.д. О некоторых из них было сказано выше.

Для чего нужны модели? Когнитивные модели должны помочь осмыслить ту часть опыта человека, которая ограничена человеком и воспринимается самим человеком. Центральное место занимает, конечно же, моделирование знаний о мире, необходимых для понимания объективного мира, порождения текста, гибкого использования различных видов информации, передачи опыта человеческой деятельности, языковой картины мира. Для решения всех этих задач требуются все новые и отличающиеся от прежних модели.

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЯХ В КОГНИТИВНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ

В науке о языке все более ощутимыми становились тенденции к интеграции лингвистического знания, к формированию целостного подхода к объекту. Когнитология представляется той междисциплинарной наукой, которая, исследуя когницию познания и разума во всех аспектах его существования, «устанавливает контакты» между математикой, психологией, лингвистикой, моделированием искусственного интеллекта, философией и информатикой.

Когнитивная лингвистика по своим методологическим предпочтениям находится в известной оппозиции к так называемой лингвистике соссоровской. Однако без учета результатов исследований по когнитивной лингвистике современные работы по языковому моделированию утрачивают всякий смысл. Согласно теории А. Паivio, система ментальных репрезентаций находится в состоянии покоя и не функционирует до тех пор, пока какие-либо стимулы – вербальные или невербальные – извне не активируют ее (Paivio, 1986). Активация может происходить на трех уровнях обработки сигналов: репрезентационном (лингвистические сигналы возбуждают лингвистические структуры, невербальные сигналы – картины или образы), референциональном (вербальные сигналы активируют невербальные, а невербальные – вербальные) и ассоциативном (возбуждение каких-либо образов в ответ на слово и извлеченное из памяти название для получения сигналов сопровождается также возбуждением разного рода ассоциаций).

Память представляет собой семантическую «сеть», «узлами» которой являются как вербальные единицы (логогены), так и невербальные репрезентации (имагены). Каждый «узел» сети при необходимости может быть активирован, то есть приведен в возбужденное состояние. Причем при активации мозга не исключены ошибки, то есть возбуждение тех или иных участков, когда отдельные «узлы» оказываются возбужденными более, чем это необходимо, и когда человека захлестывает поток ненужных ассоциаций. Очень важно знать, какие типы знаний активируются в тех или иных случаях и какие структуры сознания (от единичных репрезентаций до таких их объединений, как фреймы, сцены, сценарии и т.п.) они при этом вовлекают. С распространением модулярной теории Дж. Фодора и Н. Хомского архитектура когниции описывается с помощью перечисления отдельных модулей (восприятия, рационального мышления, памяти, языка и т.д.).

Одним из центральных понятий в когнитивной терминосистеме является также понятие ассоциации – связывания двух явлений, двух представлений, двух объектов и т.п., обычно стимула и сопровождающей его реакции (Панкрац). Сама способность к ассоциациям считается врожденной. Понятие ассоциации поло-

жено в основу многих сетевых моделей разума, по существу, представляющих собой цепочки единиц (узлов), связанных отношениями ассоциаций разных типов.

Важным понятием когнитологии является также понятие концепта. Концепты – единицы ментального лексикона – возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах. Эта информация может включать как сведения о реальном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и о возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира.

Концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям и представляют собой неанализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются (ср.: *желтый* и *рапсово-желтый*, *ванильно-желтый*, *кукурузно-желтый*, *лимонно-желтый* и т.д.). Число концептов и объем содержания большинства из них постоянно изменяются.

Оригинальное понимание концепта предложил В.В. Колесов в статье «Концепт культуры: образ-понятие-символ». По мнению автора, «концепт – исходная точка семантического наполнения слова и одновременно – конечный предел развития слова, тогда как понятие – исторический момент снятия с накопленных сознанием образов сущностной характеристики, которая немедленно сбрасывается в символы, в свою очередь, служащие для соединения, связи между миром природным (образы) и миром культурным (понятия). Символ как «идейная образность», как образ, прошедший через понятие, сосредоточен на типичных признаках культуры, как знак знака. То, что явилось началом в результате развития смыслов слова как знака культуры, становится и его концом – обогащением этимона до концепта современной культуры. Концепт потому и становится реальностью национальной речемысли, образно данной в слове, что существует реально, так же, как существует язык, фонема, морфема и прочие выявленные наукой «ноумены» плана содержания, жизненно необходимые всякой культуре.

Концепт есть то, что не подлежит изменениям в семантике словесного знака, что, напротив, диктует говорящим на данном языке, определяя их выбор, направляет их мысль, создавая потенциальные возможности языка-речи.

*Н.А. Збруева
Москва*

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО МИРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мировое пространство XXI века характеризуется наступающей реальностью глобализации. Небывало возрастающая скорость общения сочетается с расширением его диапазона, затрагивая все проявления коммуникации, касающиеся культурных, нравственных, экономических и политических устоев нашей цивилизации. Скрытая сторона глобализма заключена в позиции последователь-

ного отстранения от всех местных интересов, норм, традиций. Информационное «отравление» окружающей среды в условиях прогрессирующей глобализации ставит под вопрос сохранность национальных культур и механизмов этнокультурной самоидентификации. Циркуляция колоссальных объемов информации в мировых масштабах придала ей, информации, функции всемирного посредника в межкультурной коммуникации, определяя передачу культуры в ее знаковых проявлениях, и тем самым создала возможности для системного осмысления информационного пространства как особого культурного феномена.

С.Хантингтон предполагает, что в нарождающемся мире источником конфликтов станут не идеология, а цивилизационные разделы. Вместе с тем средствами современных информационных технологий настойчиво внедряется в сознание общества образ мира без границ, таможенных барьеров, без культурного и экономического протекционизма. Информационная культура неизбежно должна вводить иные формы интеллектуального существования, имеющего определенные для мирового сообщества ограничения, выражающиеся, к примеру, в регламентации применения знаковых систем, обслуживающих процессы массовой коммуникации в глобальных масштабах. Прежде всего, следует рассматривать использование общей языковой системы, обеспечивающей определенный уровень восприятия и осмысления поступающей информации.

Выделившийся или проводимый современными информационными технологиями английский язык как язык современного информационного пространства служит организации, конструированию реальности глобального мира. Это в известной степени сближает его с латинским языком, который в определенный период развития европейского интеллектуального сообщества способствовал коммуникационным связям, объединительным процессам в науке, искусстве, духовной жизни. Существенное отличие распространения современного английского языка состоит в том, что в результате интенсивного развития глобальных процессов он приобретает черты информационного кода мировых масштабов, которым должны владеть все слои общества. Это неизбежно приводит к стандартизации языкового кода, усреднению его фонетического и смыслового содержания, активизации отрыва от национальных корней, потере многозначности и развитию шаблонов, обеспечивающих технологическое обеспечение направления, получения и переработки информации. Примерами могут служить распространенные в настоящее время SMS технологии, использующие при передаче информации по мобильным телефонам не более 160 символов, вполне достаточных для служебных сообщений.

Складывающаяся ситуация вполне может способствовать трансформации английского естественного национального языка в язык условного общения. При этом роль национальных языков как знаковых кодов, служащих сохранению национальных культур и механизмов этнокультурной самоидентификации, неизбежно будет возрастать, так как другие механизмы сохранения национального интеллектуального богатства могут терять свои позиции в условиях массированного воздействия информационных систем на сознание индивидов и обще-

ства в рамках транснациональной практики культурно-идеологической сферы. Вполне возможно, что произойдет отделение, например, английского «мирового» языка от британского языка как национального за счет усиления и обогащения его национального колорита.

Следовательно, для развития межкультурной коммуникации необходимым условием будет являться не владение стандартизированным языком культурного империализма, при котором ценности и убеждения могущественных стран внедряются в слабые страны посредством эксплуатации последних, в том числе с использованием, по выражению Л. Склеира, медиа империализма, а путем целенаправленного изучения национальных языков через культуры этих стран или народностей. Именно тогда возникнут стимулы для активного расширения спектра изучаемых языков, без доминирования английского национального языка, но с обязательным усвоением на уровне среднего образования необходимого стандартизированного, упрощенного «мирового» языка. Парадоксальность заключается в том, что в условиях глобальной коммуникации преимущество, по нашему представлению, должны будут получать национальные языки и культуры как обогащающие и расширяющие интеллектуальные возможности людей, создающие возможности противодействия культурно-идеологическим транснациональным практикам гегемонистского характера.

*А.В. Карбыков
Петропавловск, (Казахстан)*

О ЧЕРТАХ АГНОСТИЦИЗМА В КОНЦЕПЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ А.А. ПОТЕБНИ

В научном творчестве А.А.Потебни нашли своеобразное отражение некоторые основные черты европейской философии Нового времени, в том числе дуализм и агностицизм системы И. Канта, восходящей к основам картезианского учения.

В своих лингвофилософских построениях А.А.Потебня разделяет общепринятое представление о том, что коммуникационный процесс обеспечивается взаимодействием двух своих сфер: выражения и содержания. Но впервые в отечественном языкознании он признал самостоятельность и, более того, примат языка (сферы выражения) над мыслью (сферой содержания).

По утверждению ученого, то, что относится к содержанию речи, представляет собой внеязычную действительность, а потому является безразличным по отношению к языковым формам. Отсюда следует, что анализ языка, строго разделяющий вышеуказанные сферы, должен обращаться только с планом выражения: непосредственным языковым материалом, представляемым во всем многообразии грамматических форм. Цель этого анализа состоит, по Потебне, в том, чтобы показать разницу между способами воплощения в языке тех или иных ментальных представлений.

Поэтому, как и слово, предложение может получить только формальное определение. Вот почему представление структуры данной единицы связывается лингвистом с учением о частях речи. Так, согласно определению Потебни, минимумом современного русского предложения является глагол в своей личной форме. Мотивируя свой взгляд на природу данной единицы, ученый предлагает свою концепцию её генетического развития.

Возникновение речи связывается исследователем с появлением первообразного семантически и грамматически аморфного слова, выражавшего одновременно и предмет, и действие, и признак. Вместе с тем это образование, обозначавшее *целое* восприятие, характеризуется ученым как сказуемое, выражавшее предикат первородного суждения. Но почему и не как подлежащее, воплощавшее субъект последнего? Настоящую особенность анализируемой концепции мы склонны связывать с общим недоверием Потебни к возможности познания за отдельными атрибутами предмета в его сущности.

Следующим и последним шагом в развитии предложения стало возникновение его двучленной структуры. Её генезис сопрягается лингвистом с развитием в языке грамматических форм, возникновению которых должна была предшествовать своеобразная, соответствующая этим формам, семантическая интерпретация представлений. Будучи, по определению ученого, «средоточием атрибутов», первообразные представления, выражаемые аморфными словами – сказуемыми, прежде должны были «расщепиться» на представления переменных атрибутов и неизменного «зерна вещи» – её субстанции.

Однако как из «средоточия атрибутов» могла возникнуть неизменная субстанция предмета, фиксируемая грамматикой в форме подлежащего двусоставного предложения, остается непроясненным в учении А.А.Потебни. В этом моменте заключается, на наш взгляд, уязвимость всех агностических построений, четко выраженная Штейнталем: «Как ум наш не постигает предмета в его сущности, так и язык не имеет собственных, первоначальных существительных, и как сочетание признаков принимается нами за самый предмет, так и в языке есть только названия признаков» (цит. по: Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С.150).

Таким образом, чтобы избежать противоречия, мы принуждены либо признать способность разума познавать сущность вещей, либо не опираться в своих исследованиях на понятие субстанции предмета. Эмпирически познаются только атрибуты последнего, сущность же его открывается посредством интуиции, усиливаемой верой. Эту идею развивали в своих трудах В.С.Соловьев, П.А.Флоренский, А.Ф.Лосев.

Как известно, А.А.Потебня предлагает свой способ разрешения указанного противоречия. В качестве такового им утверждается грамматическая формализация синтаксиса. Так, если субстанция предмета не может быть познана, это ещё не означает, что нам следует отказываться от её понятия, поскольку в языке есть форма именительного падежа существительного, которая, указывая на эту субстанцию, в самом общем виде характеризует её. Если же в предложении от-

существует подобная грамматическая форма, тогда, по мнению лингвиста, для полноты содержания данной единицы оказывается достаточным только того указания на субстанцию, которое содержит в своем личном окончании глагол. Потому такие предложения, как «Люблю», объявляются Потебней «бессубъектными», ибо не заключают в своей структуре номинативной формы существительного.

Итак, поскольку предложение выражает, по убеждению лингвиста, психологическое суждение, постольку – при непознаваемости субстанции как «вещи в себе» – исследовательское внимание выделяет в качестве единственного доступного грамматическому анализу ключевого признака данной единицы личную форму глагола. Иными словами, в господстве глагольности, присущем концепции предложения ученого, и выражается, на наш взгляд, основное действие агностических установок, до некоторой степени присущих философскому мировоззрению А.А.Потебни.

*В.Г. Карелин
Екатеринбург*

ДРЕВНЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «РУКА»

Ранее нами было показано, что практически все древние согласные буквы имели конкретное семантическое содержание. Часть их символически выражала некоторые топографические особенности, конкретные реалии рек. «Изобретение» древних согласных букв как инструментария для отражения в названии рек информационной характеристики их, служило целям записи характеристики рек при письме. На этой первой стадии развития не было различия между звонкими и глухими согласными буквами (например, Г/К или Д/Т имели попарно одинаковое семантическое значение).

На следующей стадии развития письменности «речная» семантика согласных букв стала использоваться для формирования письменных значений различных слов, например, частей тела, бытовых предметов и т.п. Об этой стадии до нашего времени сохранились высказывания древних мыслителей (Гераклит считал, что имена создала природа. Платон говорил, что имена являются изображением вещей, а буквы подобны вещам. Диадор Сицилийский отмечал, что письмо метафорически изображает смысл предметов). При образовании нового письменного слова древние люди использовали те или иные согласные буквы с «речной» семантикой, отражая различные параметры формы, например предмета, конструируемого слова. При этом одно сообщество людей в создаваемом слове отражало одни особенности предмета, а в другом сообществе видели совсем другие элементы такого предмета. Можно полагать, что именно на этой стадии развития праязыка и письменности произошло разделение общества на языковые семейства, группы.

Сказанное рассмотрим на примере древнего формирования понятия «рука»

на базе «речной» семантики консонант. В нашей выборке из словарей находятся записи слова «рука» (и ее составных частей) из более чем 100 языков.

В первый раздел выборки входят группы одноконсонантных слов (далее в примерах перевод «рука» не записывается, а у элементов «руки» указано конкретное их значение).

В «речном» алфавите консонанта Г/К отражала изгиб реки в верхнем течении ее. В соответствии с этим в имени «рука» согласная буква Г/К отражала именно изгиб в районе плеча: кит. коу; удмурт., коми, коми-пермяч. ки; коми кек «ручки, ручонки»; кит. гэ «рука до кисти». В «речной» терминологии согласная буква Л выражала изгиб реки в нижнем течении, поэтому она в слове «рука» выражала изгиб руки в месте кисти: чуваш. ала; якут. илии; бирман. лэ; туркм. эл; атабаск. lo; древнетюрк. el «кисть руки». В «речной» семантике консонанта Р фиксировала боковой изгиб реки в среднем течении, что нашло отражение в слове «рука» в виде сгиба в локтевом суставе: нем., норв., англ., швед. arm; арм. jern; луораветл. ar «большой палец руки». В «речном» понимании согласная буква Д/Т осмысливалась как разветвление русла реки на протоки и в слове «рука» символизировала ладонь с пальцами: яп. тэ; араб. iad – un; древнеевр. iad; эфиоп. ed; аккад. ittu; дари yad; кхмер. day «кисть руки»; латыш. ota «кисть руки»; норвеж. tot «большой палец руки»; кит. ту «две руки»; сингал. deta «две руки»; древнетюрк. tutam «горсть, пригоршня». В «речном» представлении консонанта С выражала прямой характер долины реки и в слове «рука» отражала прямой вид руки, опущенной вниз: коми-перм. сой «рука от кисти до плеча».

Во второй раздел выборки входят двухконсонантные слова. Сочетание согласных букв (К – Л) или (Л -К) отражало два изгиба руки (в районах плеча и кисти): ногайск., алтайск., кирг. тур., ойрот., уйгур. кол; узб., башк. кул; древнетюрк., азерб., туркм. гол; перс. кул «плечо»; древнетюрк. elig; узб. елка; финн. olka «плечо»; монг. алга «ладонь»; пол. lokies. Сочетание согласных букв (Г – Н) или (Н – Г) выражало изгиб руки в нижней ее части: нивхск. ынг; сомали gasan; суахили mkoно; тамил. kan; ньявези kukono; сэк keen; лаос. kok – кхэн «плечо»; венгер. kopуok «локоть», туркм. эгин «плечо»; эвенк. аннга «кисть руки». Сочетание согласных букв (Р-К) или (К-Р) символизировало изгибы руки в средней и плечевой ее частях: рус., серб. «рука»; болг. ряка; чеш., слов. ruка; пол. reka; латыш. гока; калм., бурят-монг., монг. гар; эрзян. курго; древнеинд. кара; перм. гуг «локоть». Сочетание согласных букв (Н-Д/Т) или (Д/Т-Н) отражало ладонь с пальцами внизу руки: нен. нгуда; малагас. tapana; мокшан. кядь «рука, ладонь» выражала изгиб в плечевом поясе и ладонь с пальцами.

В третий раздел входит небольшое количество слов с тремя различными согласными буквами: лит. ranka; удм. кикур «ладонь»; хак. irgek «большой палец»; мар. ынгыжа «плечо»; эст. küünar «локоть»; индон. lengan; ингуш. кулг; сэк geenl; дари, тадж., перс. даст.

Таким образом, понятие «рука» в различных семействах древних народов формировалось многозначно, полибуквенно. Разные сообщества выделяли различные зрительные элементы руки и придавали им значение «рука». При этом

для письменной фиксации были использованы согласные буквы «речного» древнейшего набора консонант, символизирующих определенные географо-топографические характеристики реки и соответствующие им однотипные формы частей руки. В итоге согласные буквы из «речной» лексики при первичной номинации иных слов перешли в другие сферы. В наибольшей части языков понятие «рука» сформировалось на более позднем этапе и при номинации использовались уже более условные приемы.

*А. И. Казанцев
Челябинск*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

При формировании переводческой компетенции следует исходить из того, что устный и письменный переводы представляют собой совершенно различные виды переводческой деятельности, которые предполагают наличие у будущих специалистов соответствующих способностей. Устный переводчик должен обладать способностью к длительной концентрации внимания, хорошим слухом и дикцией, молниеносной реакцией, памятью особого рода, которая способна на короткое время удержать отрезок высказывания (иногда довольно продолжительный) и освободиться сразу же после того, как этот отрезок переведён, для восприятия нового отрезка.

Профессия письменного переводчика предполагает наличие высоко развитого чувства языка, способности различать тончайшие стилистические нюансы и стремление найти оптимальную форму их передачи, отличное знание особенностей и выразительных средств исходного языка и языка перевода. Письменный переводчик должен быть одновременно и изобретательным, и педантичным.

Эти различия усиливаются ещё и тем, что лингвистические нормы устного перевода существенно отличаются от норм письменного перевода. К этому следует добавить немаловажное влияние на процесс устного перевода просодики речи и невербальных коммуникативных элементов, а также тот факт, что, в отличие от письменного перевода, устный перевод происходит в действительном измерении времени при его жестком лимите, который ограничивает переводчика в процессах ориентировки, поиска или выбора решений и их реализации и ведёт к их параллельному осуществлению, вызывающему значительное разделение внимания.

Многие переводческие школы, например, Венский институт переводчиков, Парижская высшая школа устного и письменного перевода считают, что все эти наклонности и способности можно развивать и совершенствовать, можно довести умения до автоматизма, но их нельзя привить. Иными словами, тот, кто изначально не обладает необходимыми способностями, не может стать переводчи-

ком (устным или письменным). Эту же мысль высказывают и учёные-лингвисты, приводя многочисленные примеры, когда билингвы, в совершенстве владеющие двумя языками, оказываются не в состоянии заниматься переводом. С этим связана проблема отбора и большого отсева студентов. Так, в Парижской высшей школе устного и письменного перевода процент выпуска студентов по отношению к набору составляет от 30 до 50 %, а зачастую и меньше. С другой стороны, такой жёсткий отбор позволяет обеспечить высокую профессиональную подготовку выпускаемых специалистов.

Языковая квалификация переводчиков должна иметь две стороны: практическую и научно-теоретическую. Выпускники должны хорошо владеть двумя выбранными иностранными языками, знать особенности этих языков в сравнении с русским (синтаксические, семантические, стилистические и т. д.), владеть техникой перевода стандартных текстов, знать основы общей и частной теории перевода, иметь представление о социокультурных особенностях стран изучаемых языков.

В соответствии с целями обучения основное внимание следует уделять работе над первым и вторым иностранными языками, совершенствованию и углублению знаний русского языка, отработке умений устного и письменного перевода, занятиям по страноведению.

Исходя из упомянутого выше принципа, определяющего устный и письменный переводы как различные виды деятельности, модель подготовки переводчиков должна, по нашему мнению, основываться на различной методике обучения устных и письменных переводчиков. Весь период обучения переводу следует разделить на два этапа: два семестра третьего курса все студенты обучаются вместе, а в течение следующих двух семестров четвёртого курса осуществляется специализация по устному или письменному переводу.

На первом этапе обучения практические упражнения заключаются в разнообразных переводах, но особое внимание нужно уделять переводу прессы, текстов по экономике и праву, официально-деловых документов. Кроме того, представляется целесообразным предложить студентам несколько специальных лекций, например, международные отношения, дипломатический протокол, этика перевода, гигиена голосовых связок и др.

На втором этапе, где предполагается раздельное обучение устных и письменных переводчиков, вводится более узкая специализация, усложняется учебный материал. Наряду с небольшим теоретическим спецкурсом «Общие и частные проблемы письменного и устного перевода» основная работа заключается в совершенствовании умений и отработке техники письменного перевода для письменных переводчиков, а также в доведении до автоматизма навыков последовательного и синхронного перевода для устных переводчиков.

КОНЦЕПТ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Очевиден факт расхождения между концептом и словом. Концепт как единица более абстрактная, объемная нуждается в языковом выражении. Слово, как проводник того или иного значения при этом отличается конкретностью, точностью.

Объем содержания многих концептов непостоянен, непостоянно и число выражающих их лексических единиц.

Для обнаружения видоизменений в определении границ концептуального пространства мы использовали словарь В.И. Даля и Словарь синонимов русского языка под редакцией З.Е. Александровой.

Словарь Даля, как известно, отличается тем, что значения лексем в нем подаются в виде синонимического ряда. Толкуемое слово – это, пожалуй, доминанта в синонимическом ряду. Можно предположить, что слово-доминанта – это и есть концепт.

Исходя из того, что язык и концепт – понятия неравные, особенности его языкового наполнения связаны, как замечено нами, с рядом моментов.

1. Со временем происходит содержательная дифференциация концепта, его значение все более дробится и членится.

2. Происходит также стилистическая дифференциация языкового выражения концепта.

3. Обозначение цвета с течением времени растет в числе лексических единиц за счет показа интенсивности, увеличения ассоциативных зрительных образов.

4. Очевиден процесс архаизации лексики, с помощью которой выражается смысл того или иного концепта.

5. Языковое выражение концепта с течением времени требует все большего числа лексем.

Таким образом, все вышесказанное позволяет обнаружить модификацию в выражении концептов. Хотя, конечно, нами названы лишь самые общие моменты, связанные с этим процессом. Тема несомненно, требует дальнейшей разработки.

*О.В. Коротун
Омск*

ПОНЯТИЕ «ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в виде понятий, концептов, образов, которые формируют совокупность представлений человека о мире, т.е. «языковую картину мира». Такие представления

существуют у человека и о самом себе, поскольку весь мир создан по мерке человека (А.А.Потебня, Н.Д.Арутюнова, В.Н.Телия, В.А.Маслова, Н.И.Сукаленко, М.П.Одинцова и др.). Подобное знание не во всем совпадает с научным (например, медицинским, биологическим) знанием о человеке.

Понятие «тело человека» является одной из составляющих (наряду с понятиями «одежда», «обувь», «внешние формы поведения») исследуемого нами концепта «внешний человек», причем центральной составляющей, которая в русской языковой картине мира репрезентируется лексемами, фразеологизмами, словосочетаниями и т.п., организующими семантическое поле «тело человека».

Любой фрагмент картины мира может быть представлен с помощью различных параметров: (*верх – низ, правый – левый*), временных (*день – ночь, старость – молодость*), количественных (*много – мало, толстый – тонкий*), этических (*хорошо – плохо, добро – зло*), эстетических (*красивое – безобразное*) и других. Нам представляется, что все сказанное справедливо и по отношению к рассматриваемому нами понятию. Охарактеризуем кратко репрезентацию в языке этого фрагмента картины мира.

Понятие «тело человека» представлено в русском языке двумя значениями: 1) организм человека в его внешних, физических формах и 2) часть организма человека, исключая голову и конечности, т.е. «собственно тело» и «одна из частей тела». Лексема *тело* в 1-м значении включена в следующий синонимический ряд: *плоть (устар.)*; *тела (шутл., ирон.)* – обычно по отношению к полному человеку; *тельце (уменьш.)* – обычно по отношению к детскому телу; *останки, труп* – о теле умершего человека; *останки, прах, тлен* – о том, что осталось от тела умершего человека; *мощи (святые)* – об останках человека, признанного церковью святым. Лексема *тело* во 2-м значении включена в синонимический ряд: *туловище, стан (или талия (устар.))* – обычно о женском туловище, пропорциональном и стройном; *торс* – обычно о мужском туловище, физически развитом и пропорциональном; *корпус, тулово (малоупотребительно)*.

Тело состоит из органов – *внешних и внутренних*. Следует отметить, что, характеризуя тело, свое или чужое, человек может замещать лексему «тело» названием какого-либо из его органов: *глаза, рот, нос, ноги и т.д.* Характеристики человека могут быть отнесены как к отдельной *части его тела*: *большой нос, выразительные глаза, длинные волосы*, так и к целостному человеку: *большеносый, кареглазый, белобрысый*, характеризуемому по одному из параметров внешности. Поскольку *внутренние органы* скрыты от непосредственного созерцания, то в русском языке не фиксируются характеристики человека по данным частям тела, хотя жизнь внутреннего тела порой отражается на внешнем теле. Например, признаки болезней могут отражаться в виде различных высыпаний на коже, одышки и т.д., из чего мы можем сделать вывод о внутреннем состоянии организма человека: *У него больная печень/Глаза, смотри, какие желтые; У тебя с почками плохо?// Почему ты так решила?// Мешки под глазами*. Но характеристики внутренних органов, подобно характеристике внешних органов, в русском языке не встречаются, ср. *карие глаза – но: бурое сердце; большой нос*

– *но: большая печень (увеличенная печень – медицинский термин, отражающий научную картину мира).*

Внешнее тело связано с внутренним также через проявления жизнедеятельности внутренних органов и систем (не обязательно в состоянии болезни): *покрыться испариной, пот градом катит, из раны вылился гной, обмочиться, излить желчь.* С другой стороны, внешнее тело является своеобразным экраном, в котором можно увидеть внутреннюю (духовную, эмоциональную, интеллектуальную) жизнь человека. В русском языке это отражается множеством предикатов: увидеть (*В его глазах я увидел испуг*), прочесть (*На его лице я прочитал отвращение*), понять (*По его внешнему виду было понятно, что он – представитель богемы*), становиться (*Лицо из жалостного стало озлобленным*), выражать (*ничто в нем не выражало работы мысли*), изображать (*Она пытается изобразить из себя светскую даму, но у нее это плохо получается*), судить (*по внешнему виду(глазам, лицу и т.д.)*) и др.

Тело человека характеризуется различными *физическими* параметрами: *рост* (высокий, низкий, маленький), но при рождении – *длина*, так как новорожденный находится по преимуществу в горизонтальном положении; *вес* (большой, малый, легкое тело, 50 кг); *величина, объем* (огромное тело, полное тело); *внешние очертания тела* (красивая фигура, пропорциональное телосложение, приятные формы), *состояние здоровья* (пышет здоровьем, чахлый), *физическая сила* (мощное тело, неразвитые мышцы), *физическое состояние тела и его частей* (холеное тело, дряблые ноги), *размер* (большой размер, 48-й размер, огромное тело); *временными* параметрами (старое, молодое), *эстетическими* (красивое, прекрасное, уродливое); *этическими* (добрые глаза), *интеллектуальными* (умное лицо); *социальными* (руки рабочего, осанка аристократа).

Тело не всегда статично: изменяется человек – изменяется тело, как и другие живые организмы. Язык отмечает различные *телесные изменения*: возрастные: *стареть, молодеть*; физических параметров: *расти, толстеть, спасть с тела, ослабеть, выздороветь*; под влиянием различных факторов окружающей среды: *тело дрожит, трепещет, покрывается ознобом*; под влиянием различных эмоциональных состояний, чувств: *покраснеть, распахнуть от удивления глаза*; в зависимости от социального статуса: *Как стал бизнесом заниматься/ весь лоценьый да холеный стал/ не то что раньше / охломон охломоном ходил*; эстетического характера: *похорошеть, подурнеть*; в результате интеллектуальной деятельности: *Лоб морицит, значит думает*.

Телу свойственны различные движения: человек *спит, идет, бежит, несетя сломя голову, прыгает, скачет, танцует*; меняет *позу тела, положение тела*; выразительно *жестикулирует*; выражает свои чувства и состояния *мишкой лица*.

Тело человека подвержено изменениям не только под влиянием определенных занятий или состояний человека, но и в результате целенаправленной деятельности человека по изменению состояния организма, внешнего вида своего тела или отдельных его форм: *похудеть в талии, заняться оздоровлением организ-*

ма, накраситься, изменить прическу, сделать эпиляцию, приколоть шиньон.

Тело издает запах: *приятный (аромат) или неприятный (вонь, смрад)*, причем этот запах может быть естественным или неестественным: *От щеки пахло только что нанесенным кремом; Люблю, когда пахнет Сальвадором Дали (имеются в виду духи)*. Также тело издает звуки: *шорох, бульканье, чавканье, чмоканье и т.д.*

Рассмотрев вкратце понятие «тело человека» и его составляющие, сделаем выводы: 1) тело человека характеризуется различными параметрами (физическими, временными, эстетическими, интеллектуальными, социальными); 2) понятие «тело человека» – центральная составляющая концепта «внешний человек», производного от базового концепта в русской языковой картине мира «целостный человек»; 3) тело – этоместилище внутреннего организма и внутренних духовных сущностей человека; 4) тело – это пространство, на котором размещаются внешние органы и в котором выражаются физические, психологические, интеллектуальные, социальные свойства целостного человека.

*Е.А. Куштым
Челябинск*

ЯЗЫК В ЕГО СООТНЕСЕННОСТИ С СУДЬБОЙ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Поставить вопрос о языке как способе актуализации человеческой свободы, значит, поставить вопрос о бытии человека в контексте «всеобщего», когда преодолевается разрыв между антиподами – свободой и судьбой как двумя оппозициями, а проблемные поля «философии свободы» и «философии судьбы» оказываются равномошными смысловыми линиями Бытия.

Язык, являясь таинственным феноменом человеческой цивилизации, предоставляет человеку возможность быть, фиксировать свою свободу. Познавая феномен языка, мы постепенно познаем мир, познаем себя. Парадокс состоит в том, что познание языка, познание мира, а значит, и себя в мире, осуществляется опять-таки посредством языка. Язык есть не что иное, как актуализация человеком внутри себя того, что требует проговаривания, а также результат реализации человеком коммуникативной способности в процессе межличностных информационных взаимодействий, фиксирующий определенные знания и умения, позволяющие человеку оперативно и автономно осуществлять сбор, обработку и передачу информации (иной формы – «не-Я»), вступать в диалог с миром. По большому счету, язык выступает связующим звеном между миром и человеком. Он является выражением свободы человека через осознание им своего присутствия в мире посредством диалога с ним. Язык – судьба человека (его удел).

У нас не вызывает никакого сомнения, что каждое звуковое оформление слова имеет определенный смысл, несет какую-то информацию. Если мы «поиграем» с буквами в слове «судьба», т.е. заменим букву «д» на «т» (как чередую-

щиеся), то начальные четыре буквы составят слово «суть». Остается посмотреть на вторую часть слова «судьба», чтобы ответить на вопрос «Суть чего?». Опять же, заменим гласную «а» на «ы» и получим две первые буквы слова «бытие». Итак, судьба – это суть бытия. С антропологической точки зрения, судьба – это суть человеческой экзистенции, ее смысловой универсум. «Суть бытия» – иначе можно сказать «бытие имеет свое значение, свой обод». Если внимательно посмотрим на словосочетание «свой обод», то обнаружим, что это не что иное, как слово «свобода», только расщепленное, так же, как и человеческое «Я». Итак, судьба – это и есть свобода, это и есть Бытие.

Свобода как внутренняя творческая энергия человека есть проявление всего спектра субъективности человека, выявление им своего обода, своего «Я», само-бытности. Свобода – это момент «захваченности целым» (М. Хайдеггер), сказание «Я», знаменующее рождение человека в Слове. По большому счету, свобода – это путь человека к сути Бытия в целом (к судьбе), попадание в структуру Бытия.

Онтологическим основанием этого пути является мысль как «синкретичный квант» языкового пространства Бытия, потенциально содержащий в себе весь универсум ценностных ориентаций и образов, которые способны воплощаться в знаково-текстовых формах для включения в общий диалог культур. С помощью языка мысль структурируется, и человек обретает равновесие, обретает смысл (читать: соприкасаться с-мыслью, приближаться к сути Бытия). У человека нет иного способа существовать, кроме как через утоление жажды мыслить, ибо это, пожалуй, единственный способ актуализации Судьбы.

Заниматься разработкой смысла человеку нет особой надобности. Смысл этот уже существует, и он настолько высок и недостижим, что любое размышление о нем будет ниже его самого. Сравним существование Бога и Бытие человека. Существование Бога – и есть его Бытие. Бытие человека всегда есть отношение с другим существом, чьи качества значительно лучше. Смысл существования человека становится тождественным значению Создателя, а воля человека к мысли оказывается волей к отношению. Человеческий акт мысли порождает Слово как «Дом Бытия» (М. Хайдеггер), как некий символ равновесия. Момент создания Слова и есть акт свободы человека, в результате которого проявленная Судьба подтверждает существование человека, высвечивает его истинное «Я», позволяя встретиться всем мыслимым пластам Бытия.

Мысль есть в своей основе то, к чему инстинктивно стремится человек. Позволим себе следующий алогизм. Мысль настолько сильна, что расщепляет слово в Целое. Парадокс состоит в том, что Целое может быть обретоно не иначе как через расщепление, пока не созреет единство Слова и Мысли. До созревания единства Бытие дробится на формы. Мысль не порождает Слово, она в него упирается, встречая сопротивление, благодаря чему и остается живой мыслью, мыслью естественной, в своем естестве. Упираясь в слово, мысль разрывает его и, успевая вырваться прежде, чем слово опять обретет форму, вновь устремляется к Целому – туда, откуда она явилась. Важно то, что способность человека

оставлять мысль свободной дает ему возможность ощутить ритм Бытия, ритм Целого, свою Судьбу, где без слов говорится о главном, а времена сжаты в Вечность.

Итак, мое существование априорно означает право на мысль, на проявление действительности в моем мыслящем «Я» согласно категориям разума. Человек мыслит значит фиксирует вещи и явления, открывает их в своем сознании, дает им жить в нем посредством языка, иначе говоря, придает вещам и явлениям смысл, соприкасается с мыслью о них, причем не обязательно только на рациональном уровне. Мыслить может и сердце, но на энергично-чувственном уровне. Музыка, движение, звук, цвет – это тоже мысль, только сказанная кистью, скрипкой и т.д. «Я мыслю», следовательно, позволяю вещи или явлению «сказаться», быть изреченным. Это «сказание» может не быть актуально сознаваемым, но оно обязательно присутствует как ценность, имманентная мыслящему существу, с присущей ему интуицией судьбы и свободы.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы:

1. Язык как свидетельство человеческого существования – это процесс актуализации изначально заложенных в каждом человеке внутренних духовных резервов, который есть не что иное, как осуществление человеческой свободы.

2. Судьба, являющаяся смысловым универсумом человеческой экзистенции, – это онтологическая предзаданность каждого человека на реализацию своей свободы.

3. Языком свободы (то есть духовным измерением судьбы) является творчество как специфически человеческий способ бытия, который есть не что иное, как диалог человека с Миром.

4. Духовность – шаг навстречу судьбе. Духовное творчество делает судьбу открытой (свободной) для человека. Вера в судьбу как потустороннюю, сверхъестественную силу ведет человека к религии как профессиональной форме сознания, вера человека в собственные силы, а также актуализация им духовных способностей ведет к самоопределению, к такой форме жизни, которая соответствует его судьбе.

5. Реализация человеком свободы есть, с одной стороны, рефлексия на судьбу (осознание судьбы), с другой стороны – переживание реальности судьбы, являющиеся условием сохранения целостности личности.

6. Нереализация человеком творческих способностей, в сущности, нереализация свободы, ведет к судьбоубийству.

7. Степень развития человеком чувства судьбы определяет степень его совершенства.

8. Задача человека – сохранение судьбы. Человек не может существовать иначе, кроме как посредством освобождения своей судьбы через изменение себя (а не изменение судьбы). Изменяя себя, человек сохраняет судьбу, суть Бытия.

9. Освобождение судьбы посредством языка – перспектива развития человечества.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Эффективная языковая коммуникация подразумевает реализацию не только ближних, узких целей, но и реализацию стратегической цели – развитие человека и человечества. Естественный язык – основное средство общения людей с момента своего возникновения. Однако при этом является ли использование естественного языка в процессах общения гарантом достижения данной стратегической цели? Согласно постструктуралистской доктрине, виднейшими представителями которой являются Ж. Деррида и М. Фуко, естественный язык по большому счету не способен развивать человека.

Постструктурализм утверждает, что самовыражение и понимание человеком себя и других при помощи языка (без реализации этих функций язык не может способствовать развитию человека) – это лишь иллюзия, являющаяся результатом ошибочных представлений индивида о языке и о самом себе. В рамках постструктурализма характер человеческого мышления (сознания) определяется как исключительно панъязыковой, а предметно-чувственная практика исключается из рассмотрения как несуществующая, невозможная вне естественного языка в принципе. Тем самым устанавливается такая сильная зависимость человека от языка, что представление о цельном, суверенном, активном субъекте становится весьма сомнительным. Язык в постструктурализме практически абсолютно автономен и не определяется по большому счету ни действительностью, ни человеком. Рассуждения постструктуралистов опровергают утверждение об автономности сознания, мышления человека, заставляя говорить о «децентрации» и «смерти» субъекта. С этих позиций самовыражение человека посредством языка может рассматриваться лишь как иллюзия, потому что на самом деле все время лишь язык «говорит» человеком. Что же касается понимания общающимися друг друга посредством языка, то это, исходя из постструктуралистских представлений, тоже одна из иллюзий. Как известно, определенность, однозначность языка, языковых выражений обеспечивает понимание между людьми, однако и Деррида, и Фуко убеждены в том, что язык ими не обладает. Для Дерриды определенность языка (текста) – это результат действия «силы желания», человек может просто не подозревать о «бездне» одновременно существующих, абсолютно равноправных и при этом часто противоположных смыслов, наличие которых обусловлено самой природой языка (вспомним о таком понятии в концепции Дерриды как «различение»). Фуко также пишет о том, что, претендуя на выражение «абсолютной истины», являясь порождением «воли к власти», научные тексты (дискурсы, язык), в действительности являются весьма относительными, сомнительными и не могут выступать в качестве неоспоримого авторитета.

Исключение предметно-чувственной практики из рассмотрения как не существующей, не возможной вне естественного языка в принципе, что и приводит к упомянутым взглядам на самовыражение человека и понимании им другого посредством языка в постструктурализме, выглядит слишком радикальным и, естественно, не может считаться справедливым. Однако анализ условий, в которых протекает современная коммуникация, показывает, что действительность как таковая как бы уходит, устраняется из жизни человека, предметно-чувственная практика становится весьма опосредованной, а значит, и утверждения постструктуралистов, касающиеся языка, не могут не рассматриваться как имеющие основания.

В современном мире поток постоянно циркулирующей языковой информации огромен, погружаясь в него, человек в определенном смысле теряет связь с действительностью, в большинстве случаев он просто полагается на данные языка, который приобретает, таким образом, все большую власть над ним. Что же касается понимания языковых сообщений в данном случае, то представляется, что оно может быть лишь поверхностным. Интенсивность появления все новой языковой информации, определенная замкнутость человека на языке приводят к тому, что человек отучается думать, т. е. осмыслять то, что предлагает ему язык. Однако осмысление – это и есть то понимание, которое обуславливает развитие человека. Не осмысляя языковую информацию, человек в действительности не понимает другого и не самовыражается, он просто передает то, что получил, а, следовательно, понимание и самовыражение человека посредством языка становятся лишь иллюзией, как и утверждают постструктуралисты. Однако если последние считают, что причина того, что язык не дает возможности человеку понимать другого и самовыражаться, а значит, развиваться, лежит в самой природе языка, то мы предполагаем, что причина этого кроется в большей степени во внеязыковых условиях, в которых протекает коммуникация, а также в способах обращения человека с языком.

*Ю.В. Мамонова
Челябинск*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФУНКЦИИ АНГЛИЙСКОЙ БЫТОВОЙ СКАЗКИ С КОГНИТИВНЫХ ПОЗИЦИЙ

Народная сказка представляет собой сложное многоаспектное явление, где бытовая сказка занимает свое, особое место. Именно в бытовой сказке в сжатом виде и чаще всего с юмором сконцентрировано мировоззрение нации. Бытовая сказка близка к анекдоту в том, что в ней практически всегда высмеиваются те или иные пороки, но было бы несправедливо ставить между ними знак равенства.

В.Я. Пропп выделяет 10 сюжетов русских бытовых сказок. В международной классификации А. Аарне около 12 типов сказок могут быть отнесены к сказкам с бытовым содержанием. Эти классификации не совпадают, и не все англий-

ские бытовые сказки могут быть распределены по сюжетам в классификации В.Я. Проппа. Думается, что и кумулятивные сказки, множество вариантов которых имеется в Англии, тоже можно рассматривать в числе бытовых.

Как указывает В.Я. Пропп в книге «Русская сказка», «преобладающее большинство сюжетов состоит в каком-либо одурачивании» (В.Я. Пропп). Развитие действия в бытовой сказке не такое строгое, как в волшебной сказке. Тем не менее из набора функций, выделенных В.Я.Проппом для волшебной сказки, можно вычленить функции, характерные для того или иного сюжета бытовой сказки. Это тем более верно для сказок переходного характера, которые построены по той же схеме, что и волшебные, но ничего сверхъестественного там не происходит. Функции различаются по своей значимости.

Функции бытовых сказок представляется целесообразным рассматривать в когнитивном аспекте как цепочки когнитивных моделей, которые формируют дискурс. Думается возможным представить эти функции в виде сформировавшихся фреймов, которые извлекаются из наших фоновых знаний в готовом виде и включают в себя информацию о последующих действиях (Краткий словарь когнитивных терминов, 1996).

Укажем несколько функций, которые можно вычленить в сюжете «Сказок о ловких и удачливых отгадчиках» (классификация В.Я. Проппа). Согласно классификации Аарне, эти сказки входят в группу романтических, новеллистических сказок. Здесь выделяется 3 значимых функции: «уход героя», «испытание героя», «победа, герой побеждает».

«Уход» представлен в виде фрейма, состоящего минимум из двух видов информации: 1) цель, причина ухода; 2) процесс движения.

«Испытание героя» представлено в виде фрейма «общение», это диалогический дискурс вопросно-ответной формы. Данный фрейм является ключевым в сказках этого типа и заполняется определенной информацией в каждом конкретном случае. Именно здесь и раскрывается хитрость, обман, одурачивание, что и является сутью сказок с бытовым содержанием.

Третий фрейм «победа» представлен лексическими средствами, выражающими либо достижение цели ухода, либо награду (материальную или моральную) для героя.

*В.М. Медведев
Челябинск*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

В английском и русском языках существует определённая текстовая норма. Также существуют особые нормы деловой документации, которые изучаются документной лингвистикой.

Текстовая норма отражает существующее в общественном сознании отношение к документации и бюрократии вообще и мнение о роли документации в жизни общества и индивида, которые различны у носителей английского и рус-

ского языков. В России – пиетет перед документами и чиновниками, с одной стороны, и недоверие, ненависть к ним, с другой. В англоязычных странах документы (и чиновники) рассматриваются как своего рода «обслуживающий персонал», а документы – как несколько неприятная, но неизбежная необходимость, формальность.

По той же причине неодинакова структура документов, а также их язык и стиль, следовательно, неодинаково и воздействие документов на читающего (прагматика высказывания). Объективно, роль и место документов (и бюрократических институтов вообще) в России и англоязычных странах также различны.

Поскольку отношение к документам у носителей русского и английского языков разное, то, очевидно, что разное и содержание концептов, связанных со сферой документов у носителей обоих языков.

Существует особая философия делового письменного языка и философия документов в целом (как на научном уровне, так и на уровне обыденного сознания), отражающая отношение общества к документации. Надо сказать, что, при всей своей актуальности, данная проблема ещё не получила полного, целостного освещения.

В ходе нашей научной работы мы намерены дать полное освещение проблемы когнитивного аспекта документоведения (текстовая норма в русском и английском языках, структура, стиль документов, их воздействие на читающего, объективная роль документов в жизни общества, отношение к документам в России и англоязычных странах, содержание концептов, связанных со сферой документов у носителей обоих языков).

Н.Ф. Михеева
Москва

ИЗ ОПЫТА ОБУЧЕНИЯ ИСПАНСКОМУ ЯЗЫКУ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

На филологическом факультете Российского университета дружбы народов преподавание иностранных языков ведется по следующим направлениям: «Филология», «Лингвистика», «Журналистика», «Связи с общественностью», «Психология». Особая роль отводится ознакомлению учащихся с проблемами национально-культурной специфики речевого общения. Ведущим в обучении является коммуникативный системно-деятельностный подход, который обеспечивает формирование коммуникативной компетенции у студентов с учетом всех ее аспектов, включая стратегическую компетенцию. Преимущественное значение при этом имеют новые учебники и учебные пособия как уже созданные преподавателями филологического факультета, так и разрабатываемые на перспективу.

При работе над указанными пособиями и совершенствовании учебно-методической работы на кафедре большое внимание уделяется изучению пробле-

мы вариативности языковых единиц (ЯЕ) в иностранных языках, в том числе в испанском языке Соединенных Штатов Америки и их Юго-Запада.

Пристальное внимание автора данных тезисов привлекают особенности функционирования ЯЕ в испанском языке на территории США, где в 1998 г. проходила его длительная научная стажировка.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что на современное состояние вариативности ЯЕ в испанском языке в Соединенных Штатах Америки непосредственное воздействие (в плане диахронии) оказали прежде всего следующие экстралингвистические факторы: 1) временной (исторический), 2) культурно-исторический, 3) территориальный, 4) социально-исторический, 5) социально-политический, 6) культурно-идеологический, 7) социально-психологический, 8) этнический.

Остановимся несколько подробнее на социально-психологическом факторе, имеющем, на наш взгляд, особое значение при обучении иностранным языкам.

В зарубежной и отечественной литературе немало пишут об «американской мечте» – специфическом представлении о жизненном успехе человека и связанном с ним ожидании. В шкале ценностей американцев доминируют свобода и стабильность, труд и высокий заработок.

Индивидуализм – это краеугольный камень в фундаменте «американской мечты». Предполагается в качестве идеала расцвет индивидуальности в условиях свободы во благо индивида и общества, на основе равенства возможностей. При этом необходимо подчеркнуть, что индивидуализм не исключает *коллективизма*, как неперемногого сотрудничества индивида с отдельным коллективом или обществом в целом. Американцы, прежде всего с низким достатком, предпочтению отдадут коллективному ведению дел, отдыху, проживанию. Именно так проще выжить и сэкономить свои деньги. Это касается, в первую очередь, носителей испанского языка в стране. В настоящий момент общее число говорящих на испанском языке в Соединенных Штатах Америки составляет 25 миллионов человек, из них около 13 миллионов – на Юго-Западе. Примером служат общины чиканос, которые в большинстве трудятся и проводят свободное время сообща. Для них община символизирует устойчивость бытия, сохранение прежних отношений и образа жизни. По нашему мнению, это служит одной из причин того, что на территории США сохраняется испанский язык. Именно идеи коллективизма являются одним из основных факторов, которые привели к смене общественно-культурной парадигмы в США: от «универсума» к «плюриверсуму». Сегодня Америка, как и многие другие страны, называет свое общество «мультикультурным», имея в виду культурное разнообразие в единстве: признается тот факт, что в стране существует единая национальная культура при обязательном сохранении своего лица отдельными составляющими ее многообразными культурами.

КОНЦЕПТ «СТРАХ» И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ СЛОВА «FEAR»

Термин «концепт» в современной лингвистике не имеет однозначного толкования. Как нам кажется, в когнитивном аспекте концепт – это прежде всего не визуальное представление характерных свойств и признаков языковых единиц, являющих собою фрагменты картины мира (Ю.Д. Апресян, Е.В. Рахилина).

С лингвистической точки зрения естественно возникает вопрос, как соотносится концепт, и в частности концепт «страх» (fear), и лексико-семантический вариант отдельного слова, входящего в лексико-семантическое поле «страх».

В самом первом приближении, на наш взгляд, это соотношение следует рассматривать как соотношение двух типов целостности: домена, содержащего набор признаков и сопровождающих их свойств; и отдельного признака, интерпретируемого как отдельный домен.

Как известно, решение вопроса о соотношении между типами целостности зависит от принципа, в соответствии с которым производится классификация. Определение этого принципа зависит от общего подхода к анализируемому сходству: является ли оно простым формальным сходством или оно вычленяется в результате поисков общего знака, присущего всем членам совокупности.

Подобного рода поиски уже наблюдались в лингвистике. Понятия «идентифицирующий признак» (А.А. Уфимцева), «доминанта», «слово-идентификатор» (Ш.Балли), «немаркированный член лексико-семантической группы» и т.д. также основаны на сходстве единиц. Однако они в основном отражают системные признаки сопоставляемых единиц. Мы же видим свою задачу в определении параметров, которые не только сближают, интегрируют, но и классифицируют целостности, организованные в домены. Поэтому во внимание принимаются знания, релевантные для обеих парадигм.

Данные философии, психологии, а также лингвистики (Кьеркегор, Изард, Радышкевич-Градышкевич, Бамберг), позволяют разобраться в онтологии эмоции «страх» и увидеть, какие «сцены» рисует обыденное сознание при использовании того или иного компонента лексико-семантического варианта «fear». В связи с этим представляется интересным, с одной стороны, показать, какие смыслы сближают компоненты слов, образующих поле «fear» (страх), с ядром или периферией концепта, а с другой – какие смыслы выводят то или другое слово за пределы концепта, образуя отдельное слово (омоним).

В качестве примера рассматриваются смыслы слова «afraid» в высказываниях:

1. I'm afraid he is out at the moment.
2. I'm afraid of snakes. I'm afraid of working my husband.

ФРЕЙМОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Всякое общение предполагает, что его участники предпринимают попытку передать свое видение мира путем проявления своего личного фрейма. Чем больше точек соприкосновения у коммуникантов, тем менее существенными у них оказываются различия в их фреймовых системах, тогда как у представителей разных культур эти различия проявляются более явно, что выражается в кросскультурной и кроссиндивидуальной универсальности.

Понимая фрейм как концептуальную структуру, которая включает в себя необходимую типическую информацию о явлении, имеющую конвенциональную природу и рассматриваемую как культурно обусловленную в данном языковом коллективе, мы считаем, что с каждым фреймом ассоциируется информация разных видов, в том числе и культурологического типа.

Единицы культуры находят отражение в текстах благодаря специфическим структурам мышления в эксплицитной форме, находящей проявление в виде особой организации высказывания, кроме этого, в имплицитном плане они могут быть реализованы благодаря активации фрейма. Активация обычно начинается первую ступень обработки значений, при этом важным является то, что вносятся коррективы в представление памяти в виде вербальных единиц (логогенов) и невербальных репрезентаций (имагенов) (Е.С. Кубрякова). В случае активации фреймов каждый терминал связывается с видовым направлением некоторого активного видového перечня (М. Минский).

Базовым комплексом для создания когнитивной модели имплицитности, на наш взгляд, должна служить информационно-смысловая структура текста, в которой можно рассмотреть распределение и перераспределение когнитивной нагрузки. Очень часто восприятие имплицитной информации происходит за счет перераспределения когнитивной нагрузки в сценах соответствующих фреймов и мотивируется избирательностью языка к признакам внеязыковой действительности. Типичными смысловыми трансформациями, свойственными этому виду, являются описательные, уточняющие, аргументирующие трансформации. Когнитивную модель можно рассматривать как результат естественной обработки языковых данных, когда интересно выяснить как состав информационно-самостоятельных модулей, так и механику их взаимодействия и «архитектуру» единой системы модулей (G.T.M. Altmann). И это становится возможным вследствие того, что когнитивный контекст является моделью культурно обусловленного, канонизированного знания, которое является общим хотя бы для части горящего сообщества.

При этом когнитивное ядро является как бы «алфавитом» когнитивной деятельности человека, включающей в себя концепты и их связи, а когнитивные

модели являются инвариантами познавательной деятельности и отражают стереотипные ситуации, обобщающие субъективный опыт индивида. Именно здесь происходит переход от мыслительных структур к семантическим и дальше, через этап внутренней речи, – к вербальному выражению информации в тексте в процессе порождения, а в обратном порядке – в процессе понимания (А.Г. Баранов). Именно определение сети концептуальных единиц, обозначающих классы объектов, связи, процессы, стратегии деятельности, позволяет выделить то инвариантное начало, которое лежит в основе когнитивного подхода к выявлению имплицитности в коммуникации.

Структуры знаний, называемые фреймами, то есть пакеты информации, которые хранятся в памяти, выполняют значимую роль в функционировании языка. Они помогают устанавливать связность текста, смысловое развертывание речи, восполнять недостающие семантические лакуны, то есть адекватно воспринимать латентную информацию.

*В.В. Пасынкева
Челябинск*

ЗНАКОМСТВО С НАЦИОНАЛЬНЫМИ ТРАДИЦИЯМИ – СПОСОБ АДАПТАЦИИ К ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

В наше время, когда международные контакты расширяются, мы всё чаще сталкиваемся с проблемами в международной коммуникации.

Одной из важных проблем, которые в настоящее время разрабатываются представителями разных областей гуманитарного знания, является проблема идентификации человека в окружающем его мире. Этой проблемой занимаются философы, филологи, психологи, социологи и культурологи.

Чем глубже становятся международные контакты, тем разнообразнее переживания человеком своей идентичности.

Как подчеркивают С.Г. Тер-Минасова, А.Д. Райхштейн, преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Национально-специфические особенности самых разных культур-коммуникантов (особенности, которые делают возможной реализацию этими компонентами этнодифференцирующей функции) могут затруднить процесс межкультурного общения «из-за частичного расхождения между коммуникативно-языковыми сообществами в наборе знаний о мире, образующих когнитивный фундамент коммуникаций».

Стратегии по преодолению этих проблем могут быть выработаны только на основе достаточно разностороннего знания участвующих культур и языков.

Как именно связаны язык и национальная культура? Этот вопрос решается разными исследователями по-разному: то в виде национально-культурного компонента (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров), то в виде фоновых знаний (С.Г.Тер-Минасова, Ю.А.Сорокин), то в виде лингвокультурем (Л.Г.Веденина) и др.

Приведем несколько определений лингвокультурум:

В.В.Воробьев определяет лингвокультуруму как совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак. (Но здесь не раскрываются механизмы того, где и как прикрепляется культурная информация в языковом знаке, как она «работает» в языке).

Л.Г.Веденина называет лингвокультурами лингвокультурологические реалии, не встречающиеся или встречающиеся в другом виде у представителей русской лингвокультурной общности. К ним относятся реалии, которые:

- наличествуют в иноязычной культуре и отсутствуют в русской культуре;
- присутствуют в обеих культурах, но различаются каким-нибудь признаком;
- имеют интернациональный характер, но отличаются при этом национальным наполнением;
- имеют во французском и русском языках неодинаковые наименования (bataille de Moscou – Бородинское сражение).

Мы разделяем точку зрения психологов, утверждающих, что культуруносным является каждое слово, участвующее в процессе межкультурного общения, поскольку восприятие коммуникантами обозначенного этим словом объекта основывается на разных ассоциациях.

Нас интересует традиционно-бытовая культура, то есть та, которая реально соприкасается с человеком, реализуется в повседневном поведении и общении людей.

Культура, естественно, национальна и основывается на национальной психологии. Национальная культура является отражением, воплощением национального менталитета. Культурно-маркированная коннотация возникает как результат соотнесения иной лингвокультуры с культурно-национальными стереотипами и эталонами.

Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров, связанных с лингвокультуремой «mariage» (свадьба). Анализ этих примеров показывает различие ассоциаций, связанных с этой реалией у носителей французской и русской культур, разные национально-культурные традиции.

Так, для французов социокультурное поле «mariage» представляет следующие ассоциации, не всегда понятные представителям иной национальной культуры:

- Le dossier de mariage – пакет брачных документов;
- Le certificat médical – свидетельство о состоянии здоровья;
- Le certificat de résidence – свидетельство об определенном месте жительства;
- Le certificat de célibat – свидетельство о безбрачии;
- La publication du mariage – объявление о браке;
- La liste de mariage – список подарков для молодоженов;
- Le vin d'honneur – бокал шампанского в честь молодоженов после церемонии венчания.

То есть необходимо более глубоко знать мир носителей языка, потому что реальное употребление слов в речи, реальное речепроизводство в значительной

степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива.

Межкультурное общение индивидов во многом определяется социальным контекстом и осуществляется в результате социальных контактов носителей различных культур, стремящихся к взаимопониманию. Лингвокультурные особенности пронизывают все функциональные разновидности языка, становясь содержанием межкультурной коммуникации.

*В.М. Пряхин
Екатеринбург*

О ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ПРОФИЛЬНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (на примере высшего юридического учебного заведения)

Необходимость формирования общей и правовой культуры будущего юриста бесспорна. Перед преподавателями иностранных языков вузов стоит сложная задача – развивать навыки иноязычной культуры, содействовать развитию диалога двух культур, национальной и иноязычной. В условиях непрерывно изменяющегося мира и стремительного вхождения нашей страны в мировое культурное и языковое пространство эта задача остается как нельзя более актуальной. Следует отметить две, на наш взгляд, общие черты русской национальной и немецкой национальной культуры:

- глубокие национальные корни (включая обычное право);
- определенная патриархальность, ее влияние на сильное духовное начало, в том числе и на правотворческую и правоприменительную практику.

Задача преподавателей немецкого языка усложняется тем, что сами они были воспитаны в своем большинстве на образцах культуры ГДР, это касается почти всех ее сторон: языковой, художественной, научной, правовой и проч.

Формирование иноязычной культуры происходит в контексте постоянного диалога культур. Современный юрист должен иметь вполне устоявшиеся представления о правовой системе страны изучаемого языка, ее правотворческой и правоохранительной деятельности, чтобы действовать в условиях сравнительного правоведения в европейском и мировом правовом пространстве.

Основным источником иноязычной информации, как известно, является текст. В настоящее время существуют неограниченные возможности для применения в учебно-воспитательном процессе аутентичных текстов. Однако при предъявлении подобного текста обучающимся преподаватель должен исходить из следующего:

- содержательная сторона текста должна непременно вывести на размышление: «А как у нас?»;

- в соответствии с идеей взаимодействия культур текст должен отражать разные точки зрения по рассматриваемой проблеме.

Кафедра иностранных языков Уральской юридической академии накопила определенный опыт в составлении учебно-практических пособий для студентов-юристов. По немецкому языку создана серия пособий, отражающих современную отечественную и европейскую методику преподавания немецкого языка. Поиску оптимальных учебных средств помог солидный стаж преподавания в юридическом вузе, стремление к постоянному самоусовершенствованию и непрерывное общение с носителями немецкого языка. Несмотря на расширившиеся в последнее время контакты с зарубежными коллегами, только ограниченный круг преподавателей и студентов могут побывать в Германии или другой немецкоязычной стране. С приездом на Урал, в Екатеринбург, представителей этих стран на стажировку открывается хорошая возможность для общения, претворения принципов диалога культур и двуязычия. Уже традиционными стали курсы сравнительного и германского правоведения, которые читают в академии для всех желающих специалисты из университетов Германии. В частности, большой интерес вызвал у слушателей курс Роберта Коха, по завершении которого (а курс длился целый учебный год) многие преподаватели и студенты сдали экзамен и получили сертификат. Такие виды учебной деятельности существенно повышают интерес к изучению немецкого языка и, следовательно, влияют на более качественное образование. Этот вывод кафедра смогла сделать, проанализировав результаты экзаменов по немецкому языку по завершении базового курса, вступительных экзаменов в аспирантуру, а также кандидатских экзаменов.

Открывшееся в системе дополнительного образования направление «Переводчик в сфере юридических коммуникаций» таит в себе огромные возможности продвижения по пути формирования иноязычной культуры и взаимодействия культур в связи с большой потребностью в грамотных, высококвалифицированных специалистах. Двухгодичная программа, рассчитанная на 1500 часов, существенно продвинет вперед стремление стать в один ряд с передовыми отечественными и зарубежными вузами.

Сегодня все зависит от общего состояния дел в вузе, от того настроения, какое владеет большинством преподавателей и студентов. Не секрет, что сторонники ремесленнического подхода к юридическому образованию живы, даже в руководящей среде; естественно, что они глухи к таким понятиям, как «правовая культура», «диалог культур» и др. Успехи в языковом образовании, формировании иноязычной культуры наших воспитанников – серьезный противовес сторонникам прагматического направления подготовки юристов.

Таким образом, профильное преподавание немецкого языка в юридическом вузе вышло на новые рубежи. Оно ставит своей целью подготовку личности, владеющей основами не только отечественной, но и германской культуры, способной действовать в условиях взаимодействия культур и сравнительного правоведения. Профильное преподавание предполагает использование в учебно-воспитательном процессе адекватных учебных средств с соответствующим

содержанием, а также новой источниковой базы, в основу которой положены идеи и принципы педагогики сотрудничества, гуманизма и гуманитаризации всех сторон деятельности человека. Стержнем профильного преподавания любого, в том числе и немецкого, языка является личностно ориентированное обучение и воспитание.

*Л.П. Седлова
Вологда*

ПРОЗВИЩА ЖИТЕЛЕЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале лексики региолектов)

Кроме описания собственно лексического значения, одной из актуальных задач современной лингвистики является объяснение особенностей языковой концептуализации мира, представленных в семантике слова.

В этой связи заслуживает особого внимания региолектное словотворчество, в частности, отражение в нем концепта «прозвище». Рассматриваемые в данной работе лексемы характеризуют лишь одну из его разновидностей, а именно – коллективные прозвища жителей отдельных районов Франции.

Мотивировочные признаки, положенные в основу их названий, могут быть сгруппированы следующим образом: 1) рельеф, характер местности; 2) гастрономические предпочтения; 3) особенности народного костюма; 4) специфика характера и поведения; 5) манера произношения. Примером прозвищ, оформленных по первому признаку, являются *Vosain, m., Maraichin, m., Plainaud, m.*, характеризующие, соответственно, жителя лесного массива, болотистой или равнинной местности в Вандее. Иллюстрацией второго, по нашим данным, наиболее распространенного типа прозвищ могут служить такие существительные, как *Tarte a prones, f.* (региональная форма от «prunes»), *Rasineux d` gamelles, m.* (региональная форма от *gacleur de plat*), *Ventre a` choux, m.*, распространенные, соответственно, на севере страны и в Вандее по ассоциации с характерной для них кулинарией («сливовый пирог»), либо отменным аппетитом («заскребающий блюдо»), либо излюбленным продуктом питания («капустный живот»).

Как показал материал, реже других используются прозвища третьего типа. *Ventre rouge, m.* («красный живот») – так, к примеру, шутливо именуют жителей Шаранты, поскольку широкий пояс из красной фланели является самым ярким элементом их традиционной одежды.

В прозвищах четвертого типа, отражающих менталитет французов провинции, наиболее заметно проявляется ироничное отношение жителей соседних регионов друг к другу. «*Du oui ou du non*» или «*ni oi, ni non*» – так характеризуют жителей Нормандии за их нерешительность. Фламандцы же, напротив, за свой скандальный нрав получили в районе Лиля прозвище *Flahute, m.* (от глагола *chahuter* – «шуметь», «галдеть»).

В отличие от предыдущих в основе пятого типа прозвищ лежит лингвистически мотивированный признак. Так, прозвище *Chtimi, m.*, или его апокопа *Chti*, используемое для названия жителей северной части страны, связано с одной из фонетических особенностей данного региолекта: заменой [s] звуком [ʃ].

Помимо перечисленного, нами отмечены коллективные прозвища, совмещающие несколько мотивировочных признаков одновременно.

Например, словоформа *Ca gouillard, m.* (от регионализма *Ca gouille, f.* – «улитка») употребляется по отношению к жителям Шаранты не только из-за их особого пристрастия к улиткам, но и по причине медлительности, нерасторопности.

Вышеназванные прозвища могут быть охарактеризованы и с других точек зрения.

Л.В.Соколовская
Пермь

СТРУКТУРА ПОЛЯ КОНЦЕПТА «ИЗГИБ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Целостное представление о национальной картине мира может быть создано только после каталогизации и описания основных ее элементов, а именно – семантических полей концептов, которые можно полагать системообразующими.

Вероятно, следует начать с изучения концептов «базовых элементов мироздания»; что следует считать таковыми, подлежит обсуждению. Наряду с другими, это могут быть концепты, обозначающие определение местоположения объекта в пространственно-временном континууме или конфигурации данного объекта (хронотопологические концепты).

Концепт «изгиб» в русском языке реализуется совокупностью лексических единиц с корнями –гиб-/–гн-, –кл-, –вер-/–вр-, –лук-/–ляк- и др., причем рассматриваться он может как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте. Значения всех слов, входящих в корневую группу –лук-/–ляк-, являются результатом эволюции первоначального (реконструируемого этимологическими исследованиями и словарями как общеславянского) значения корня «изгиб». Чаще всего именно оно является определяющим при номинации того или иного объекта, названного словом с рассматриваемым нами корнем, особенно если этот объект является материальным. Очевидно, этот признак в достаточной степени архетипичен для человеческого мышления, так как он должен быть значим настолько, чтобы превалировать в сознании носителя языка над другими признаками номинируемого объекта.

Все слова с корнем –лук-/–ляк- можно достаточно точно разделить на две части. Это, во-первых, ядро группы – в него входят слова со значениями, имеющими в своей структуре сему «изгиб», которые, собственно, и формируют поле концепта; и, во-вторых, периферия. Значения входящих в нее слов либо содержат

в своей структуре базовую сему «изгиб» как периферийную, либо не содержат ее даже в качестве неактуализованной. В ряде случаев здесь даже трудно проследить цепочку тех семантических связей, которые привели к образованию конечного значения (зафиксированного словарем) из исходного значения «изгиб». Это относится, например, к значениям «разъединять» и «соединять».

Таким образом, все множество значений слов с корнем -лук-/-ляк- может быть разделено на группы по признаку большей/меньшей удаленности значения от семантического ядра и наличия/отсутствия в его структуре базовой семы «изгиб». Выделенные по этим признакам группы мы будем называть уровнями мотивации. Очевидно, что то, на каком уровне мотивации находится значение, зависит от длины предшествующей ему семантической цепочки и от того, имел ли место перенос значения по ассоциации (скачок через уровень).

В иерархической лестнице значений группы слов с корнем -лук-/-ляк- можно выделить четыре уровня мотивации.

1. *Низший уровень*, или *уровень концепта*. Это уровень собственно архетипа. Структура значений, находящихся на этом уровне, состоит из одной семы «изгиб» (возможно добавление дифференцирующих сем, которые, однако, практически не вызывают изменения значения). Это начальная ступень эволюции значения, когда на первый план при номинации объекта выступает его наиболее бросающийся в глаза внешний признак (изогнутость), при этом какой объект номинируется – не столь важно (например, *слякий* – «согнутый» или «горбатый» – т.е. «согнутый человек»).

2. *Базисный уровень*. Значения, образующиеся на этом уровне, представляют собой следующий шаг в осмыслении понятия «изгиб». Акцент переносится с констатации факта изогнутости того или иного объекта на сам объект, т.е. появление значения на этом уровне является ответом на вопрос «что именно является изогнутым» (сема «изгиб» уточняется по параметру «объект изгиба»). На этом уровне образуется большая часть базовых значений групп слов, имеющих конкретную семантику. Эти значения непосредственно мотивированы значением «изгиб» и, в свою очередь, являются базой для появления множества мотивированных ими значений (например, семантические группы «изгиб оружия», «изгиб седла», «изгиб берега реки» и др). Практически каждое значение, образовавшееся на этом уровне, становится началом цепочки семантических изменений

3. *Уровень прямой зависимости*. В значениях третьего уровня сема «изгиб» отходит на периферию. Если на низшем уровне объектом номинации являлся сам признак (изгиб), а на базисном – изогнутый объект, то на третьем уровне главную роль при номинации предмета начинают играть другие его признаки, хотя сема «изгиб» в некоторых значениях продолжает оставаться базовой при номинации предмета (например, в семантической группе «приспособление, похожее на лук»). Целесообразно выделить по крайней мере два подуровня: подуровень, на котором сема «изгиб» присутствует в семантической структуре значений, и подуровень, на котором этой семы в структуре значений уже нет.

4. *Ассоциативный уровень*. На этом уровне находятся значения, образовавшиеся в результате метафорического переноса. Происходит не развитие значения от семы «изгиб» по цепочке, а скачок от значения «изгиб» сразу к искомому значению четвертого уровня. При этом в результате ассоциативного переноса слово с данным корнем может включаться в поле другого концепта.

Так, слово *лукавство* входит в поле концепта «ложь» (т.е. отклонение от истины) на базовом уровне, так как понятие «отклонения от нормы» является одним из категориальных для средневекового религиозного сознания.

*Е.Ю. Хрисонопуло
Новосибирск*

СУБЪЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ КАК КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Грамматические единицы (морфологические формы и служебные языковые элементы) являются по своей онтологической природе знаковыми сущностями, т.е. их формирование и функционирование в речи с необходимостью связаны с когнитивно-семиотической деятельностью человека как субъекта-пользователя и интерпретатора знака. Соответственно, значение грамматических единиц имеет субъективные (гносеологические) истоки.

Наиболее полный учет когнитивных механизмов функционирования грамматических единиц возможен – на уровне метаописания – при включении субъективного элемента в интерпретативную модель грамматического значения. В качестве такого элемента в современных лингвистических исследованиях выступает фактор наблюдателя (Р.Лангакер, С.Свороу, Ю.Д.Апресян, Е.В.Падучева, А.В.Кравченко). Ввод фигуры наблюдателя в метааппарат грамматического описания позволил перейти от собственно семантического моделирования грамматического значения, предполагающего установление связи между языковым знаком и набором содержательных признаков (к тому же как бы «спущенных сверху») из области дискурсивных структур), к знаковой модели грамматической единицы, предполагающей репрезентацию последней не только во взаимосвязи с внешним объектом, но и с ментально-перцептивной структурой.

Указание на наблюдателя или на одну из его функциональных подсистем как на определенную точку отсчета при категоризации пространственных отношений, а также иконическое воспроизведение определенных когнитивных состояний субъекта восприятия закрепляются в значениях (и, соответственно, предопределяют функционирование) английских служебных языковых единиц, в частности, предлогов и послелогов (Л.Талми, С.Свороу, Р.Лангакер, А.Херсковиц, С.Линднер и др.).

Субъективная природа морфологической формы проявляется в возможности ее функционирования в качестве одного из трех типов знаков: знака-индек-

са, знака-иконы и знака-символа. При использовании морфологической формы в различных типах контекста происходит реализация одной из ее знаковых функций (индексальной, иконической, символической). Например, индексальная функция видовой формы Progressive прослеживается при формальной выраженности субъекта чувственного восприятия (наблюдателя) либо в контексте употребления глаголов перцептивно-эмпирической деятельности: She found after a time, that her back was beginning to ache (Th.Dreiser); Jud was mollified at once when he saw that I had not been dealing in allusions (O.Henry). Иконическая функция этой же формы выступает на первый план, когда она используется для перцептивно-образного воспроизведения описываемой ситуации со стороны того или иного лица (субъекта ментально-перцептивной деятельности): For a moment it gave me a turn, I thought, I was seeing a ghost... (J.Fowles); «... You be petting that dog, he's pawing up on you like he was glad to see you when you come home...» (R.P.Warren).

Индексальная и иконическая функции морфологической формы (указание на субъект восприятия и иконическое воспроизведение его когнитивного состояния соответственно) предопределяют (предположительно) ее использование в качестве знака символа.

В качестве одной из перспектив когнитивного исследования грамматического значения можно рассматривать определение роли речемыслительных процессов (в первую очередь инференции) при переходе грамматической единицы от реализации одной знаковой функции к другой либо при совмещении этих функций в том или ином типе употребления.

*А.А.Чепуренко
Челябинск*

ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ И ЯЗЫКОЗНАНИИ

Проблема значения принадлежит к наиболее важным в философском отношении проблемам языкознания. Эта проблема возникла на стыке семасиологии (лингвистического учения о смыслах), логической семантики (теории смысла и теории значения) и гносеологии (теории познания), а затем стала одной из центральных в семиотике (общее учение о знаках). Названная проблема характеризуется значительной сложностью и многосторонностью и является одной из самых спорных в современной философской литературе. В настоящей работе мы рассмотрим некоторые важные, на наш взгляд, аспекты этой проблемы в философии и языкознании.

В философии проблема значения понимается очень широко: как проблема значения слов (терминов), предложений (суждений), научных теорий, проблем и, наконец, знаков и знаковых структур вообще. Исходной антиномией-проблемой для теоретико-познавательного анализа значения является антиномия знака

и значения. С одной стороны, *проблема значения не может быть выделена из проблемы знака*, поскольку последняя не может быть отграничена от проблемы значения. Ведь понятие знака, не имеющего значения, сразу же теряет смысл: знак без значения не есть знак. Соответственно, и значение не может существовать самостоятельно, вне знака оно обращается в ничто. С другой стороны, *значение должно быть специальной, отличной от проблемы знака, проблемой для исследования*. Значение не тождественно знаку в целом, поскольку знак есть своего рода «союз» значения и носителя, то есть вещественной основы значения. Значение же, в свою очередь, осуществляет «союз» того или иного знака с другими элементами данной знаковой системы, связывает его с ними. Поэтому оно отличается от знака. Таким образом, *значение неотделимо от знака, но в то же время оно не тождественно знаку в целом*.

Для языкознания особую важность имеет *проблема значения языкового знака*, которая рассматривается многими учеными, не только лингвистами, но и философами. Спорным является вопрос о том, что представляет собой значение языковой единицы (в частности слова), какова его сущность?

Некоторые ученые рассматривают значение как десигнат (или денотат), то есть обозначенный предмет. Так, известный российский философ И.С.Нарский, который не проводит различия между терминами «десигнат» и «денотат», считает, что во многих повседневных контекстах национальных языков слова имеют в качестве своего значения объекты, ими обозначенные. Когда говорят «Передайте мне стакан», то часто имеют в виду не стакан вообще (любой стакан), а именно тот, который находится там, откуда его другой человек может передать. Несколько иначе смотрят на значение философы В.Н.Волошинов, А.С.Мельничук, В.И.Мальцев и другие, которые называют «десигнатом» идеальную сторону языковой единицы, то есть ее значение. Согласно их точке зрения, значение (десигнат) следует рассматривать как отношение материальной стороны языковой единицы к соответствующим явлениям объективной действительности (денотату).

Существует множество различных мнений по поводу соотношения значения и понятия. Одни ученые считают, что значения языковых единиц предстают как понятия, связанные с определенной звуковой формой. Другие ученые, философы и языковеды, напротив, полагают, что понятие и значение не совпадают. По нашему мнению, решение данного вопроса намного сложнее, поэтому мы согласны с теми учеными, которые решают названную проблему неоднозначно. Так, например, В.М.Богуславский подчеркивает, что «в значение слова вместе с понятием входят все многочисленные оттенки эмоциональной, стилистической, эстетической окраски слова». Все эти элементы значения слова, не играющие в большинстве случаев существенной роли при использовании слова в отвлеченном логическом рассуждении, приобретают важную роль в обычном речевом общении и в особенности в художественном творчестве. Учитывая это, ученый признает, что в этом аспекте *значение слова оказывается шире закрепленного за ним понятия*, поскольку последнее образует основной, необходимый элемент

значения слова, но не исчерпывает собой всего этого значения. В.М.Богуславский рассматривает соотношение значения и понятия и в других аспектах. Так, не все признаки, мыслимые в понятии (то есть не все его содержание), и не все предметы, отражением которых это понятие является (то есть не весь объем этого понятия), в равной степени хорошо известны всем людям, владеющим определенным языком. И тем не менее все эти люди, пользуясь в разговоре различными словами, вполне понимают друг друга, ибо придают этим словам одинаковое значение. Происходит это потому, что в качестве значения того или иного слова в данном языке используется не все содержание соответствующего понятия, а лишь некоторая его часть, известная всем членам общества. *Значение слова* в данном случае оказывается *эже содержания соответствующего понятия*, поскольку в это значение входит лишь часть содержания понятия.

Итак, как мы видели, существуют самые различные точки зрения на проблему значения. Кроме того, проблематика значения постоянно углубляется и расширяется, следовательно, имеется возможность для дальнейшего развития существующих теорий и концепций и для появления новых. И каждая из этих концепций является лишь еще одним шагом на пути исследования проблемы, которая столь же неисчерпаема, как и все подлинно философские вопросы.

*Н.И. Шелховская
Челябинск*

СУФФИКСАЛЬНОЕ ОТГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Когнитивная парадигма считается третьей научной парадигмой в языковедении после сравнительно-исторической и структуральной. Она не отрицает ничего из того, что было достигнуто в лингвистике раньше, но интегрирует имеющееся знание, поднимая его на более высокую ступень.

В рамках когнитивной деривационной парадигмы семантику языковых единиц, глаголов в частности, можно представить как двухуровневую структуру, включающую семантику производящих глаголов и отглагольных производных.

В настоящий момент исследователи сходятся на мысли, что на когнитивном уровне можно выделить: структуру когнитивных моделей – образ схематического типа; структуру метафорических концептов; а также структуру концептуальных схем.

Когнитивный подход позволяет раскрыть новые отношения на уровне категоризации ранее неизвестных, мало известных и хорошо известных фактов и явлений в теории познания языка и мира через язык.

Одной из наиболее общих классификаций производящих глаголов является деление их на абстрактные и конкретные, акциональные и неакциональные.

Изучение содержательной стороны в системе словообразования имеет большое теоретическое и практическое значение. Освещение вопросов семантичес-

ких отношений между исходным и производным словами, между производящей (мотивирующей) основой и суффиксом, выявление семантических разрядов, как производящих, так и образованных от них суффиксальных производных, даёт возможность выявить объективную картину окружающего нас мира и определить сущность словообразовательных процессов в когнитивном плане. В докладе предлагается классификация производящих глаголов по 10 лексико-семантическим разрядам.

Для возможности образования отглагольного производного определённой семантики большую роль играет семантическая совместимость суффикса и основы глагола (семантический признак), а затем только формальные признаки. Внимание к семантическим отношениям даёт возможность выявить объективную картину окружающего мира и определить сущность словообразовательных процессов в когнитивном плане.

Анализ конкретного языкового материала показывает:

- что производные, образованные по определенной словообразовательной модели, связаны общим лексико-категориальным значением;
- эти лексико-категориальные значения складываются из значений суффиксов и обобщенной семантики основ. Этот факт позволяет предположить, что лексико-категориальные значения есть значения словообразовательной модели;
- суффиксы, обладающие сходным или одинаковым значением, соединяются с основами одного и того же вида, имеющими одинаковую обобщенную семантику. Это приводит к возникновению синонимичных словообразовательных моделей;
- если производные, образованные по синонимичным словообразовательным моделям, включают одну и ту же производящую основу с одним и тем же значением, возникает пара словообразовательных синонимов.

Глаголы представляют собой концепты, которые передаются лексически и содержание которых в процессе словообразования и употребления в речи постоянно меняется (каждое производное обростает новыми смыслами). Большое значение при этом приобретает учёт переходности и непереходности, абсолютности и относительности, предельности и непердельности, валентности и морфологической характеристики глаголов. Названные характеристики производящих глаголов позволяют рассматривать их по отношению к субъекту как явление, конкретно или результативно воздействующее на объект, и потому концептуальная структура глагола и его производных отражает те элементы ситуации действия, которые выражены имплицитно.

В целом отглагольное словообразование с точки зрения когнитивной парадигмы можно считать концептуальной системой, состоящей из первичных концептов, из которых развиваются все остальные. При этом очень важное значение приобретает функциональный потенциал слова, который тесно соприкасается с когнитивным подходом к рассмотрению словообразования, ибо в данном случае решается вопрос о значении смысла слова и принципов его построения.

СЕКЦИЯ 2
ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Е.Н. Азначеева
Челябинск

ВАРИАЦИОННАЯ ФОРМА КАК МОДЕЛЬ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Когнитивная организация художественного текста формируется при использовании концептов разных уровней обобщённости – как вербализованных в словах и словосочетаниях, так и невербализованных, выражающихся структурой и композицией целого текста. Среди последних особое место принадлежит динамическим моделям, отражающим внутренний опыт и организующим процесс художественной коммуникации и восприятия. Примером таких обобщённых динамических когнитивных репрезентаций является музыкальная форма в своих основных разновидностях – сонатной, фуги, вариаций и др., которые можно рассматривать как проекцию всеобщих законов, отражающих бессознательную структуру разума, на уровень сознания. В силу своего обобщённого и в значительной степени универсального содержания они имеют аналоги как в развитии многих жизненных явлений, так и в построении текстов процессуальных видов искусства, в том числе и художественной литературы.

В музыке вариационной называется форма, состоящая из первоначального изложения темы и ряда её видоизменений (вариаций). В то же время семантика вариаций – сочетание развития, изменчивости с повторяемостью – настолько абстрактна, что лежит, по сути, в основе всех явлений природы. Однако применению принципа вариационного развития в художественном прозаическом тексте препятствует менее выраженная упорядоченность элементов в художественной литературе по сравнению с музыкой, поэтому он используется преимущественно в фольклорных жанрах, в так называемой «музыкальной» прозе и текстах сакрального характера.

К релевантным признакам вариационной формы в литературно-художественном тексте относятся: варьирование словесных знаков по денотату и сигнификату (тенденция к синонимии, омонимии, полисемии), наличие инвариантного набора высказываний, сюжетных деталей, рекуррентных семантических признаков, связывающих разные вариации между собой, эквивалентность сюжетных линий и художественных образов, архитектурно-синтаксические параллелизмы, аналоговое строение текста. В так называемой «музыкальной»

прозе встречается и детальное воспроизведение особенностей музыкальной вариационной формы.

Общими для вариаций в художественной литературе и музыке являются некоторые особенности актуального членения и передачи концептуально-эстетической информации. Высокая избыточность элементов текста компенсируется разнообразием их признаков: повторяющиеся элементы в то же время отличаются друг от друга. Так, тема при каждом появлении наряду с константными, известными элементами обязательно содержит элементы нового; при этом не сообщается новая информация, а выявляется смысл старой путём выделения, акцентирования новых признаков. Основной парадокс актуального членения в вариациях состоит в сочетании повторяемости элементов со сплошной рематичностью, он разрешается за счёт нелинейного, совмещённого выражения темы и ремы. Для литературного текста характерна асимметричность актуального членения: линейное членение на тему-рему принадлежит уровню содержательно-фактуальной информации, тогда как концептуально-эстетическая информация всегда рематична. Если тематизация ремы имеет место при сообщении новой информации на сюжетно-повествовательном уровне, то рематизация темы – при порождении смысла.

При наличии инвариантного содержания глубинная семантика вариационной формы имеет свою специфику в художественной литературе и музыке. В музыке развитие совершается от общего (темы) к её конкретным реализациям (вариациям), варьирование – это средство рассмотрения явления под разными углами зрения, раскрытия всех потенциальных возможностей темы. В художественной прозе развитие вариаций идёт от конкретного к общему, и варьированная повторяемость единиц разных текстовых уровней выступает как средство выявления интегрального содержания произведения, по-разному преломляющегося в отдельных вариациях.

С рецептивной точки зрения, тексты, построенные по законам вариационной формы, представляют собой не столько содержательную когнитивную модель, предназначенную для сообщения нового знания, сколько рефлексивную модель, результатом взаимодействия которой с концептуальной системой адресата является провоцирование этого знания в его сознании. Тексты, построенные по вариационной модели, являются средством не только коммуникации, но и автокоммуникации. Воздействуя не только на поверхностное сознание, но и на подсознание адресата и задавая алгоритм его творческой деятельности, вариационная форма способствует творческой активности реципиента и, как правило, используется для выражения философского содержания.

Рефлексивные тексты воздействуют не только на поверхностное сознание, но и на подсознание и сверхсознание. Вариационный способ является пригодным для выражения философского содержания в тех случаях, когда от читателя требуется творческая активность для его раскрытия. Музыкальные формы отражают динамические модели внутреннего опыта, совокупность функциональных связей, обобщённые когнитивные репрезентации – сценарии, скрипты. Музы-

кальный скрипт как схематическая типизация фаз процесса характеризуется абстрактностью: в нём могут быть фиксированы лишь узлы, отражающие отношения между объектами, но терминалы, указывающие на конкретных исполнителей ролей, должны оставаться незаполненными. Свёртывание текста по горизонтали даёт как бы общую схему действия. Скрипт целого текста, передающий алгоритм определённой последовательности физических или интеллектуальных действий, выполняет важные функции в регулировании человеческого поведения и когнитивного процесса.

*И.С. Алексеева
Санкт-Петербург*

СТРАТЕГИЯ ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННУМУ ПЕРЕВОДУ

Значимость письменного перевода в современном мире общепризнана, но все же недооценивается. Между тем в последние годы объем потребности в письменном переводе в мире ежегодно возрастает на 14 – 15 %. Насущной задачей в этих условиях является выработка продуктивной стратегии обучения переводчиков.

Публикации последних лет, как теоретического, так и дидактического направления, свидетельствуют о недостаточном внимании к письменному переводу по сравнению с устным.

Накопленный в России и других странах опыт в этой области позволяет создать единую стратегию обучения, однако для этого необходимо этот опыт критически оценить.

Среди наиболее популярных до последнего времени систем обучения письменному переводу можно назвать пять: грамматико-переводная, тематическая, филологическая, поиск диапазона вариативности и обучение у мастера-переводчика. Ни одна из них в отдельности не давала оптимального эффекта, но каждая способна внести свою лепту в воспитание переводчика-профессионала.

Показательным является опыт Монтерейского института переводчиков, где свое место находит каждая из систем, кроме, пожалуй, первой, по вполне понятной причине: грамматико-переводной метод уместен при обучении иностранному языку, а не при обучении переводу. Понятия «обучение переводу» и «обучение языку» особенно важно различать в наших российских условиях, т.к. во многих вузах параллельно идет освоение иностранного языка.

В качестве основы практического обучения многие практики последних лет предлагают переводческий анализ текста, который необходимо осознанно отграничить от филологического анализа текста, который часто именуют аналитическим чтением. Переводческий анализ текста позволяет определить цели и задачи дальнейшей переводческой работы и наметить пути их решения, в частности, базируясь на исследовании типа текста.

Собственно перевод представляет собой своего рода аналитический вари-

тивный поиск, технике которого необходимо обучать. Именно на этом этапе будущие переводчики могут набить руку в применении разного рода переводческих трансформаций.

Наконец, третий этап работы над переводом – редактирование, стилистическая обработка текста – безусловно, должен также включаться в обучение.

В переводческой работе переводчик сталкивается с текстами разных жанров, поэтому в стратегии обучения должно быть предусмотрено и освоение жанровой специфики письменного перевода. Традиционно вершиной сложности для переводчика считается художественный перевод. При всей дискуссионности этого утверждения мы убеждены, что обучение художественному переводу можно и нужно включать в общие программы.

Специального обсуждения заслуживает тематический принцип в общей стратегии обучения письменных переводчиков. Отвергнутый большинством европейских школ, он тем не менее оказывается продуктивным на последнем этапе обучения, когда переводчик достаточно созрел и пришла пора научиться осваивать разные тематические ниши – но именно *научиться* их разрабатывать, а не специализироваться на чем-то одном.

Слабым звеном в системе обучения остается культура обработки текста. Ее навыки: реферирование, аннотирование, редактирование, – могут быть получены на любом этапе обучения, в том числе и на занятиях русского языка.

Помимо семинарских занятий, стратегически плодотворными представляются переводческая практика и курсовые научно-практические работы по переводу.

М.В. Архипова
Челябинск

ДИСКУРС В ЭСТЕТИКЕ СИМВОЛИЗМА ДЖОНА СТЕЙБЕКА

В последние десятилетия широкое распространение в мировой лингвистике получил анализ дискурса, который с 70-х гг. становится междисциплинарной областью исследований, использующей достижения антропологии, этнографии речи, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной науки (в теории речевых актов), социологии языка, риторики, стилистики, лингвистики текста. И.П. Сусов в своей работе «История языкознания» под дискурсом понимает и «текст в различных его аспектах».

Несмотря на то, что число работ по общей теории текста растет, многие вопросы остаются дискуссионными. Это объясняется спецификой такого объекта исследования, как связный текст, которая кроется в его тройственной природе. С одной стороны, текст есть упорядоченная совокупность языковых или неязыковых знаков, и в этом плане текст материален; с другой стороны, текст служит для передачи от коммуниканта к коммуниканту определенных смысловых структур, и в этом случае мы сталкиваемся уже с идеальной его стороной; а в третьих, текст – одна из составляющих коммуникативного акта. Основной проблемой при анализе выступает интегральная природа этой триединой системы и выте-

каюшая из нее сложность и малоэффективность одноаспектного анализа текста. А дополнительные трудности возникают по причине того, что каждый из элементов целого (текст – знак/ текст – смысл/ текст – акт) сам по себе есть многоаспектное и системное явление.

Процесс понимания, т.е. внутренней интерпретации текста читателем, происходит как процесс подтверждения и отклонения гипотез, отбрасывания негодных и разработка подтвердившихся. Декодируя сообщение литературного текста, читатель не может быть пассивным. Получая информацию, он одновременно ее перерабатывает: объясняет и оценивает, сопоставляет текущую информацию с полученной ранее. Отношение к действительности складывается не только как приятие отношения писателя, но и в мысленной дискуссии с ним. Поэтому при чтении происходит декодирование не только фабульного смысла текста, но и его эмоционально-эстетического содержания.

Образы создают возможность передавать читателю особое видение мира в тексте. Они характеризуют и раскрывают персонажа или автора. Поэтому образам принадлежит ключевая позиция в разработке идей и тем произведения и при интерпретации текста они рассматриваются как важнейшие элементы в структуре целого.

Одним из мастеров художественной детали и создателем галереи символических образов персонажей является современный американский писатель Джон Стейнбек. Профессор Джон Тиммерман находит его художественную технику совершенной и выделяет образный символизм в раскрытии характера, который прослеживается во всем его творчестве.

В рассказе «Змея» можно увидеть таинственные и сверхъестественные взаимоотношения женщины и рептилий лаборатории доктора Филлипса, которые скрыты в образе самой женщины:

«Her black eyes glittered in the strong light... The tall woman slipped in...».

Между посетительницей и обитателями лаборатории есть нечто общее, невидимая другим внутренняя связь, что выражено в самой внешности и манерах поведения героини. Само слово «змея» неоднократно повторяется в рассказе и является его заголовком. Это слово – символ чего-то сверхъестественного и непостижимого в женщине, что сближает ее с таинственными пресмыкающимися.

В рассказе Стейнбека «Белая перепелка» героиня, Мэри Теллер, представлена образом птицы. А сад метафорически изображает ее истинную натуру: стремление к красоте, хрупкость и нежность, а также душевное несогласие с хищником котом, пожирающим беззащитных птиц. В образе кота читатель может разглядеть мужа Мэри, обычного, неизысканного мужлана. Он не понимает своей жены и не в силу сделать этого по причине духовной разобщенности. Отсюда и разногласие в семье, и одиночество двух близких людей.

На наш взгляд, Стейнбек в своем литературном творчестве прошел путь от художественной детали к образу, а затем к символу. Он овладел мастерством образного изображения окружения и раскрытия характеров героев через систе-

му образов. Сам писатель часто говорил о своих работах как о произведениях, имеющих несколько уровней значения; выраженные эксплицитно и имплицитно. Эти способы изложения, открытый и скрытый, в творчестве Стейнбека могут стать почвой для дальнейших исследований его прозы.

Стилистика декодирования как теоретическая основа интерпретации текста при его восприятии учит обращать внимание на связи внутри текста, составлять о нем свое мнение. Интерпретация – это поиски и обнаружение объективных причин художественного воздействия произведения искусства. В широком смысле можно сказать, что интерпретация – это обогащение собственного мира путем постижения чужого способа познания действительности. Значение стилистики декодирования связано с требованием создания высокой культуры чтения. Ее основная задача – найти пути ориентировочной основы читательского восприятия – сотворчества.

*Н.Г. Асмус
Челябинск*

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС В СВЕТЕ НОВОГО ТИПА КОММУНИКАЦИИ – КОМПЬЮТЕРНОГО ОБЩЕНИЯ

Конец XX века вошел в историю благодаря небывалому развитию новых коммуникационных технологий и созданию единого безграничного информационного пространства.

Интернет стал средством общемирового вещания, механизмом циркуляции информации, а также средой для общения людей, охватывающей весь земной шар.

Компьютерное общение имеет двойственную сущность: оно интерперсонально, и в то же время факты частной межличностной коммуникации становятся достоянием массовой аудитории.

Речевые особенности данного вида общения обусловлены своеобразием коммуникации: переписка состоит из обмена репликами, «разведенными» во времени и пространстве, и характеризуется отсутствием мгновенной реакции, которая свойственна диалогической речи.

В связи с этим можно говорить о появлении нового типа дискурса. Автор использует определение Т.А. ван Дейка, рассматривая дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее факторы, необходимые для понимания текста.

Интернет-дискурс можно охарактеризовать с помощью набора присущих ему постоянных и факультативных признаков. Постоянные признаки позволяют представить его как письменный, дистантный, с индивидуальным субъектом и рассредоточенным массовым адресатом. Среди факультативных выделяется признак общения, возможность высказаться и желание найти «своего» в толпе «чужих». В диалоге участвуют лица, имеющие сходный уровень знаний, интересы и увлечения и профессиональную компетенцию. Поэтому строгое деление

на «своих» и «чужих» определяет выбор лексики, синтаксических конструкций, использование терминов, заимствований, понятных определенному кругу лиц.

Текстовую основу составляет разговорная речь, изобилующая просторечными и сленговыми выражениями, частыми выражениями профессионализмов, в том числе англицизмов, адаптированных и неадаптированных, ненормативной лексикой. Речь партнеров по диалогу носит неформальный характер, она отражает поток сознания, языковую компетенцию субъекта.

Оппозиция «свой – чужой» проявляется в выборе определенных речевых стереотипов, свойственных речи только узкого круга лиц.

Сегодня более информированный человек – это не тот, кто больше знает, а тот, кто участвует в большем числе коммуникаций. Интернет стал той коммуникативной средой, где человек сам создает информацию и знание. Литература, создаваемая в сети непрофессиональными авторами, получила название сетературы. Она отличается значительным жанровым своеобразием: личная переписка, участие в интернет-конференциях, посещение чатов, публикации собственных литературных работ.

Литературное интерпространство ломает не только традиционные пространственные и временные представления, но и общепринятые дефиниции «автора» и «читателя». Главной особенностью стала гипертекстовость сети. Это текст, имеющий нелинейную структуру идей (в противоположность традиционным книгам, фильмам и речам), снабженный ссылками на всевозможные факты, события, участников, авторов, источники, позволяет читателям быстро и эффективно путешествовать в мире информации.

Представляется, что именно новый вид коммуникации – компьютерное общение – способен объединить всеобщий разум и отдельного индивида, дать возможность каждому заинтересованному проявить себя в качестве соавтора произведения, стать дружелюбным средством в выборе жизненных идеалов, устремлений и целей.

*Л.А. Афанасьева
Воронеж*

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕГАТИВНОГО КОММУНИКАТИВНОГО РЕЗУЛЬТАТА

Результатом коммуникации в определенных дискурсионных условиях может быть, очевидно, как позитивный, так и негативный итог, иначе – успех/ неуспех коммуникации. В современных исследованиях подробно описываются и способы достижения, как правило, только позитивного результата коммуникации, максимы общения и другие факторы, обуславливающие коммуникативный успех. Следствием такого подхода может быть интерпретация негативного коммуникативного результата, встречающегося довольно часто, как нарушение тех или иных максим общения, неследование определенным правилам, пренебрежение теми или иными факторами.

Между тем, успех/неуспех коммуникации как итог взаимодействия субъектов в определенном дискурсе не могут быть однозначно предсказаны даже при исчислении и учете при анализе речевого взаимодействия всех факторов успешной коммуникации. Ведь успех, т.е. позитивный коммуникативный результат, может быть достигнут даже тогда, когда один из коммуникантов не настроен на кооперативное общение и всячески препятствует его достижению. И наоборот, возможен негативный коммуникативный результат в случаях, когда оба коммуниканта прилагают к тому определенные усилия.

Таким образом, позитивный и негативный результаты коммуникации, будучи генетически родственными, не могут изучаться в отрыве друг от друга. Следовательно, необходимы специальные исследования, позволяющие осознать, что позитивный/негативный результат коммуникации – явление многофакторное, нуждающееся в специальном комплексном изучении по определенным образом разработанной системе.

Наиболее адекватным, дающим полную картину при изучении вопроса успешности коммуникации в контексте понимания/непонимания, представляется когнитивно – дискурсионный подход. Преимуществами данного подхода являются:

- возможность учитывать разные типы знаний, их иерархию в ментальном пространстве и в реальной коммуникации у обоих субъектов коммуникативного акта;
- актуализация этих знаний в определенном типе дискурса;
- учет активности познающих и общающихся субъектов, избирательности восприятия, общности концептуальных и языковых картин мира у каждого субъекта с их очевидными индивидуальными особенностями и т.д.

Одним из наиболее важных моментов при изучении проблемы негативного коммуникативного результата является отбор и классификация языкового материала. Примеры коммуникативных неудач могут быть рассмотрены с таких позиций, как неудачи на уровне входа/выхода (по вине адресата/адресанта), намеренность/ненамеренность негативного результата, его распознавание/нераспознавание. В случае распознавания неудачи адресантом возможно следование автоткоррекции, адресатом – уточнение, вопрос и другие маркеры непонимания/недопонимания. Могут быть взяты в рассмотрение такие параметры общения, в ходе которого возникают неудачи как контактность/дистантность.

Как представляется, изучение позитивного/негативного результата коммуникации должно быть погружено в более широкий контекст понимания / непонимания, где выделяются непонимание как отрицательный итог понимания, под которым имеется в виду поведение коммуниканта в соответствии с понятием сообщением или вопреки ему. Критериями понимания могут служить: следование заданному направлению как итог понимания, способность прогнозирования, способность дать словесный эквивалент, решение проблем, соответствующее реагирование, верное рассуждение, основанное на понимании вышесказанного и др.

Говоря об успешности коммуникации в контексте понимания/непонимания, следует определиться с критериями разведения названных понятий и наметить четкие границы между ними. Понимание не всегда означает успех, в то время

как успеха без понимания быть не может. Понимание высказывания и намерений говорящего закладывает дальнейшую основу успеха/неуспеха коммуникации, осознанный выбор того, желает собеседник достижения успеха или нет. Другими словами, возможен позитивный вариант понимания (намерение адресанта понято, адресат дает соответствующую реакцию), негативный результат понимания (несмотря на то, что намерение понято, реакция адресата неадекватна, по мнению адресанта), и позитивный результат непонимания (несмотря на возникновение непонимания/недопонимания, коммуниканты идут по пути достижения цели общения, пытаются достигнуть понимания), негативный результат непонимания (коммуниканты друг друга не поняли, цель общения не достигнута).

В связи с тем, что рассмотрение негативного коммуникативного результата во всем спектре возможных подходов потребует многих томов исследовательских работ, мы предполагаем остановиться на следующих критериях при отборе языкового материала:

- рассмотрение источника неудачи (адресат/адресант); намеренность/ненамеренность, распознавание/нераспознавание с указанием маркеров распознавания негативного коммуникативного результата, источников неудачи на разных уровнях (когнитивных, дискурсивных, вербальных/невербальных и т.п.).

При изучении примеров предлагается использование когнитивно-дискурсионного подхода как наиболее перспективного из существующих на сегодняшний день.

*И.С. Бедрина
Екатеринбург*

КОГНИТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И НАУЧНЫЙ ТЕКСТ

Научный текст – явление сложное, многоаспектное, допускающее различные исследовательские подходы. Его можно изучать как сложное структурное образование (грамматика текста), как сложную семантическую структуру (семантика текста), как коммуникативный феномен (лингвопрагматика, лингвосоциопсихология), как совокупность типологических параметров (функциональная стилистика), как целостное семиотическое образование (лингвокультурология) и т.д.

В рамках функционально-стилистического подхода к изучению текста последний рассматривается как сложное системное образование, детерминированное экстралингвистическими факторами научно-познавательной деятельности. Стилистика текста исследует не только концептуально смысловую целостность, но и поверхностный уровень текста, его речевую организацию. Мы полагаем, что речевая системность научного текста (М.Н. Кожина) детерминирована:

- процессами когнитивной (коммуникативно-познавательной) деятельности субъекта;
- структурой отраженного в тексте научного знания;

- качественным своеобразием научного мышления.

Таким образом, научный текст так или иначе воплощает в себе вышеназванные экстралингвистические факторы. Смысловую структуру научного текста мы соотносим с речемыслительной деятельностью автора, следовательно, в качестве «инструментов» текстового анализа могут выступать категории, имеющие речемыслительную природу – функциональные семантико-стилистические категории (ФССК) (М.Н. Кожина). Данные категории позволяют соотнести качественное своеобразие научного мышления и когнитивной деятельности со специфическими особенностями научной речи.

Предметом нашего исследования являются ФССК гипотетичности (ФССКгип) и ФССК предшествующего знания (ФССКпз).

Данные категории отражают научное знание. Новое научное знание – это основная авторская гипотеза, ради изложения которой и создается научный текст эвристического характера. Оно представлено динамическим аспектом ФССКгип и реализуется в фазисном плане научного текста. Научно старое знание (предшествующее авторскому) исследуется в рамках ФССКпз. Данные категории взаимодействуют между собой и отражают динамику речемыслительной деятельности автора. Разноуровневые языковые средства, выражающие ФССКгип и ФССКпз, представлены на всех этапах когнитивной деятельности автора, эксплицированной в фазисном плане научного текста. (проблема – идея/гипотеза – доказательство гипотезы – идея/вывод).

Таким образом, динамика мысли автора научного текста выражается посредством динамического взаимодействия двух текстовых категорий, выражающих научное знание – ФССКгип и ФССКпз. Данные категории, имеющие когнитивную природу, позволяют анализировать смысловую структуру научного текста с эпистемологических позиций, связав, таким образом, дотекстовую (когнитивную) деятельность субъекта познания и его текстовую деятельность.

*Т.С.Вершинина
Екатеринбург*

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОСТОЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Метафора – антропоцентрична. Человек часто моделирует политическую действительность по аналогии с физиологическими проблемами, состоянием и циклами жизнедеятельности человеческого организма. Для России традиционно представление родной страны в народном сознании как женщины, матери, сестры, кормилицы, защитницы. Современная политическая ситуация дает больше оснований представлять страну как борьбу за выживание, соперничество, что более согласуется с мужским образом. Нельзя сказать, чтобы современный дискурс в части физиологической модели имеет жесткое половое разграничение. Независимо от пола человек становится стереотипом в образовании мета-

фор; представление государства как целого организма, описание его субъектов как внутренних органов или частей тела дает много возможностей для моделирования необходимого говорящему мировосприятия, наиболее доступного, близкого и понятного массовому адресату.

Детализация тезауруса физиологической модели свидетельствует о продуктивности метафорической модели «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ». Кроме того, каждая его часть имеет свою, определенную в соответствии с физиологическими задачами функцию, на основе которой и проводятся аналогии для определяемого объекта: «*Геополитика показывает, как содержать в здоровом и жизнеспособном состоянии **державное тело** страны...*» (Г.А. Зюганов); «*Россия – это гигантское пространство, **огромный организм**, с которым никто ничего не сможет поделаться*» (А.Лазертский); «*Причем никаких угрызений совести пакостники из буржуазных СМИ не испытывают, хотя в жизни, которую нам устроили “реформанты”, – их прямая вина, почти все из них агитировали за изменения, но **головку** они и **сейчас держат** гордо и все учат и учат*» (А.Г.Кузнецов); «*Новое ведомство должно выполнять роль “**мозгового центра**” по разработке экономической стратегии и стать организатором работы по ее осуществлению*» (В.В.Жириновский); «*Большинство же депутатов из фракции “Единство” и группы “Народный депутат” обязаны своими мандатами власти. А как им при том не смотреть ей **в рот** и не закрывать **глаза** на ее предательство интересов страны?»* (Н.Анисин); «*И жизнь партийного руководителя находится под его (КГБ. – Т.В.) неусыпным **оком**, любая прихоть выполняется*» (Б.Н. Ельцин); «*Все больше Кириенок и Марков Захаровых, отмывших дегтярным мылом либеральные пятна **с носов**, ...*» (А.Проханов); «*Так они надсмехаются над нами, платяты деньги тем, кто сможет плюнуть России **в лицо***» (В.Кутузов); «*Одновременно невосполнимую потерю понес бы и Советский Союз: ведь без единой России – “станового **хребта**” – он развалился бы моментально, и, главное, без каких-либо перспектив на возрождение общего государства в целом*» (С. Шахрай); «*Мне пришлось работать с Андроповым, горжусь, что я человек его команды. Его изображают сторонником жесткой дисциплины, такой “**железной рукой**”...»* (Ж.Касьяненко); «*Однако комбинат, обладающий запасами этого высоколиквидного сырья, стал, по образному выражению министра металлургии В. Молчанова, “**хромать на обе ноги**”*» (А.Савельев).

Моделируя современную действительность по образу и подобию человека, авторы вводят указания на его внешние признаки. Развивая этот образ, они приписывают предметам действия организма. Для описания этих действий используются как стилистические нейтральные, так и эмоционально окрашенные единицы: «*Но когда он в прошлом августе поддержал вторжение Басаева и Хаттаба в Дагестан, и потом просто **лег под них**, – мое отношение к нему изменилось*» (В.Шурыгин); «*Не можем мы **кивать** на Центр и безучастно смотреть на голодного солдата...*» (А.Хорошилов); «*Обросшая жирком КПРФ на столь **резкие шаги** не готова*» (Н.Еремеев). Значительное количество социальных дей-

ствий описываются метафорически через все стадии физиологического существования организма. Описываемые явления, события, персоналии, партии метафорически проходят все стадии развития живого организма – от рождения до смерти. Все эти действия в полной мере представлены в современном дискурсе: «*Советская сверхбюрократическая система исключением не являлась, она **рождала** ровных, усредненных, “знающих правила” руководителей. И, главное, управляемых. Андропов оказался альбиносом*» (В.В.Жириновский); «*Советский Союз уничтожен. У красной звезды **вырос** желтый шестой конец*» (А.Проханов); «*Общезвестно, что крупнейшие консалтинговые фирмы пришли в Россию с одной целью: “**переварить**” финансовые потоки помощи от международных организаций и околоправительственных организаций*» (С.Воробьев); «*Сельское хозяйство должно было уже **задохнуться**, а оно еще дышит, в ущерб себе производит мясо, зерно, молоко*» (Л.Гладышева); «*Наша страна больна. Ее поразил страшная болезнь, которую назвали “криминальной революцией”. Эта болезнь возникла в результате игнорирования и нарушения законности и правопорядка*» (В.Жириновский); «*Стране, которая не слышит боли, надо лечиться*» (В.Белоцерковский); «*По сути, речь идет о жизни и смерти государства*» (Г.Зюганов).

Введение в дискурс различных эмотивно окрашенных единиц позволяет говорящему подчеркнуть состояние политической ситуации в стране, сформировать отношение к нему. Описываемые политические процессы в стране метафорически проходят все стадии развития. Использование физиологической метафоры подчеркивает взаимозависимость процессов, происходящих в стране. В основном формируется негативное отношение. Прогнозируя возможности развития метафорических моделей, очевидно, можно предположить, что до тех пор, пока не стабилизируется социально-политическая и экономическая ситуация, пока будут находиться в отношениях жесткого противостояния партии и политические движения, пока будут продолжаться локальные войны и вооруженные конфликты на территории бывшего СССР, а может и стран социалистического содружества, агитационно-политический дискурс будет наполнен кроме зооморфной метафоры (основной концептуальный вектор которой агрессия, уничтожение) органистической. Наиболее регулярным в ней будет фрейм «действия живого организма» с ярко выраженным отрицательным эмотивным настроем (слабость, унижение, уничтожение, безответственность), особенно слот «смерть», и фрейм «болезни, лечение, выздоровление».

*Р.Р. Ветчинкина
Благовещенск*

ВОСПИТАНИЕ КАК ДИАЛОГ

Детство как особая фаза человеческого бытия, как этап «обновления и продолжения человечества» (М.Монтессори) имеет особое непреходящее значение для онтогенетического развития человека. Детство – это не «социальный питомник» (Д.И. Фельдштейн), а социальное состояние, в котором взаимодействуют

дети и взрослые. Его нельзя рассматривать просто как переходный период, подготовку к взрослости, поскольку ребенок – существо особого рода, оказывающее существенное позитивное влияние на мир взрослых.

Антропоцентризм философии в том, что первые существа, доступные пониманию детей, существа человеческие (Э. Тейлор). Ребенок, обладая огромным потенциалом, ничего не может, но его мозг потенциально может все, однако ничему не обучен. Взрослый – творец ребенка, но со-творить ребенка возможно только в совместной деятельности с ним. Любое действие вначале должно выполняться как совместное, и взрослый постоянно передает свое умение ребенку, который овладевает им постепенно.

Первое отношение к себе самому у ребенка складывается, как указывает М.И. Лисина, под влиянием отношения взрослого к нему, которое так или иначе проявляется в их общении. Он становится субъектом коммуникативной деятельности и переживает себя в этом качестве. Презентация ребенку его самого и в особенности в сравнении с другими детьми представляет собой решающий фактор развития субъектности. Презентация – процесс межличностный, который постепенно интериоризируется и превращается в репрезентацию, то есть осознание своего собственного индивидуального психологического мира. Рассматривая общение как средство презентации своего психического «Я» другому человеку, мы имеем в виду ту форму общения, которую Б.Ф. Ломов обозначил как исходную, назвав ее общением «лицом к лицу». Содержание такого общения составляет, прежде всего, внутренний мир человека, его переживания, чувства, то есть то, что осознается субъектом как индивидуальное психическое «Я». Воспитателя интересует внутренний мир ребенка, познаваемый с позиции собеседника. Познания такого рода опираются на «понимающую» или «диалогическую» методологию. В последние годы этот подход к изучению ребенка набирает силу.

В более узком своем значении диалог понимается как конкретное событие общения, при котором происходит как бы «размыкание» ценностного мира человека, как бы прорыв личностей навстречу друг другу, фиксируемый в философском контексте такими понятиями, как «коммуникация» (К. Ясперс), «Я – ты – отношения» (М. Бубер), а в русле гуманистической психологии соотносим с идеями открытого общения. В этом значении диалогичность – конкретное жизненное событие и является как бы моментом актуализации ребенком своей подлинной природы.

Диалог самодонен, М.М.Бахтин рассматривает его как условие взаимодействия субъектов. Именно диалог позволяет проникнуть в мир Другого и через него в себя, это способ духовно развивающего общения, позволяющий «вышелушить» Другого и себя из скорлупы отчуждения. В процессе диалога ребенок и взрослый реализуют в нем свою индивидуальную личностную позицию. В каждом цикле общения педагог и ребенок объединены в нечто целое (Б.Ф.Ломов), представляющее собой сложную форму речевого взаимодействия, в которой переплетаются прямые и обратные связи, идущие от партнеров. Отдельные исследователи (Ж. Пиаже, М.М. Бахтин и др.) подчеркивают, что изначально ребе-

нок не владеет диалогом – он развивается в процессе содержательного взаимодействия с другими людьми. Овладение диалогом – это формирование способности слышать и понимать собеседника, быть заинтересованным соучастником деятельности. Такое умение формируется через образцы ведения диалога, которые ребенок получает в общении со взрослым. Именно диалог является наиболее развитой формой непосредственного общения личностей. Диалог – это основа взаимодействия воспитателя с ребенком, которая проецирует установку на разумение, на разум.

Для полноценного психического развития ребенка необходимо, чтобы его контакты с внешним для него окружением носили открытый диалогический характер – утверждают представители нового «синергетического» направления в науке (В.П.Казначеев, И.Пригожин, И.Стенгерс).

Диалогическое взаимодействие педагога и обучаемого (воспитуемого), стимулируя внутренние диалоги в сознании последнего, благоприятствует его психическому и личностному развитию. Но развивающий эффект зависит не только от формы взаимодействия, но и от его содержания, от того, ставит ли оно ребенка «в развивающие проблемные отношения к жизни» (Е.Б.Старовойтенко). Именно в диалоге проявляются способности к со-творчеству педагога с детьми. В этой ситуации диалог есть способ взаимодействия и, следовательно, воспитания.

Взаимодействие в диаде «педагог – ребенок» имеет более широкий смысл. Речь идет о возможных формах взаимопроникновения мира взрослых и мира детей. При этом между взрослым и ребенком устанавливаются глубокие личностные взаимоотношения, при которых осуществляется становление и развитие каждого. Суть диалогического подхода, как подчеркивает А.Б.Орлов, состоит в том, что он предусматривает не просто передачу и усвоение чего-либо, но и совместный личностный рост педагогов и учащихся. Таким образом, диалогическое взаимодействие предполагает внутреннюю духовную слитность, которая заключает в себе не только суть и смысл человеческих отношений, но и возможность развития индивидуального сознания.

*Г.Р. Власян
Челябинск*

ОБЩАЯ СХЕМА ЖАНРОВ ОБЩЕНИЯ

Целеориентированность составляет важный параметр диалога, как и любого другого вида человеческой деятельности. Она определяет не только связь отдельных реплик между собой, но и типы, или жанры, человеческого общения, в рамках которых формируются характерные для коммуникации ролевые структуры и виды модальностей. Может быть предложена очень общая схема жанров общения: 1) информативный диалог (make – know discourse); 2) прескриптивный диалог (make – do discourse); 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (make – believe discourse); 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений (interpersonal – relations

discourse); 5) праздноречивые жанры (fatic discourse): а) эмоциональный; б) артистический; в) интеллектуальный.

В реальной речи названные жанры редко бывают представлены в чистом виде. Между тем они различны по своим целям – прямым и косвенным, степени запрограммированности ответных реакций, распределению ролей и коммуникативных интересов, «правовому кодексу», протяженности, структуре, связности, интенциональным состояниям собеседников, условиям успешности, развитию диалогических тактик, по своим «вырожденным» и сублимированным формам, наконец, по своим модальным характеристикам.

Диалоги первых двух типов отличаются наибольшей определенностью программы. Именно они дают ту исходную микроструктуру, относительно которой может быть выявлена специфика остальных жанров. Микроструктура диалога-1 сводится к вопросно-ответным парам, микроструктура диалога-2 – к паре «прескрипция – обещание/отказ». Для этих видов диалога характерны: точность в выражении реплики – хозяина, жесткая запрограммированность реакции, пресуппозиция права на требование и возможности выполнения его адресатом. Оба вида диалога осуществляются в интересах инициатора. Информативный диалог вытекает из эпистемических нужд. В нем инициатором является игнорант. Поэтому роль лидера не совпадает с ролью коммуникативно главного собеседника: лидирует потребитель, ищущий знаний; активной речевой деятельностью занят адресат – владелец знаний. Задача адресата заключается в выборе нужной информации и определении степени ее истинности. В рамках диалога-1 формируется социальный этикет. В нем используются клишированные формы нарушения программ и рикошеты, следующие за этим нарушением; ср. реплики типа *Сам знаешь; Откуда мне знать; Спроси лучшие своего мужа* и пр.

Диалог-1 может быть свернут в монолог путем исключения из него вопросов и установления логических и временных связей между ответами. Такое сжатие делает, например, следователь, давая на основе вопросов заключение по делу. Диалог-1 наиболее модально нейтрален. Модальность проникает в него преимущественно через формы речевого этикета: *Не могли бы вы сказать...; Я хотел бы узнать... и т.д.*

В диалоге-2 говорящий выступает в роли программиста, а адресат – исполнителя. Собеседники обычно социально иерархизированы. Этический кодекс хорошо разработан. Этим определяется обилие иллокутивных глаголов, употребительных в прескрипциях и их описаниях: просить, требовать, умолять, приказывать, советовать, убеждать, рекомендовать и пр.

Диалог-3 представлен такими формами речевой деятельности, как спор, дискуссия, обмен мнениями. Для диалога-3 характерна пресуппозиция компетентности (экспертности) собеседников, тематическое единство при различных модусах. Официальной формой диалога-4 является судебное расследование, вырожденной формой – скандалы, пикировка, говорение колкостей, перебранка. На почве диалога-4 развивается деонтическая модальность. Варианты диалога-5 определяются тем, какой компонент личности в нем задействован. В диа-

логе-5а происходит эмоциональное общение людей. Оно дает выход эмоциональным перегрузкам. Для него характерны жалобы и сочувствие, хвастовство и восхищение, опасения и страхи. В такой диалог вступают тогда, когда рассчитывают на моральную поддержку. В нем развиваются формы эмоциональной модальности. В диалоге-5б реализуются артистические способности говорящих, их предрасположенность к игре. Реплики рассчитаны на эстетическое восприятие. Они часто апеллируют к чувству юмора. Диалог (или полилог) может быть организован по принципу концертной программы. Для разговоров этого жанра характерны мини-рассказы, шутки и прибаутки, остроты и анекдоты. Это наиболее национально и социально окрашенный вид речевого поведения. В диалоге-5в праздноречевая деятельность приобретает интеллектуальные формы – это разговоры о текущих делах и политике, прогнозы на будущее и оценка прошлого, предположения относительно истинного значения и направления в развитии событий и т. п.

Итак, диалог-1 основан на информационном, диалог-2 – на деятельном общении, диалог-3 представляет собой обмен мнениями, диалог-4 регулирует межличностные контакты, диалог-5 (свободное общение) реализует различные аспекты личности – эмоциональный, эстетический и интеллектуальный. Он имеет развлекательное, тренировочное или уравнивающее предназначение.

*Т.А. Воронцова
Ижевск*

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Риторический вопрос – вопрос по форме, утверждение по содержанию. Противоречие содержания и структуры приводит к тому, что в монологической и диалогической речи роль риторических вопросов расценивается по-разному. В монологе (публичной речи, например) риторический вопрос выполняет, как правило, функцию активизации аудитории.

В диалогической речи функции риторического вопроса совершенно иные. Как известно, именно вопрос в диалоге обеспечивает развитие коммуникации, т.к. требует обязательной ответной реплики речевого партнера. Риторический вопрос, являясь по структуре вопросительным предложением, эту функцию выполнить не может. Именно поэтому риторический вопрос в коммуникации зачастую выступает как средство проявления речевой агрессии, как сигнал конфликтной коммуникации.

Вопросительное слово (местоимение или наречие) в риторическом вопросе определенным образом утрачивает свою первоначальную семантику и потому не выполняет свою обычную коммуникативную функцию, поскольку в вопросительном предложении такой структуры, если оно является вопросом по содержанию, ответная реплика адресата предполагается как реакция именно на вопросительное слово.

В коммуникативной практике существует целый ряд речевых формул, которые используются прежде всего как средство выражения негативной (агрессивной) реакции говорящего на предыдущую реплику собеседника: *Откуда я знаю? Где я тебе возьму? Какое мне (вам) дело? Сколько можно повторять?*

При использовании риторических вопросов такого типа в диалогической коммуникации возникает своеобразное противоречие: форма высказывания внешне предполагает продолжение коммуникации, а его содержание не рассчитано на ответную реплику, т.е. предполагает либо «вычеркивание» коммуникативного партнера (превращение диалога в монолог), либо прекращение коммуникации.

Смысловым эквивалентом риторического вопроса в диалоге может быть не только утвердительное, но и побудительное предложение. Целеустановка такого рода высказываний – прервать какое-либо действие адресата: *Куда ты кледишь? (= Не клади туда!). Что ты делаешь? (= Не делай этого!). Что вы такое говорите? (= Не говорите этого!).*

Как известно, высказывания с выраженной императивной модальностью (повеление, приказ) вызывают внутреннее сопротивление адресата, поскольку могут быть восприняты как стремление адресанта к психологическому и речевому доминированию. Это, как правило, создает дисбаланс в коммуникации и приводит к коммуникативным неудачам. В высказываниях рассматриваемого типа императивная модальность сочетается с резко негативной оценкой действий адресата речи (эмоциональность такого рода высказываний выражена интонационно), т.е. в данном случае риторический вопрос выступает как средство формирования агрессивного дискурса (агрессивный импульс получает весь дальнейший процесс коммуникации).

В разговорной речи встречается еще один тип риторических вопросов. Это вопросительные по структуре предложения, в которые включается слово *что*. Ср.: *Я, что, этого не знаю? Он, что, разве этого не понимает?* Причем в данных условиях *что* трудно квалифицировать с точки зрения его морфологического статуса и синтаксической функции. Очевидно, что в условиях диалогической речи именно слово *что* превращает вопрос в риторический и придает высказыванию агрессивный характер (высказывание сразу приобретает отрицательную коннотацию).

Таким образом, как видим, употребление риторических вопросов в диалоге не способствует успешной коммуникации. Являясь эффективным и эффективным контактоустанавливающим приемом в монологической (публичной) речи, в диалогическом дискурсе риторический вопрос чаще всего используется как средство проявления речевой агрессии.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НОВЕЛЛЫ

Любой текст – это сложное, структурно упорядоченное, многоуровневое образование. В отношении природы текста существуют разнообразные точки зрения. Но наиболее удачным представляется подход к тексту с коммуникативных позиций. Так, нарратологи делают акцент на коммуникативной природе уровней текста. Этот подход в полной мере применим к любому типу текста, в том числе и к художественному. Коммуникативная природа текста предполагает наличие коммуникативной цепи, включающей отправителя сообщения (автора), само сообщение и получателя сообщения (читателя). Сообщением же в художественном тексте является художественная информация. А подача (автором) и восприятие (читателем) информации именно этого типа обуславливает специфику художественного текста.

Восходящая к Вольфу Шмидту, переработавшему идеи М. Бахтина, У. Бута и Л. Долежеля, «модель вертикального разреза повествовательной структуры» предполагает 4 уровня коммуникации:

- 1)реальный автор – реальный читатель;
- 2)имплицитный (абстрактный) автор – имплицитный читатель;
- 3)эксплицитный (фиктивный) автор – эксплицитный читатель;
- 4)персонаж – персонаж.

На каждом уровне происходит передача сообщения от отправителя к получателю.

Для каждой эпохи, для каждого литературного направления, для каждого литературного жанра характерны свои особые концепции отправителя и получателя художественной информации. Очень интересна реализация коммуникативной цепи *отправитель – получатель* художественной информации в таком литературном жанре, как новелла.

Текст новеллы зачастую представляет собой нарратив, в который встраиваются дополнительные нарративы. Так, новелла О. де Бальзака «Гобсек» обладает сложной «рамочной» композицией. Структура новеллы состоит из нескольких повествовательных уровней, на каждом из которых взаимодействуют различные повествовательные инстанции. Реальным автором текста является сам Бальзак в момент написания «Гобсека». Он обращается к реальному читателю – ко всем людям, читающим новеллу.

Однако художественное повествование – результат перевоплощения реального автора в имплицитного автора. Автор передаёт ответственность за совершаемые им речевые акты своему заместителю в тексте – повествователю. Этот абстрактный автор обращается к некоему абстрактному читателю. Абстрактный автор не предстает в виде определённого персонажа. Реальный автор «Гобсека»

(сам Бальзак) как бы создаёт вариант самого себя (образ Бальзака). Абстрактный читатель – это образ получателя информации, постулируемый всем художественным произведением. Когда в тексте встречается обращение «Дорогой читатель, забегая вперёд, я скажу, что...» и т.п., то это обращение не к Вам, конкретному читателю, а к абстрактному образу читателя.

В «Гобсеке» повествование начинается сценой в светской гостиной. Оно ведётся от лица абстрактного автора. Затем абстрактный автор на время передаёт свои функции так называемому «эксплицитному автору». Это адвокат Дервиль, «фигура в тексте», рассказчик, принадлежащий миру художественного вымысла и ведущий повествование от своего лица. Дервиль рассказывает историю семьи графа де Ресто госпоже де Гранлье. Г-жа де Гранлье – тоже фигура вымышленная. Её можно назвать эксплицитным читателем – реципиентом, выступающим в виде персонажа.

В отличие от имплицитных автора и читателя, категории эксплицитного автора и эксплицитного читателя непостоянны. На какое-то время рассказчиком – эксплицитным автором – становится сам Гобсек. А г-н Дервиль приобретает функции эксплицитного читателя. Внутри этих встроенных нарративов персонажи также общаются друг с другом. Это уже внутренний мир текста новеллы, где осуществляется коммуникация одних персонажей с другими.

Коммуникация между реальным автором и реальным читателем всегда осуществляется опосредованно, через повествовательные инстанции каждого внутритекстового уровня.

Таким образом, художественный текст – одна из форм «речевого акта». В любом художественном тексте обязательно присутствует повествователь и адресат. Хотя в одних случаях они могут обладать некоторой степенью индивидуальности, а в других – оказаться полностью её лишённой. Художественный текст – мир вымысла одновременно и по отношению к миру действительности, и по отношению к своему создателю – автору, и по отношению к своему адресату.

*О.Ю. Иванова
Москва*

КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Переводческая компетенция – понятие емкое и по мере совершенствования переводческой практики, возникновения новых переводческих профессий, развития переводоведения включающее в себя все новые и новые параметры. Но с самых первых шагов переводческой деятельности в Европе и по сей день знание латинского и древнегреческого языков являлось и продолжает оставаться насущной необходимостью. Даже утратив официальный статус «живых», они продолжают оставаться универсальными языками – кодами международного общения в различных сферах человеческой деятельности: науке, образовании, куль-

туре, литературе, искусстве, дипломатии, юриспруденции, медицине. Отнюдь не случайно при составлении текста Нерчинского договора, первого дипломатического договора между Россией и Китаем, при выборе языка писавшие договор остановились на «универсальной» латыни. Русская и европейская история и историография, богословие и религиоведение, история дипломатии и юриспруденция, политология и медицина сохраняют потребность общества в подготовке профессиональных переводчиков из числа филологов-классиков (специалистов по древним языкам). Однако знание античности и древних языков должно составлять необходимую основу подготовки любого переводчика. Классические (условно «мертвые») языки сохраняют свою коммуникативную функцию и в диахронии, и в синхронии европейской культуры и остаются инструментом профессиональной деятельности переводчика в любой сфере.

Исторический опыт системы среднего и высшего гуманитарного образования в России свидетельствует о том, что древние языки (латинский и древнегреческий) и культурные реалии европейской античности выступают своеобразным культурным кодом коммуникации и составляют прочный фундамент того образования, которое позволяет человеку чувствовать себя уверенно и адекватно в любой европейской языковой среде, делает сам процесс межъязыковой (межкультурной) коммуникации наиболее эффективным и продуктивным в общечеловеческом, интеллектуальном, творческом и профессиональном плане.

Для России одним из периодов наиболее полной и естественной реализации процессов межкультурной коммуникации было начало XX века, русский культурный Ренессанс, Серебряный век, время особого подъема как в науке, так и в искусстве. И нельзя не согласиться с мыслью В. Жирмунского о том, что «чем культурнее народ, тем интенсивнее его связи с другими народами». Проникновение в мир древних языков и реалий, в этот универсальный код мировой культуры – наиболее прямой и правильный путь к истокам европейской культуры, ее ментальности, лексическому богатству европейских языков, европейскому Слову – Логосу в единстве и многообразии его форм и содержания. Знание древнего слова расширяет границы языкового мира, дает возможность универсального восприятия смыслов, интеллектуальную широту ассоциаций, расширяющую границы образа. Именно такое отношение к Слову развивали у своих учеников-гимназистов лучшие преподаватели древних языков России в начале XX века, такие, как Л.И. Поливанов, И.Ф. Анненский и многие другие. В «Педагогических письмах» И.Ф. Анненский, излагая, в частности, свои принципы практики перевода, развивал мысль о том, что изучение древних языков – это изучение слова, а «оно есть отправная точка нашего проникновения в духовный мир человека» (И.Ф. Анненский, 1892). Неслучайно филологами-классиками были стоявшие у истоков отечественного переводоведения Ф.Ф. Зелинский, И.Ф. Анненский, Ф.Е. Корш, В.О. Нилендер и др.

Знание древних языков упрочивает и языковую и речевую компетенцию современного переводчика, вооружая его прочным грамматическим основанием, необходимым запасом универсальных европейских лексем, давая ему воз-

возможность проникнуть в суть европейской ономастики, в ассоциативный приемственный ряд реалий европейской и мировой культуры. Обладает ли достаточной профессиональной (речевой, языковой и культурной) компетенцией переводчик-американист, не знающий что «Пентагон» дословно означает по-гречески «пятиугольник», а Капитолий прямо указывает своим возникновением и существованием на то, что США ощущали и ощущают себя «четвертым Римом» вопреки заверениям русского старца о том, что таковому «не бывать»? Может ли быть полноценным участником современного европейского дискурса человек, не владеющий латинской афористикой и неспособный осмыслить одну из ведущих ментальных позиций европейской цивилизации «Do, ut des»? Изучение античной афористики, этого своеобразного универсального метаязыка европейской межкультурной коммуникации, в подготовке переводчика заслуживает особого внимания. Сложность при переводе современных текстов представляют не столько явные латинские цитаты и афоризмы, сколько парафразы и намеренный эмфазис крылатых выражений. Незнание их порождает серьезные проблемы при переводе и в коммуникации в целом. В ходе занятий студентов приходится в буквальном смысле слова «натаскивать» на наиболее значимые в культуре выражения и приводить примеры их парафрастического и эмфатического использования в современных текстах.

Работа с античным текстом учит будущего переводчика педантизму, точности и ответственности в отношении слова (а следовательно, поступка), концентрации внимания, дисциплине ума, развивает и совершенствует логическое мышление. Ведь «смысл» в латинской фразе есть «искомое», как говаривал академик Щерба, и путь к этому смыслу лежит через подробный и точный анализ грамматических форм, через их синтез в синтагмах.

*Т.Н. Кабанова
Челябинск*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Эксплицитно выраженная коммуникативная функция языка (персонализированный адресат, зависимость) является ярким признаком эпистолярного дискурса (ЭД) и может считаться текстообразующим фактором эпистолярного жанра, поэтому представляется интересным выявить, какие средства, системы и структуры языка служат реализации этой функции в эпистолярном дискурсе.

В основе исследования лежит представление о процессе коммуникации, предложенное Р.О. Якобсоном (1960): модель коммуникации (адресант – контакт – код – референт – адресат) и надстроенная над ней система функций языка (эмотивная, фатическая, метакоммуникативная, референтивная, поэтическая, регулятивная). Остановимся на преобладающих в ЭД, по нашим наблюдениям, функциях: эмотивной и фатической.

Эмотивная функция. Личность говорящего проявляется в ЭД уже на уровне текстовой категории темы. Все ЭД, исследуемые нами, характеризуются обязательным наличием так называемой «я-темы», проходящей через весь текст. Адресант описывает собственные поступки, принимаемые им решения, высказывает собственное мнение, дает оценки событиям и т.д. Антропоцентризм ЭД проявляется и в особой эмоционально-оценочной тональности, которая создается оценочной лексикой, средствами экспрессивного синтаксиса (прямая оценка), коммуникативами, словами и эмоционально-экспрессивной коннотацией: чем сильнее в слове экспрессивно-оценочный компонент значения, тем неопределеннее денотат («затеваю портрет», «швыряешься Тиссо», «с Америкой чепуха получается») и т.д.).

Фатическая функция (установление и поддержание контакта). В письме обнаруживаются все «типологические звенья фатической речи» (Винокур, 1993):

а) конативная функция элементарного содержания (вступление в контакт и его поддержка);

б) область речевого этикета в целом (интродуктивная и финальная части писем содержат конативно-этикетный набор соответствующих клише, представляющих собой фатику в чистом виде);

в) четкое разграничение информации и чистой фатики посредством нарастания и падения экспрессии. В письмах фатические участки насыщены релятивами, междометиями, экспрессивной лексикой и отличаются своеобразной синтаксической организацией (порядок слов, ассоциативное построение предложения и др.);

г) наличие фрагментов, которые связаны с происходящим в момент написания письма, т.е. временная локализация имеет 2 пласта;

д) и еще одно «звено» (выделенное нами) – клишированные вопросительные конструкции в конце письма, которые являются, на наш взгляд, косвенными речевыми актами и означают просьбу написать письмо (Ну, а как ты? // Где Вы сейчас находитесь? // Как Женька? // Готов к лету? // Какая у Вас погода? // Что нового?).

Представляется, что фатическая функция является главной, так как письмо служит прежде всего для поддержания контакта: выбор темы, языковое оформление, коммуникативные роли определяются ситуацией общения, предшествующей переписке (Шалапин-отец пишет детям, Шалапин-певец пишет критику Стасову, Шалапин-друг пишет другу Горькому, и коммуникативные роли не меняются). Так же письму присущи все признаки фатического речевого действия неподготовленность, тематическая свобода, разговорность языка, диалогичность формы.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Переводческая компетенция относится к области психологии переводчика, к его умению осуществлять переводческий процесс, создавать полноценный текст перевода, делать правильный выбор языковых средств, учитывая всю совокупность факторов, влияющих на ход и результаты перевода.

Изучение личностных аспектов перевода можно вести в двух направлениях. С одной стороны, переводчик выступает как особый тип языковой личности. Осуществление процесса перевода предполагает наличие особых языковых знаний, умений и навыков, выявляет специфический характер понимания и производства текстового материала переводчиком. С другой стороны, переводчик рассматривается как эвристическая личность, постоянно делающая выбор из ряда возможностей, принимающая непрерывный ряд решений.

Интуитивный характер перевода обуславливается как самой природой мыслительной деятельности человека, так и условиями, влияющими на принятие переводчиком необходимых решений. Многие решения, принимаемые переводчиком, не основываются на сознательном сопоставлении каких-то факторов, и нередко сам переводчик не способен их логически обосновать. Во многих случаях именно интуитивно-эвристический метод принятия решений является главным, решающим в переводческом процессе.

Процесс принятия решений переводчиком связан с характерным для данного переводчика типом поведения. Типология поведения переводчика основывается на ряде оппозиций: целеустремленный – колеблющийся, упрямый – скептический, находчивый – ограниченный, логичный – непоследовательный и пр. Переводчику необходимо нейтрализовать бессознательное влияние типа своей личности, сделать бессознательное – сознательным. При всей важности интуиции ей должно предшествовать размышление.

Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала, и, как правило, фактическая общность содержания оригинала и перевода весьма значительна. Потенциально достижимая эквивалентность перевода – это максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты. Переводческая эквивалентность – это реальная смысловая близость текстов оригинала и перевода, достигаемая переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной.

Различия в системах исходного языка и языка перевода и особенностях создания текстов на каждом из этих языков в разной степени могут ограничивать возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Поэтому

переводческая эквивалентность может основываться на сохранении (и соответственно утрате) разных элементов смысла, содержащихся в оригинале. В зависимости от того, какая часть содержания передается в переводе для обеспечения его эквивалентности, различаются разные уровни (типы) эквивалентности. На любом уровне эквивалентности перевод может обеспечивать межъязыковую коммуникацию.

Непосредственно связано с оценкой качества перевода и определение единицы перевода как минимальной языковой единицы текста оригинала, которая переводится как единое целое. Выделение таких единиц непосредственно связано с качеством перевода, поскольку попытка переводчика перевести отдельные элементы, входящие в более крупное целое с единым значением, нарушает эквивалентность перевода.

Отсюда следует, что эквивалентным переводом является перевод, осуществленный на уровне единиц перевода оригинала в указанном смысле, то есть такой перевод, в котором с помощью соответствий переданы именно те и только те единицы исходного языка разных уровней, чьи значения должны воспроизводиться в переводе как единое целое. Это предполагает умение переводчика выделять в тексте перевода единицы исходного языка, выступающие в качестве единиц перевода.

В современном электронно-информационном мире переводчик уже не просто специалист по переводу с одного языка на другой, он – посредник и участник коммуникативно-познавательного процесса, транслирующий интенции одних людей другим людям. Его интерпретация, мера их адекватности авторскому замыслу определяют качество общения.

*О.Ю. Подъяпольская
Челябинск*

К ВОПРОСУ О МНОГОЗНАЧНОСТИ ТЕРМИНА «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ»

Интертекстуальность (далее: ИТ) – исходя из значений частей слова – означает, что тексты взаимодействуют друг с другом, находятся в определенных отношениях друг к другу.

В литературоведении Ю.Кристева вводит новое, динамическое (в отличие от статического понимания художественного текста как автономного законченного целого) понимание текстуальности (или ИТ), которое опирается на протекание процессов коммуникации с эстетически отмеченными текстами. ИТ у Ю. Кристевой становится безграничной, универсальной категорией, она связана со всеми средствами социокультурного знания, в котором участвует каждый текст, указывая на него и, в конечном итоге, растворяясь в нем.

В тех немногих монографиях по лингвистике текста, где речь идет об ИТ (Б.Совински, В.Хайнеман, Д.Фивегер), этот термин используется в значении,

предложенном Р.А. Бограндом /В.Дресслером, для которых ИТ является одним из критериев текстуальности. Под ИТ понимается основополагающая связь каждого отдельного текста с другими текстами в смысле его характеристики как экземпляра определенного типа текста. ИТ обозначает также зависимость между производством и восприятием данного текста и знанием участников коммуникации о других текстах. Эту форму ИТ можно обозначить как *типологическую* или *парадигматическую* ИТ, т.к. на данном направлении возникают типы и подтипы текстов, которые состоят в определенном отношении СХОДСТВА – РАЗЛИЧИЯ. При этом парадигма может быть выражена как ассоциативное отношение текстовых единств между собой.

От парадигматической ИТ ясно отличаются случаи *синтагматической* ИТ. Это отношение между текстами разного типа, которые можно продемонстрировать на конкретных экземплярах текстов определенного типа и обозначить как линейные или в определенном смысле синтагматические, т.к. между относящимися друг к другу текстами (типами текстов) существует – зачастую определяемая во времени – последовательность (книга и рецензия, составные части частной или служебной переписки). К случаям синтагматической ИТ относится эксплицитное цитирование элементов одного или нескольких текстов в актуальном тексте. Данное обозначение (линейная, синтагматическая ИТ) должно в первую очередь подчеркнуть линейный характер связи, в отличие от ассоциативных отношений в парадигматике.

Парадигматическая и синтагматическая ИТ выказывают очень тесную связь друг с другом. Парадигматическая ИТ, как общий признак текста, в определённой степени является базисом для синтагматической ИТ; синтагматическая ИТ функционирует только в рамках парадигматической ИТ.

В последнее время лингвистами обсуждается вопрос, является ли ИТ изначально присущей тексту характеристикой или должна пониматься исключительно как когнитивный феномен. В последнем случае речь идёт о том, что интертекстуальные качества могут мотивироваться текстом, но осуществляются они лишь во взаимодействии между текстом и читателем, его объёмом знаний и рецепционными ожиданиями. ИТ конституируется как реляции между текстами только в континууме восприятия, а не в тексте и не через сам текст (Я. Петёфи / Т. Оливи; С.Холтуис).

Рассмотрение ИТ с позиции реципиента, в конечном итоге, может привести к «упразднению» этого понятия, т.к. разные читатели строят различные модели понимания одних и тех же текстов. Следовательно, латентно ИТ является основополагающим признаком, который (в смысле семи критериев текстуальности по Р.А.Богранду/В.Дресслеру) присущ каждому тексту.

Производитель текста может сознательно ссылаться на конкретные тексты и использовать соответствующие индикаторы, но он также может воссоздать интертекстуальные отношения между текстами одного и того же типа бессознательно, создавая текст по соответственному образцу. Идентифицируются и интерпретируются ли эти скрытые и явные сигналы интертекстуальности реципиентом, иррелевантно для понимания интертекстуальности.

Всё вышесказанное демонстрирует, что термин «интертекстуальность» неоднозначен и зачастую используется в разных значениях. Поэтому возникают трудности при определении, что же имеется в виду, когда употребляется этот термин, и актуальным становится проблема его ограничения. Тем более что этот термин был отвергнут даже Ю.Кристовой и заменён на термин «транспозиция». Можно было бы, например, сохранить термин ИТ для обозначения признака текста, являющегося представителем определённого типа текста и несущего на себе его отпечаток. В случае же эксплицитного цитирования элементов одного или нескольких текстов в актуальном тексте целесообразно было бы сохранить термин «референтная отнесённость», а точнее «референтная отнесённость текста», тем более что этот термин давно используется в работах по лингвистике.

*А.Б. Ряпосова
Нижний Тагил*

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ С АГРЕССИВНЫМ ПРАГМАТИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ В СОВРЕМЕННОМ АГИТАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В рамках когнитивной лингвистики в конце XX века стало активно развиваться новое научное направление – теория метафорического моделирования действительности (теория концептуальной метафоры), которая использует в исследовании метафоры когнитивный подход, когда названное языковое явление рассматривается как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира.

Метафора связывает две понятийные сферы, одна из которых хорошо структурирована и известна участникам коммуникации – это сфера-источник, а другая – сфера-мишень – требует категоризации, объяснения, концептуализации.

Процессы метафоризации – это операция над знаниями, которые можно характеризовать через описание, классификацию и анализ активно используемых в дискурсе метафорических моделей с учетом их частности и продуктивности функционирования.

При характеристике метафорической модели используются когнитивные категории, заимствованные из теории представления знаний, – это понятия фрейма и сценария. Язык фреймов удобен для описания процессов метафоризации потому, что это типичный метаязык представления знаний, который не делает различий между лингвистической и экстралингвистической информацией и позволяет выйти за пределы собственного языкового значения.

В рамках когнитивной концепции с использованием метаязыка фреймов мы проводим описание метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом, функционирующих в современном агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов 1999 – 2000 гг. Сюда относятся

модели, в которых источником метафорической экспансии являются понятийные сферы «Война, «Криминал», «Мир животных».

В соответствии с идеями когнитологии, в основе языка и его категорий лежит наглядный, телесный опыт человека, и через обобщение этого опыта человек выходит в более абстрактные сферы. Представления о войне, преступниках и мире животных достаточно конкретны, хорошо известны и структурированы в обыденном сознании человека, поэтому использование понятий из названных областей позволяет осмыслить такую абстрактную сферу, как политика, политическая деятельность в современной России.

Так, широко распространенная в политической речи милитарная метафора представляет российскую действительность как войну. Фреймы, составляющие военную источниковую сферу, активно взаимодействуют с политической сферой-мишенью. В результате агитационно-политические тексты периода выборов наполняются метафорическими выражениями, из которых становится известно, что российские граждане постоянно «ведут затяжные бои», «дают бой всему фронту», «сидят в окопах», «выдерживают осаду»; руководят боями «полководцы» и «генералы», появляются «жертвы и разрушения» и «приходится объявлять передышку», «выбирать стратегию и готовить ответный удар».

Не менее продуктивно функционирует в политическом дискурсе периода выборов криминальная метафора, характеризующая понятийную область политики и экономики. В процессе метафоризации осуществляется перенесение содержания фреймов сферы-источника в соответствующие фреймы сферы-мишени. К примеру, политики, экономисты и государственные лица могут метафорически представляться в политическом дискурсе как «шулеры», «убийцы», «гангстеры», и «душегубы», а простые граждане – как жертвы преступных действий («лохи», «заложники») и т.п.

Соответственно и зооморфная метафора характеризует широкий спектр концептов политики, перенося свойства и качества нечеловеческого общества (мира животных) на политическую жизнь (мир людей).

Таким образом, когнитивный подход к анализу метафор, при котором рассматривается сложное взаимодействие двух смысловых комплексов, позволяет сделать следующие выводы.

С одной стороны, функционирование метафорических моделей в политических текстах способствует увеличению объема знаний относительно трудно понимаемой области политики. С другой стороны, сфера-мишень структурируется определенным образом, что может привести к ограничению всестороннего объективного восприятия характеризуемого явления за счет акцентирования одних (в нашем случае – негативных) сторон.

Милитарная, криминальная и зооморфная метафоры способствуют переосмыслению политической деятельности в понятиях войны, преступности и бестиальности, наполняя политический дискурс агрессивным прагматическим потенциалом.

КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ АВТОРА» В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Всякое высказывание имеет своего автора. Читатель знакомится с персонажами, следит за ходом событий, определяет основную идею произведения через образ автора-повествователя или рассказчика.

Слово «автор» в художественном произведении многозначно и употребляется в трех смыслах:

1) автор как тот или иной реальный человек, создатель произведения;
2) автор как субъект, представленный в самом произведении наряду с другими его персонажами;

3) автор как присущий данному произведению создающий субъект, который обозначается самим произведением, иначе говоря, это художественная личность писателя (М.П. Брандес).

В терминах М. М. Бахтина, который определяет *автора* как иерархически организованное явление, речь идет о биографическом авторе – первичном авторе – вторичном авторе. *Биографический автор* – это исторически реальный человек, наделенный своей биографией и «внеположенный» произведению. *С первичным* (не созданным), или с автором-творцом, мы встречаемся в самом произведении, однако вне изображенных хронотопов, а как бы на касательной к ним. Таким образом, основной его характеристикой является «внезаходимость» или «трансгредентность» (М.М. Бахтин). *Вторичный автор* – образ автора, созданный первичным автором. Создающий образ (то есть первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ (М.М. Бахтин).

Если понятие «*автор*» рассматривать как совокупность творческих принципов, излагаемых в произведении посредством повествователя, то отношения между автором и повествователем можно свести к трем категориям:

- аукториальный повествователь;
- персонифицированный повествователь;
- персональный повествователь.

Аукториальный повествователь – необозначенный в тексте повествователь, максимально приближенный к автору – не принадлежит к действующим лицам художественного произведения и не участвует в художественном действии, а лишь наблюдает за ним, ограничиваясь комментариями, изредка выказывая свое отношение. *Персонифицированный повествователь*, т.е. названный именем рассказчик, является одним из действующих лиц и может быть обозначен как комментатор действия «изнутри». *Персональный повествователь* также выступает как действующее лицо – очевидец событий. Но здесь показ действия «изнутри» сопровождается смещением повествования в плане содержания в сторону эмоционально-оценочного изображения мира; повествование приобретает характер исповедального рассказа (А.И. Домашнев).

В постмодернистском произведении образ автора, или «авторская маска», (термин постмодернизма, предложенный К. Мамгреном) реализуется посредством диалога (во многих случаях полилога) вышеперечисленных типов повествователей. Выдающийся роман американского постмодерниста Джона Барта «Химера» (Chimera) построен именно на полилоге повествователей, что позволяет автору постоянно менять маски. Первый абзац «Беллерофоннады» начинается размышлениями аукториального повествователя о судьбах рассказов. К обсуждению этой темы присоединяется персональный повествователь, рассказывающий историю своей жизни. В какой-то момент этот рассказ прерывается персонифицированным повествователем, уточняющим ряд деталей. Во-первых, он называет имя главного героя. Во-вторых, указывает основную причину происходивших событий. Подобная смена субъектов речи в пределах одного абзаца сопровождается изменениями лексических, грамматических и стилистических характеристик речи.

Фрагментарность, гетерогенность, эклектизм постмодернистского письма преодолевается благодаря «авторской маске», обеспечивающей целостность всего произведения.

*С.В. Семочко
Воронеж*

О СЮЖЕТООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА

Языковая личность является неотъемлемой частью личности, носителем эстетических и морально-этических ценностей. Поэтому тексты, порождённые какой-либо языковой личностью, аккумулируют в себе общекультурные и национально-специфические факты и могут трактоваться как элемент картины мира конкретного социума с его традициями, нормами и особенностями.

Особую ценность представляют собой носители специфической информации – так называемые «прецедентные» тексты (ПТ), по Ю. Н. Караулову. Сам по себе термин свидетельствует о том, что к подобным текстам постоянно обращаются представители определённой культуры как в историческом прошлом, так и в современности и что эти тексты понятны и могут быть осмыслены сходным образом представителями разных поколений. Следовательно, ПТ является не просто продуктом развития конкретного индивида, а результатом эволюции коллективного сознания всего социума, объединяя в себе, таким образом, индивидуальное и коллективное начала. Наиболее известны и распространены ПТ в виде народных сказаний, легенд и т.д., которые используются затем в более поздних философско-публицистических произведениях и, конечно, в художественной литературе (часто в модифицированном виде, что вызвано в основном потребностями той или иной эпохи).

Таким образом, можно сказать, что ПТ – это комплексный образец когни-

тивной обработки действительности, непосредственно связанный с морально-этическими ценностями общества и входящий в ядерную часть концептуальной картины мира соответствующей лингвокультурной общности.

Названные особенности ПТ обеспечивают успешное выполнение ими в ткани художественного произведения различных функций, главной из которых является сюжетобразующая.

Изучая интерпретации одного и того же ПТ с различных точек зрения (автором, разными героями произведения, с другой временной перспективы и т.д.), можно получить наиболее полное представление о структуре той или иной языковой личности, о её мировоззрении, политических взглядах, вероисповедании, общественном положении и т.д. Следовательно, определённый набор ПТ у того или иного варианта языковой личности может дать её полный психологический портрет и информацию о наиболее значимых морально-эстетических ценностях данной лингвокультурной общности.

Анализ определённого набора ПТ позволяет проникнуть в идейно-художественный замысел произведения, лучше понять его композиционное построение и рассмотреть дискурсивные способности языковой личности.

Обращение к ПТ очень характерно для немецкоязычной культуры (например, сюжет о докторе Фаусте, о Лоэнгрине, песнь о Нибелунгах, об Армии и т.д.), что нетипично для русскоязычного лингвокультурного сообщества (к ПТ часто обращались Вагнер, Гёте, Т. Манн, Г. Манн, Л. Фейхтвангер и т.д.).

У каждого автора ПТ выполняет ту или иную сюжетобразующую функцию в произведениях. Г. Манн, обращаясь к легенде о Лоэнгрине, в романе «Верноподданный» маркирует кульминацию действия и высвечивает наиболее ярко картину мира определённого социального типа. ПТ «Арминий» становится краеугольным камнем, на котором строится сюжет романа Л. Фейхтвангера «Братья Опшермань».

Однако наиболее выпукло сюжетобразующая функция ПТ проявляется в романе Т. Манна «Доктор Фаустус», что обнаруживается в построении и поворотах сюжета, композиции романа, в описании характеров и взаимоотношений между персонажами романа и т.д.

Изучение сюжетобразующих потенций ПТ поможет высветить свойства, присущие немецкой языковой личности.

*Г.А. Старова
Челябинск*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ ГАЗЕТЫ

К изучению политических проблем имеет отношение не только политология, но и другие социальные и гуманитарные науки: философия (использование общих категорий диалектики, анализ объективного и субъективного в политическом процессе, понимание ценностных аспектов власти и др.), социология (отражение политического процесса в сознании людей, мотивация политичес-

кого поведения той или иной социальной группы, социальная база политической власти), правовые дисциплины (правовая система общества, механизм власти, конституционные нормы и принципы), история, психология, экономическая теория, риторика. Политические исследования все больше базируются на данных культурной антропологии, социолингвистики, герменевтики. Появляется новая проблематика, например, гендерная политическая теория и феминистская практика, политическая экология и глобалистика, политическая прогностика и т.д.

В начале 50-х гг. XX в. появился термин «политическая коммуникация» и фундаментальные исследования, которые выделились в самостоятельное направление. Сущностью политико-коммуникационных процессов является передача, перемещение, оборот политической информации – совокупности знаний, сведений, сообщений о явлениях, фактах, событиях политической сферы общества, с помощью которых передается политический опыт, координируются усилия взаимодействующих в обществе индивидов, социальных групп, слоев, классов, происходит их политическая социализация и адаптация. Задачей отправителя является не только передача информации, но и стремление изменить структуру сознания реципиента в соответствии со своим сообщением, опираясь либо на логическое убеждение (доказательный характер разумных доводов), либо на эмоциональное убеждение, то есть воздействуя на систему ценностных ориентаций личности (Ю.В. Ирхин).

Власть реализуется через общение, через определенный язык, который понятен всем (М.А. Василик). В сфере социолингвистики внимание ученых с 70 – 90-х гг. привлекает вопрос о том, какую роль играет язык в постоянной борьбе за власть и как отражается эта борьба между людьми на особенностях языка, на специфике речи, на текстах, которые отражают эту борьбу. А.К. Михальская отмечает, что логосфера общества перестала быть однородной, и социальное расслоение языков и дискурсов особенно очевидно в языковых ситуациях «сложных сообществ» современных западных стран: политический дискурс – дискурс власти, культуры, науки, искусства, образования – использует только один из вариантов общенационального языка – вариант, признанный в данной логосфере престижным, поскольку он усваивается в полной мере только на тех уровнях образования, которые доступны исключительно слоям общества, обладающим реальной властью, денежной и политической. В противоположность этой особенности современного Запада, по замечанию А.К. Михальской, образование социальных диалектов, их иерархизация по оси власти не столь существенна для современной русской логосферы в связи со значительными сдвигами народных масс по социальной оси после 1917 г. и смешением территориальных и социальных диалектов; к тому же грамотная, культурная речь, свойственная аристократии и интеллигенции, воспринималась как речь социальных врагов; далее на протяжении долгого периода речь власти в России носила ярко выраженные признаки непрестижного социального диалекта с множеством нарушений норм литературного языка. Речь современного политика, обращающегося не непосред-

редственно к адресату, а через прессу, требует мастерства владения диалогом в беседе с журналистом. В сфере социологии международных отношений используется теория социальных групп, причем группы и международные системы обладают явными соответствиями «индивид – нация», «межличностные взаимодействия – межнациональные взаимодействия», а «правила поведения их членов, взаимоотношения между лидерами и маргиналами зависят от их рангового соответствия» (П.А. Цыганков), что можно соотнести с иерархией в сложном международном сообществе, отражающейся в речи политических лидеров. Кроме того, образование международных экономических, политических организаций, объединений, фирм в разных сферах деятельности повлекло за собой взаимопроникновение лексики разных языков. Анализ отдельных номеров итальянской периодической печати, например, выявил большое количество заимствований из английского, французского, испанского и немецкого языков; некоторые из них уже «итальянизированы», другие сохраняют форму своего языка и употребляются в оригинальном варианте: *blitz*, *black bloc*, *governance*, *les sites du genocides* и др. В российской печати заимствований значительно меньше, и подаются они в соответствии с русским произношением: *джихад*, *бизнесмен*, *лобби*, *сиквел* (Новая газета. 2001 г. 24 – 26 сент.).

Политическая психология изучает политическое поведение людей в связи с их ценностными ориентациями, мыслями о политике, чувствами, волей, национальными традициями и чертами характера. Сравнительный частотный анализ отдельных номеров итальянских и российских газет показал, что сегодня в политических материалах газет наиболее часто употребляются слова: в России – *наркотики*, *банк*, *террористы*, *власть*, *деньги*, *образование*, *безопасность*, *война*, *борьба*, *угроза*, *бюджет*, *конфликт*, *преступность*, *закон*; в Италии – *democrazia* (демократия), *diritti civili* (гражданские права), *dialogo* (диалог), *scontro* (стычка, столкновение), *indagine* (расследование), *mozione di sfiducia* (выражение недоверия), *responsabilita* (ответственность), *legge* (закон), *ordine pubblico* (общественный порядок), *angoscia* (тревога), *movimento antiglobal* (движение антиглобалистов).

Язык политики имеет свои особенности на всех уровнях – лексики, морфосинтаксиса, фразеологии. Сегодня словообразование, как считают итальянские лингвисты, является плодом коллективного творчества журналистов, политиков, ученых – именно поэтому в лексике так быстро отражаются все изменения, связанные с ускоренным ритмом жизни, скоростью распространения информации, изменением традиций и условий жизни.

О ПРОБЛЕМЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ СО СЛЕПЫМИ И СЛАБОВИДЯЩИМИ ДЕТЬМИ

Для обучения и воспитания слепых и слабовидящих детей создаются специальные образовательные учреждения. Такие школы должны обеспечить подготовку сознательных и высокообразованных людей, способных к труду, активной деятельности в различных сферах хозяйства, культуры, науки, техники.

Перспективы развития школ для слепых и слабовидящих указывают на необходимость совершенствования учебно-воспитательного процесса.

В исследованиях М.И.Земцовой, И.В.Сироткина, М.А.Крыловой, Л.И.Моргайлик, В.А.Феоктистовой, Б.К.Тупоногова и др. научно обоснованы и определены цели, задачи, средства, содержание и формы коррекционно-воспитательной работы учителя, работающего со слепыми и слабовидящими детьми.

Нас заинтересовал лингвистический аспект коррекционно-воспитательной работы с детьми с нарушением зрения. Как показывает опыт, этот аспект имеет важное значение для практики обучения детей с патологией зрения.

В настоящей статье на основе наблюдений за речевым поведением учителя на уроке, первых выводов лингвистических исследований, обобщения передового опыта учителей МСКОУ СКОШ № 127 г.Челябинска ставится задача обозначить проблемы речевого воздействия в педагогическом общении со слепыми и слабовидящими детьми.

Слабовидящему, а особенно слепому ребенку, всегда нужна помощь учителя в восприятии учебного материала и всего того, что происходит вокруг. Слово для слепого несет огромную информацию, поэтому речевое воздействие в педагогическом общении со слепыми и слабовидящими детьми имеет важное значение. Оно выполняет еще и добавочную функцию-компенсацию слепоты. Коррекционный аспект речевой деятельности появляется там, где сужено чувственное познание, и он призван ликвидировать последствия в психическом развитии. Обедненный чувственный опыт такого ребенка необходимо связать со словом учителя – это неперемное условие познания действительности. В общении со слепыми и слабовидящими детьми коммуникативное лидерство принадлежит учителю. Он в своей работе пользуется своеобразным «языком для специальных целей», так как обслуживает конкретную сферу общения – педагогическое общение со слепыми и слабовидящими детьми. Специальные цели, – в данном случае, компенсация слепоты и слабовидения – побуждают учителя переходить на «специальный язык».

В речевом поведении учителя можно выделить организующие и информативные языковые средства. В начале урока часто звучат из уст учителя фразы-указания, фразы-информации: *«Наведите порядок на рабочем столе: учебник*

справа (слева), перед вами прибор, вставьте тетрадь, возьмите в руки грифель...», «Для сегодняшнего урока необходимы следующие пособия...».

На уроке необходимо несколько раз повторить самое главное, поэтому учитель употребляет в речи фразы-стимулы на повторение, обобщение, воспроизведение, поиск главного: *«Вспомним еще раз о...», «Саша, сделает вывод, а Ирина повторит еще раз», «Найдите в контексте самое главное и подчеркните.»* и др.

Языковые фразы-поводыри помогают учащимся при выполнении самостоятельной работы: *«Я сейчас объясню подробно, что и как нужно делать.»*, *«Запомните порядок выполнения работы: сначала..., потом...»*, *«Делаем, как я...».*

Учителя физики, химии при проведении опыта детализировано описывают место, предупреждают о запахах, звуках: *«Я стою у стола, в руках у меня пробирка. Сейчас вылью содержимое пробирки в колбу, произойдет шипение. Не пугайтесь, это...».*

Таким образом, в результате поисковой работы в речевом поведении учителя, работающего со слепыми и слабовидящими детьми, были выявлены нестандартные языковые формулы. Общение со слепыми и слабовидящими ставит педагога перед необходимостью моделирования коммуникативных ситуаций, изучения речевых условий, способствующих возникновению и активизации вербальной коммуникации.

В данной статье только обозначена проблема, исследование её будет продолжено.

*Ю.А. Толстых
Челябинск*

ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА РЕКЛАМЫ КАК ЗЕРКАЛА ОБЩЕЯЗЫКОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Реклама представляет собой сложнейшее социолингвистическое и лингвopsихологическое явление, которое всё чаще привлекает внимание лингвистов. Одной из актуальных проблем, обсуждаемых, в частности, на страницах французской специальной филологической периодики, является определение сути, природы языка рекламы, а также его соотношения со «стандартным» (нормативным) французским языком и взаимосвязи между ними.

До недавнего времени «язык рекламы» считался неким особенным, самостоятельным жанром письменной речи, допускающим нарушения общезыковых правил. Рекламные тексты исследовали с точки зрения их соответствия лексической, грамматической и синтаксической «норме». Однако реклама, по сути, представляет собой специфический жанр «письменно-устной» речи, отражающий актуальные тенденции в языке. Этот факт объясняется главным образом коммуникативной функцией рекламы.

Лексические особенности «языка рекламы» определяются прежде всего коннотативным фактором, тесно связанным с прагматичностью рекламы как таковой: необходимо максимально точно, ярко, незабываемо обозначить тот или иной предлагаемый потребителю продукт. Поэтому, например, рекламные слоганы изобилуют аргоизмами, неологизмами, англоамериканизмами и пр.

С грамматико-синтаксической точки зрения для языка рекламы характерны следующие особенности:

1) «засилье» определенного артикля или его заменителей-детерминативов (притяжательных или указательных прилагательных), выполняющих, среди прочего, функцию выделения, «подчеркивания» неких «уникальных» продуктов и услуг или их производителей: *Les mélodies qu'on aime*; *Les chaînes Internet de Wanadoo...*; *Votre sommelier Auchan au numéro...* и т.д.;

2) отсутствие предлога (а часто и предлога, и артикля) перед глагольным дополнением, независимо от переходности глагола, что приводит к упразднению внутрифразовых грамматических связей: например, *Achetez Samaritaine!* (вместо *Achetez à la Samaritaine!*), *Volez Air Inter!* (вместо *Volez avec Air Inter!*), *Roulez bus!* (вместо *Roulez en bus!*), *Spécial rentrée* (вместо *Spécial pour (de) la rentrée* и т.д.;

3) тенденция к адъективации существительных-эпитетов (что влечет за собой обилие субстантивированных конструкций): *Fischer a toujours été très Alsacienne*; *Land Rover partenaire des sapeurs-pompiers*; *Le geste plaisir de la journée* и пр.;

4) тенденция к опущению глагола и к обилию номинативных конструкций, напоминающих заголовки: например, *Initial le parfum perle*; *En route vers le dévèloppement*; *Nouvelle Volvo ... Dépassement de routine* и т.д. Как и в разговорно-бытовой речи, в рекламных слоганах преобладают лаконичные, компактные синтаксические конструкции (в частности, эллиптические фразы), отражающие общую тенденцию к языковой экономии;

5) использование в глагольных конструкциях в основном императива (*Bénéficiez immédiatement...*; *Retrouvez toutes les fréquences au...*), инфинитива (*Ne suivre sur le net que...*; *Servir l'authenticité*), формы настоящего (présent), ближайшего будущего (futur immédiat) или простого будущего времени (futur simple): например, *Demain les hommes devront être connectés. Ils le sont déjà; Ça ne va pas faire que des heureux* и т.д.;

6) частное использование телескопических слов (mots-valises) – окказиональных (реже – узуальных) неологизмов, вмещающих в себя словосочетания, а порой и целые фразы, что отражает современную общеязыковую тенденцию к синтетизму: *investissez dans le ski*, *hebdomigrant* (= *hebdomadaire migrateur*), *restoroute* (= *restaurant de route*) и т.д.;

7) изобилие всевозможных каламбуров, фонетико-графических повторов и параллелизмов: *Offrez-vous davantage d'AVANTAGES!*; *Mes grandes marques aux prix démarqués*; *Vittel – la vitalité est en elle*; *Maintenant vous êtes au courant* (рекламный слоган фирмы, предлагающей электросветильники) и т.д. Передка в рекламных слоганах и рифма (*Dior. J'adore.*).

Изучение характерных особенностей рекламного текста дает основания для опровержения тезиса о многоуровневом различии между устным и письменным высказыванием. С одной стороны, язык рекламы отражает общезыковые тенденции (в частности, стремление к языковой экономии, синтетизму и пр.), с другой – язык рекламы не может не влиять на устную речь и даже на «норму».

Можно предположить, что подобным свидетельством единства и взаимопроникновения устной и письменной речи является и язык комиксов.

*И.В. Труфанова
Москва*

ЧТО СЧИТАТЬ КАНОНИЧЕСКОЙ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИЕЙ?

Термин «каноническая речевая ситуация» в современной лингвистике используется как омонимичный. Во-первых, в работе Е.В.Падучевой (1996) неканонической речевой ситуацией провозглашается нарратив, главным признаком которого объявляется отсутствие непосредственного контакта говорящего и слушающего. Нарративу противопоставляется каноническая речевая ситуация, характеризующаяся прежде всего наличием непосредственного контакта говорящего и слушающего. Л.А.Бирюлин (1992) использует термины «каноническая речевая ситуация побуждений» и «каноническая речевая ситуация оптативов». Обязательным компонентом канонической речевой ситуации побуждений, в отличие от оптативов, является слушающий. Еще раньше Н.Д.Арутюнова в статье «Фактор адресата» (1981) подвергла речевые акты исследованию на предмет обязательности/необязательности в составе их канонической речевой ситуации слушающего. Что нового, по сравнению с тем, что было, делаем мы?

Мы доказываем, что наличие/отсутствие находящегося в непосредственном контакте с говорящим слушающего – это еще недостаточная характеристика канонической речевой ситуации какого-либо типа речевого акта. Для ассертивов обязательен не непосредственный, находящийся в состоянии непосредственного контакта с говорящим слушающий, а опосредованный слушающий. Чтобы произвести ассертив, говорящему нужен не находящийся с ним в непосредственном контакте слушающий, а все человечество. Включение в состав канонической речевой ситуации ассертивов опосредованного слушающего требуют механизмы истинности ассертивного высказывания, потому что оценку истинности высказывания производят и говорящий, и слушающий (Свинцов). Наличие у ассертива нескольких оценивающих истинность производимого высказывания субъектов особенно ощутимо в речевых актах заблуждения и лжи, так как в них название речевого действия вербализуется дважды: во-первых, говорящий называет свой речевой акт знанием или предположением, а слушающий квалифицирует его как ложь, заблуждение. Индикатором ассертивного речевого акта является пропозициональное содержание. Говорящий допускает ошибки или лжет. Сигналом ошибки для слушающего является лексема с ролевым значением или

смыслом. Поэтому для слушающего такие слова выполняют роль индикатора речевого акта, а для говорящего они остаются операциями в его речевой деятельности. Для комиссивов обязателен опосредованный наблюдатель, в котором воплощены знания и интуитивные ощущения носителей языка о том, что справедливо, а что несправедливо, интериоризованные моральные законы, нормы и правила. Для части комиссивов обязателен находящийся в непосредственном контакте с говорящим слушающий (для согласия, отказа, обещания, пари, и т.д.); для таких комиссивов, как клятвы и обеты, слушающий, находящийся в непосредственном контакте с говорящим, необязателен. Канонической речевой ситуацией оптативов, эмотивов, речевых актов выражения эмотивно-оценочного отношения является ситуация внутренней речи, поэтому для их осуществления не нужен слушающий, находящийся в непосредственном контакте с говорящим. Речевые акты эмоционального воздействия зачастую нуждаются не только в слушающем, но и в третьих лицах, в аудитории (Гловинская, 1993). Если речевой акт производится в неканонической речевой ситуации, его тип меняется: вопрос – речевой акт (канонической речевой ситуацией является внешняя речь), осуществление которого во внутренней речи переводит его в ассертивный речевой акт незнания; оптативы, выраженные во внешней речи, выполняют функцию побуждений; эмотивы и речевые акты выражения эмотивно-оценочного отношения, будучи осуществлены в присутствии слушающего, находящегося в непосредственном контакте с говорящим, переходят в разряд речевых актов выражения эмоционального воздействия.

Главный вывод, к которому мы приходим – нецелесообразно противопоставление абстрактной канонической речевой ситуации вообще неканонической речевой ситуации вообще, речевая ситуация – это всегда речевая ситуация речевого акта какого-либо типа. Нарратив тоже можно рассматривать как частный вид ассертива и декларатива, как, в частности, это делает Ж.Женетт. Особенность его в том, что автор максимально отказывается от прямого проявления своей индивидуальности и ситуации его создания в своем произведении, а каждый читатель (слушающий) готов занять его авторскую позицию, во всяком случае считает, что лучшего, альтернативного способа выражения данного содержания не существует (Васильева 1980). Нарратив – это речевой акт элементарный, в лингвистике же пока исследуются элементарные речевые акты. По сложным речевым актам имеется только докторская диссертация В.И. Карабана, хотя еще Дж.Р.Серль писал о том, что речевые акты могут быть выражены большим количеством высказываний, а не обязательно одним.

КАТЕГОРИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ

Среди основных уровней психологического воздействия, выделяемых психологами (когнитивный, аффективный, суггестивный и конативный), наибольший интерес для нас представляет аффективный уровень психологического воздействия, целью которого является превращение массива передаваемой информации в систему установок и мотивов получателя обращения. Рекламное сообщение является непосредственным носителем информационного и эмоционального воздействия, оказываемого коммуникатором на получателя.

По способам воздействия рекламное сообщение может быть рациональным и эмоциональным. Рациональная реклама информирует, обращается к разуму потенциального покупателя, приводит аргументы, облекая доводы в словесную форму. Эмоциональная реклама апеллирует к воспоминаниям, затрагивает чувства, эмоции, обращается, таким образом, к подсознательному, так как память человека на эмоциональные образы и состояния является одной из самых прочных.

Эмоциональные мотивы, представленные в рекламных сообщениях, «играют» на желании получателей избавиться от отрицательных и добиться положительных эмоций. Эмоциональная реклама не создает впечатления навязчивости и при этом устанавливает различия между товарами на уровне чувств. Традиционно в эмоциональной рекламе используются сюжеты, создающие положительные эмоции: счастье, любовь, дружба и т.д.

В ходе исследования рекламных текстов (автомобили) нами был выявлен ряд ассоциативных рядов, с помощью которого происходит воздействие на эмоциональную сторону восприятия. Выявление ассоциативных рядов позволяет нам лучше узнать приоритеты тех или иных культурных ценностей, дает возможность понять мир того или иного национально-культурного общества. Реклама – это хороший источник получения информации о другой культуре.

Культурные и социальные стереотипы играют в рекламе важную роль. В качестве примера можно рассмотреть ассоциативный ряд, который мы назвали «ассоциативный ряд значимости». Потребность быть значимым основывается на естественном желании человека находить признание в своем окружении, повысить свой социальный статус, добиться определенного имиджа и т.п. Так, например, в текстах российской рекламы нами были обнаружены такие сочетания, как: «для людей добившихся успеха», «мы производим именно для таких людей», «я получил то, к чему стремился», «завидные способности Z-8 – то, что отличает Вас от этих некоторых», «привыкайте ощущать завистливые взгляды спиной», «уверенность в автомобиле и в себе» и т.д.

Установка на успех, на значимость вытекает из использования внешних

проявлений атрибутов успеха, не меняя внутреннего мира человека. В повседневной жизни установками, связанными с ценностями, зачастую являются те установки, которые люди разделяют со своим референтным кругом (друзьями, пользующимися уважением коллегами, ролевыми предписаниями, любимыми героями и т.д.). Когда установки приобретают социальное значение, мотивация их защиты еще более усиливается, т.е. оказывается, чтобы считаться человеком, который добился успеха в жизни, не нужно ничего особенного делать, а необходимо лишь приобрести автомобиль определенной марки.

Рекламисты стремятся, чтобы человек не оставался один на один с выбором того или иного товара. Они создают и подсказывают человеку мотивацию выбора. И если речь идет, например, о какой-либо марке автомобиля, то именно этот автомобиль оказывается способным решить все проблемы социального плана.

В текстах российской рекламы прослеживается направленность на субъект – «я получил», «я добился успеха» и т.д., в то время как в немецких текстах это выражено не столь ярко, и чаще встречается направленность на объект: «mit überzeugendem Auftritt eines Sondermodells feiern», «Reinschauen macht neidisch – Reinschauen macht stolz», «nicht zu vergessen – mit seinem unverglichenen britischen Stil», «ist ein Meisterwerk italienischer Motorenbauweise» и т.д.

«Ассоциативный ряд значимости» встречается не во всех текстах рекламы, а лишь в тех, что нацелены на определенную целевую группу, в которой торговое предложение будет иметь шансы на успех, т.е. обращение происходит к «социальной элите».

*Е.В. Харченко
Челябинск*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ: ЦЕЛИ И ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ*

Профессиональная речь изучается лингвистами преимущественно с точки зрения лексики. Особое внимание при этом уделяется терминам и профессиональному жаргону, поскольку именно они часто затрудняют общение между специалистами, которое мы рассматриваем как разновидность межкультурных коммуникаций, понимаемых нами широко: не только как общение между представителями разных национальностей, но и между представителями разных культур, таких, как корпоративная, гендерная и так далее.

В настоящее время российский рынок труда претерпевает изменения, связанные с тем, что люди часто вынужденно или запланированно меняют сферу профессиональной деятельности, появляются новые специальности, требующие

* Исследование поддержано РФФИ

особой квалификации. С одной стороны, можно наблюдать интеграцию разных сфер человеческой деятельности, с другой – узкую специализацию. Все это дает богатейший материал для исследования профессиональной речи.

Профессиональная речь может изучаться с разных точек зрения, но особенно, на наш взгляд, перспективно использование психолингвистического подхода, с позиций которого речь рассматривается как особый вид деятельности, пронизывающий все остальные её разновидности (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов и др.). Свой вклад в развитие этого направления внесли также психологи и социологи (Т.Шибутани, Е.А. Климов), которые обратили внимание на особый «образ мира», общий для людей одной профессии и выраженный в первую очередь в языке.

Нами проводилось исследование речи представителей так называемых «коммуникативных профессий», для которых речь является одним из главных инструментов деятельности. Это специалисты сферы торговли и услуг, врачи, преподаватели. Для исследования использовались методы наблюдения, включенного эксперимента, опрос, углубленное интервью, фокус-группа, анкетирование. Данные фиксировались с помощью диктофона и видеокамеры. В результате были выделены шаблонные фразы, используемые в стандартных ситуациях общения. Эти фразы оценивались с точки зрения их эффективности как самими специалистами, так и клиентами (получателями информации).

Некоторые из методов, например, метод незаконченных предложений, позволяют по текстам выявить отдельные характеристики человека, важные для той или иной деятельности, определить проблемные точки и перспективы развития как отдельного сотрудника, так и фирмы в целом.

Изучение профессиональной речи является основой для моделирования эффективного речевого поведения в значимых стереотипных ситуациях, что может быть использовано при работе с персоналом (приём на работу, обучение, составление профессиограмм).

Т.Н. Чугаева
Санкт-Петербург
Т.А. Кокорина
Пермь

СООТНОШЕНИЕ УРОВНЕЙ «СЛОВО – ПРЕДЛОЖЕНИЕ – ТЕКСТ» ПРИ ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

С переходом лингвистики 90-х годов к новому объекту – тексту в теории восприятия – определилась проблема уровневости восприятия и взаимодействия лингвистических уровней восприятия. Это влечет за собой необходимость изу-

чения восприятия речевых единиц разных уровней в лингвистическом, а не в психологическом ключе (Бондарко, 1981) в разных типах контекста.

В данном исследовании изучались и сравнивались между собой механизмы восприятия изолированного английского слова (ИС) и слова в составе предложения (СП) и текста (СТ).

Исследование проводилось в традиции экспериментально-статистической модели восприятия речи по существенным лингвистическим признакам, которая активно разрабатывалась в ЛЭФ ЛГУ Л.Р. Зиндером и А.С. Штерн и их учениками (Зиндер, Штерн, 1972; Штерн, 1990, 1992; Краузе, 1989; Чугаева, 1989 и др.). Такой подход дает возможность выявления механизмов восприятия речевого отрезка любого лингвистического уровня (звук, слог, слово, предложение, текст). Под механизмом понимается набор существенных лингвистических признаков, влияющих на восприятие речи, иерархия факторов и их градаций. Набор признаков, существенно влияющих на восприятие английского слова, например, включает «частотность», «длину», «ударную гласную». Градация понимается как степень интенсивности действия фактора, например, для фактора «длина слова в слогах» градациями являются «односложное», «двусложное», «трехсложное слово» и т.д.

Экспериментальная ситуация сводилась к восприятию на слух английских слов изучающими английский язык на продвинутом этапе; аудиторами были студенты старших курсов языковых факультетов Пермского университета. Примененный к результатам восприятия дисперсионный анализ силы влияний (ДА) позволяет получить статистическое описание этого процесса восприятия. ДА, как известно, основан на исследовании вариации результирующего признака, которым считается частота правильного опознания речевых отрезков; предполагается, что на вариацию оказывают влияние лингвистические признаки.

Экспериментальным материалом были сбалансированные (для корректного применения ДА) словесные таблицы, предложения, в которые были включены слова из таблиц, и специально составленный из тех же слов текст.

Как было выявлено, механизм восприятия слова в разных типах контекста (ИС-СП-СТ) меняется: наблюдается устойчивое положительное влияние развернутого контекста и неоднозначное влияние минимального контекста: слово в предложении опознается как лучше, так и хуже изолированного, что связано с проблемой соотношения уровней «слово-предложение-текст». Как показывают экспериментальные данные, веса факторов слова уменьшаются в предложении и растут в тексте, что подтверждает мнение о значительной опоре на отдельное слово при восприятии текста. Кроме того, механизмы восприятия ИС и СТ более схожи, чем механизмы восприятия ИС и СП, что свидетельствует о большей взаимосвязи уровней слова и текста и меньшей соотнесенности уровней слова и предложения.

ФУНКЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ДЕЛОВОГО ПИСЬМА

Коммуникативно-прагматическая структура делового письма – это его смысловая макроструктура, состоящая из содержания двух типов: информационно-коммуникативного и собственно прагматического. Первый тип содержания эксплицирован в тексте и является коммуникативной программой действий. Второй тип содержания выполняет следующие функции: формирует направленность всего текста, выявляет отношения между отправителем и реципиентом, то есть реализует иллюкутивный потенциал текста с помощью прагматических установок. Под прагматической установкой, вслед за В.Л. Наером, будем понимать осознанное и целенаправленное намерение автора воздействовать на реципиента и добиться определенного эффекта.

Прагмаустановки не являются единицами текста. Они содержат информацию о субъекте воздействия и являются метатекстом по отношению к основному тексту. Основная функция прагмаустановок – формирование, установление и поддержание контакта между участниками коммуникативной ситуации.

В тексте делового письма, регулирующего деятельность международных организаций, комплекс прагмаустановок жестко связан с комплексом соответствующих коммуникативно-смысловых блоков, то есть они имеют фиксированное положение.

Специфика функций прагмаустановок возникает в результате «специализации» функции того или иного текстотипа письма.

На текстовой плоскости прагмаустановки проявляются как система языковых средств разных уровней, объединенных общими функциями.

В тексте делового письма можно выделить следующие функции прагмаустановок:

- формирование структуры прагматического содержания;
- участие в процессе развертывания всего текста;
- оказание влияния на эмоционально-волевую сферу реципиента.

Все эти функции в комплексе и создают прагматический эффект установления и поддержания деловых отношений между субъектом и объектом речевой коммуникации.

Принцип речевой системности предполагает функциональную взаимосвязанность коммуникативных блоков и прагмаустановок в системе целого текста.

Анализ текста международного документа (деловое письмо) позволил выявить следующие смысловые блоки: 1) адресный; 2) интродуктивный; 3) основной; 4) заключительный.

Основной целеустановкой адресного блока является привлечение внима-

ния, инициации делового контакта. Автор (организации) использует для этого графические средства и композиционное решение. Мы считаем, что целеустановкой этого коммуникативного блока является обращение к невербальным средствам общения для достижения необходимого прагматического эффекта.

В соответствии с установкой интродуктивного блока – привлечь внимание к конкретной проблеме – реализуется два типа прагмаустановок: делимитативное и компенсирующее. Делимитативная прагматическая целеустановка выделяет конкретную область из континуума знаний, а компенсирующая обещает восполнение знаний по этому вопросу, активизируя мыслительный процесс адресата в процессе восприятия новой информации.

В основном смысловом блоке автором сообщения формируется конкретная модель ситуации и «навязываются», хотя и в вежливой форме (модальные глаголы, глаголы с семантикой признательности), пути решения проблем. Нам кажется, что основной блок реализует текстоформирующую (выявляется основной смысл текста), прогностическую (предсказываются способы решения рассматриваемого вопроса) и оценочную (явно эксплицируется отношение автора) прагмаустановки.

Целеустановки заключительного блока указывают на наличие текстоформирующей (логическое завершение текста), прогностической (ожидание дальнейшего сотрудничества), оценочной (желание поддерживать контакт в будущем) прагмаустановок, а также установку «обращение к невербальным средствам» (абзацирование смысловых подблоков).

В зависимости от конкретной прагмаустановки характер воздействия может изменяться, из чего следует, что прагматический эффект международного документа (деловое письмо) – величина переменная. Нам кажется, что в международном документе возможно выявление и других коммуникативных блоков и пронизирующих их прагмаустановок, то есть ряды К-блоков и П-установок незамкнуты.

*В.Б. Шеметов
Челябинск*

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД: МЕХАНИЗМЫ И СТРАТЕГИИ

Мы предполагаем рассмотреть следующие вопросы :

1. Специфические особенности устного перевода (УП) по сравнению с переводом письменным (количественный аспект, специфика коммуникативной ситуации, холистический характер УП, заданность извне, анализ на УП, особенности обработки информации).
2. Коммуникация и перевод в рамках институализированных ситуаций. Ситуативные (прагматические) факторы и уровни УП, предметная ситуация. Деятельность переводчика. Комплексный характер ситуации УП.
3. Типология дискурса, релевантного для УП.

4. Фазы устного перевода и применяемые стратегии. Их характер. Стратегии понимаются нами вслед за Кр. Норд и Х. Хенигом и Х. Кусмаулем как глобальный план деятельности переводчика для достижения наиболее оптимальным путем цели перевода. Выбор стратегии осуществляется после анализа переводческого задания и анализа факторов перевода. Стратегии Top-down vs. стратегии Bottom up.

Культурные национально-специфические константы коммуникации и межкультурный дифференциал с точки зрения переводчика. Структурные признаки культуры применительно к русским. Следствия для выбора стратегии перевода.

СЕКЦИЯ 3

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

М.А. Аверина
Челябинск

КОГНИТИВНАЯ РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЮЗОВ В ВЫРАЖЕНИИ ПРИЧИННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Одна из тенденций современного русского языка – развитие аналитизма в выражении синтаксических отношений: стремление четко, логически верно выразить мысль. Расширение круга союзов идет в основном за счет фразеологических процессов. Этот процесс, начавшийся в период раннего средневековья, обозначился в XIX веке и быстро развивается на современном этапе. За счет фразеологических союзов, имеющих большой набор семантических составляющих – от двух до пяти – шести компонентов, расширились языковые возможности выражения разнообразных смысловых отношений в предложении – в высказывании.

Логическая категория причинности и выражение этой категории языковыми средствами возникает на достаточно высокой ступени развития языка и мышления. Широкий круг значений причинных придаточных влечет за собой большой набор союзов. Причинные отношения в системе сложного предложения оформляются лексическими (ибо, благо, поскольку) и фразеологическими союзами (по данным нашей картотеки их 30 языковых единиц, что составляет 10% от собранного материала). Количественное соотношение лексических и фразеологических союзов – 1:10, что свидетельствует о стремлении современного человека однозначно, точно выражать причинные отношения.

В свою очередь фразеологические союзы, выражающие причинные отношения, по семантической структуре неодинаковы. Одни выражают «чистую причину»: *так как, потому что, оттого что, из-за того что, ввиду того что, потому как*. Например:

Конфликт между молодой москвичкой и хозяином квартиры случился из-за того, что последний заподозрил ее в знакомстве якобы со своими врагами.

Московский комсомолец. 2000. 14 сент.

Другие осложнены дополнительными семами. Чаще всего семой следствия, формирующей собственно причинно-следственную связь, отношение основания и вытекающего из него вывода, отношение повода и вызываемого им последствия (*в знак того что, исходя из того что, по той причине что, по причине того что, по тому поводу что, в силу того что, под видом того что, в результате того что, на том основании что*).

Несколько лет назад группа ученых-математиков МГУ обратилась с письмом в Министерство образования РФ в связи с тем, что будто бы происходит «быстрое снижение качества математического образования в школе».

Советская Россия. 2001. 16 янв.

Фразеологический союз *в связи с тем что* присоединяет придаточную часть предложения со значением причины, обуславливающей действие главной части.

Значение причины может быть осложнено семой условия (*по случаю того что, за счет того что, судя потому что, при наличии того что*).

Поток воздуха, набегающий на самолетное крыло, создает подъемную силу, которая удерживает самолет в воздухе. Сила эта появляется за счет того, что потоки, обтекающие крыло сверху и снизу, имеют разную скорость – снизу меньше, сверху больше – а давление в потоке уменьшается с ростом скорости.

С. Транковский // Наука и жизнь. 1992. № 10.

Фразеологический союз *за счет того что* указывает на источник, резерв, с помощью которого совершается действие.

Значение причины может быть осложнено семой цели.

В расчете на то, что удача его не покинет, Петя смело прыгнул со скалы.

Фразеологический союз *в расчете на то что* присоединяет придаточную часть предложения, в которой содержится предполагаемая причина действия главной части.

Сему объекта имеет фразеологический союз *по части оттого что*, тоже оформляющий причинные отношения.

Но скоро, по всей вероятности, будем людьми без национальности в соответствующей графе паспорта, и скоро, наверное, нас, русских, вообще не будет. Дело к тому идет, и очень даже быстро.

А отчего? По части оттого, что Гусинский и его империя «Лидия», и его НТВ «промывают мозги в России русским, а не в Израиле» (кстати, там, наверное, ему не позволили бы так нагло катить бочку на президента, страну, народ).

В. Латыпов. Всех нас, братья, обокрали // Сов. Россия. 2000. 15 июля. С.4.

Усиливать значение причины может сема градации (фразеологический союз – *тем более что*).

Читателю и обществу в целом нужны ориентиры в современном книжном мире, тем более что традиционно занимавшаяся оценкой литературы

литературная критика в 90-е годы заметно снизила активность или оказалась не востребованной литературной периодикой.

Фразеологический союз *тем более что* указывает на дополнительный и существенный довод.

Таким образом, причинные отношения, выражаемые фразеологическими союзами, могут быть осложнены семантикой следствия, условия, цели, объекта, градации. Это стало возможно, так как данные союзы образованы на базе фразеологических предлогов, содержат в качестве компонента имена, которые и вносят добавочную сему. Связь между фразеологическим союзом и фразеологическим предлогом свидетельствует о сложности мышления современного человека, о стремлении точно оформить причинные отношения.

По данным нашей картотеки в 300 яз. ед., 5000 употреблений, среди которых 30 яз. ед. в 545 употреблениях – фразеологические союзы причины. Особенно продуктивны в современном русском языке древнейшие фразеологические союзы *потому что* (34% употребления от собранного материала), *так как* (39% употребления), образованные на базе местоимений и наречий. За ними следуют фразеологические союзы, которые образованы на базе фразеологических предлогов (20% употребления). Древнейшие фразеологические союзы, оформляющие причинные отношения, межстилевые. Фразеологические же союзы, образованные на базе фразеологических предлогов, в основном употребительны в книжной литературной речи, что свидетельствует о высоком уровне образованности русских людей. Так в выражении причинных отношений проявляется когнитивная роль фразеологических союзов.

*С.Д. Алпатова
Москва*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ КАК ЭСТЕТИЧЕСКОГО ЗНАКА

Аналогия ФЕ с эстетическим знаком уже проводилась в работах современных лингвистов. Внимание учёных (Канюка, Солодуб и др.) привлекало их формальное сходство: стереотипность, способность как бы в застывшей стёртой форме передавать идеи, образы, эмоции. При этом «материально» это выражалось в аналогичности, грамматической или лексической несоединимости компонентов ФЕ, т.е. «безответном пренебрежении» грамматикой или логикой языка (Смит).

В сущности эти «материальные» аномалии не более чем крошечные дефекты, очарование которых сравнимо с очарованием дефектов в произведениях искусства или ремесла, когда сохраняется ощущение используемого материала, который неохотно уступает навязанной ему форме, сохраняя при этом некоторые элементы, самобытные по своей текстуре, свойствам и жизни (Смит).

Именно о таком «неуступчивом» материале можно говорить, анализируя

компоненты *six* и *last dog*, ФЕ to knock smb/smith for six, to trade last, go to the dog, которые своеобразно «намекают» на этимологию этих ФЕ.

Однако, создавая своеобразную надстройку над общезыковым, нормативным синтаксисом, аномалии ФЕ только совершенствуют языковую форму. И если представить весь процесс создания ФЕ во временной последовательности «начало-середина-конец», то её материальная форма, очевидно, тяготеет к конечному этапу. Первопричину фразеологического знака, если продолжать его аналогию с эстетическим знаком (символом), следует искать в мироощущении его создателя, то есть в идее, концептуальной схеме, лежащей в основе ФЕ. Не случайно формирование полевых свойств ФЕ осуществляется на концептуальном, а не на формальном уровне (ср.: *blue Peter, blue beens, bury the hatchet, dig up the hatchet* – с одной стороны, и *hit the hay, hit the high spots, hit the town* – с другой).

Идея, замысел творца формирует промежуточный этап эстетического знака, его «внутренний образ». Внутренний образ – это не репродукция уже готовой реалии, но это и не сам объективный мир или форма объективной реалии. Это то, что способствует вхождению знака (символа) в человеческий мир значения, что определяет его ценность (Кассирер). Поэтому основное назначение эстетического знака – «конденсировать», «интенсифицировать», «конкретизировать» и т. д., и чистые мыслительные формы «гештальты» (Кассирер).

То же можно сказать и о ФЕ. Её внутренняя форма – это и способ организации значения ФЕ (Телия), способ соединения и усиления смыслов (лексическая переходность, экспрессивность), а также её употребления (Телия), распознавания (объективация познавательной ценности). В последнем случае на примерах ФЕ особенно отчётливо проявляется свойство языка быть не только инструментом для передачи значений, но и фактором, определяющим эти значения. С их помощью становится «видимым» не только прагматический выбор соединяемых смыслов, но и то, как в них выкристаллизовываются частицы жизненного опыта, традиций, истории и культуры этноса.

*Е.Б. Берг
Екатеринбург*

О СОЦИОСЕМАНТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на примере лексики хореографии)

Предметом нашего рассмотрения является хореографическая лексика русского литературного языка, заимствованная социальными диалектами русского языка и получившая дальнейшее семантическое развитие.

Словари социальных диалектов фиксируют следующие лексемы, относящиеся к этой тематической группе:

большой вальс (обыск), *дамен* (*дамский*) *вальс* (разрешенный администрацией ИТУ в качестве поощрения за трудовые успехи половой акт между заклю-

ченными – мужчиной и женщиной), *летка-енка* (1-групповое половое сношение; 2- компания проституток или гомосексуалистов), *плясать чечетку* (доносить, выдавать), *пляска смерти* (1-смесь водки с табачным пеплом; 2- смесь водки с глазными каплями), *танцевать с машикой* (натирать пол мастикой), *танцплощадка* (строевой плац в воинской части), *танцуй!* (беги!), *хоровод* (1- групповое половое сношение гомосексуалистов; 2- воровская группа, семья), *хороводить* (состоять в преступной группе; подговорить прислугу в доме на воровство), *хороводный* (член воровской группы), *чардаш* (венгр), *японское танго* (1-картежная игра; 2- один из способов разрешения конфликтов у блатных (нападением вооруженных ножами противников друг на друга с завязанными глазами).

Все перечисленные слова и словосочетания, относящиеся к хореографической лексике русского литературного языка, либо просто переосмысляются в соответствии со спецификой жаргона, либо получают дополнительный контекст и, соответственно, иное значение.

Главный вопрос, возникающий при обращении к таким лексемам, – являются ли они переосмыслением единиц литературного языка, используя в качестве метафоризации расхожих слов, или взяты произвольно, случайно, обретая новые, ничем не похожие на исходные, значения в иной разновидности национального языка.

Использование лексики хореографии литературного языка в контексте социальных диалектов диктуется, главным образом, потребностями лагерно-блатного жаргона. Исключение составляют два терминологических выражения, представляющие порождения одной из разновидностей молодежного жаргона – жаргона солдатского. Это *танцевать с машикой* – «натирать пол мастикой» и *танцплощадка* – «строевой плац». Здесь не может быть и речи о случайности выбора единиц литературного языка, ведь данные примеры – метафоры расхожих слов и выражений – иллюстрируют закономерное игнорирование реалий солдатской жизни и ностальгическое обращение к жизни гражданской, своего рода, не лишённое иронии преобразование действительности хотя бы на языковом уровне.

Из 15 рассмотренных единиц 6 представляют собой названия танцев русского литературного языка, 3 из них – названия танцев в чистом виде (*летка-енка*, *хоровод*, *чардаш*), остальные 3 – с дополнительными определениями (*большой вальс*, *домен (дамский) вальс*, *японское танго*). За исключением слова *чардаш*, все названия танцев обозначают явления жизни преступного мира. Принимая во внимание, что все приведенные названия русского литературного языка являются наиболее активно употребляемыми, можно говорить о закономерном выборе перечисленных названий для нужд жаргона. Прозрачно и основание их метафоризации, подчеркиваемое и подтверждаемое дополнительными определениями (*большой вальс* и *дамский вальс*). В выражении же *японское танго* подвергается метафоре не столько само название танца, сколько весь комплекс – широко известный набор танцевальных движений испанского происхождения с определением «японский» – установка на нечто парадоксальное, и более того, абсурдное, противоестественное.

Что касается использования стоящего за пределами рассмотренной группы метафор названия *чардаш* – «венгр», то оно также спровоцировано достаточно активным употреблением в русском литературном языке. Не утраченное по сей день осознание происхождения этого слова (заимствование из венгерского языка) объясняет метафору.

Интересен факт, что термин *хоровод*, обладающий большой словообразовательной активностью в русском литературном языке (как, впрочем, и в территориальных диалектах русского языка), сохраняет ее и в новом контексте социальных диалектов, дериваты этого термина номинируют в жаргонах как взаимосвязанные явления.

Таким образом, подробное рассмотрение хореографических терминов литературного языка, встречающихся в социальных жаргонах, позволяет сделать вывод о строгих закономерностях в выборе, переосмыслении и функционировании литературно-языковых единиц в составе другой разновидности русского языка – социальных диалектах.

Е.В. Великанова
Челябинск

КОГНИТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ОТВЛЕЧЕННОСТИ ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Любой языковой единице соответствует логическая и языковая категоризация. Категориальное значение – это обобщенное, абстрактное значение, накладывающееся на конкретное лексическое значение слова.

Логическая категоризация предполагает свойство, качество, действие предмета.

Языковая категоризация тесно связана с определенным классом определенной части речи: у существительного с родом, числом, падежом; у глагола с лицом, залогом, временем. Поскольку логическая категоризация не жестко связана с какой-либо одной языковой формой, это дает нам возможность утверждать, что отвлеченное понятие лежит в основе категориальных значений разных частей речи.

Отвлеченное значение присутствует у каждой части речи. Категориальное значение глагола обозначает процесс, прилагательного – признак. Категориальное значение существительного выражается предметностью.

Принято выделять лексико-грамматические разряды существительных: конкретные (*книга, стол*) и отвлеченные (*знание, мучение, борьба*)

Отвлеченные существительные имеют определенные признаки:

- 1) чаще всего у них единственное число;
- 2) суффиксы отвличности (-ениј, -ниј, -тель, -ств, -аниј) (*вышивание, застывание, сведение, глубина*);
- 3) не связаны с именами собственными.

Факты свидетельствуют о том, что большой отряд существительных отвлеченных образуется от глаголов. Гл. *бороться* – *борьба*, сущ. отвлеченное, процесс передается как предмет. Гл. *дружить* – *дружба*, сущ. отвлеченное, обозначает процесс чувствования.

Таким образом, существительное – центральный класс, который может передавать отвлеченное значение. Отвлеченность – это способность передавать действие, признак, количество как предмет в форме существительного. Отвлеченность обозначает понятие в форме существительного и связано с развитием абстрактного мышления человека.

Отвлеченность ярко выражена у классов предметных фразеологизмов. Такие предметные фразеологизмы по этапам формирования отвлеченности могут быть разделены на 3 группы:

- фразеологизмы с грамматически главным компонентом, который содержит отвлеченное существительное (*ирония судьбы, положение дел, точка зрения*);

- образование отвлеченности во фразеологизме происходит благодаря деривационным отношениям, в результате которых процессуальные фразеологизмы приобретают категориальное значение предметности («*вышивание гладью*» от «*вышивать гладью*», «*затягивание поясов*» от «*затягивать пояс*», «*переливание из пустого в порожнее*» от «*переливать из пустого в порожнее*»). Предметные фразеологизмы, образованные от процессуальных, дают имя процессу. Фразеологизм «*выкручивание рук*» имеет значение «*принуждения к деятельности*», «*закручивание гаек*» – «*повышение требований к кому-либо*». В предметных фразеологизмах грамматически главные компоненты семантически качественно преобразовались, оформив отвлеченное понятие («*виляние хвостом*» – «*использование хитрости*», «*блуждание в потемках*» – «*плохое понимание чего-либо*»).

- образование отвлеченности в предметном фразеологизме связано с грамматически главным компонентом, которым является конкретное существительное вне фразеологизма. Во фразеологизме *круглый стол* сема отвлеченности появляется тогда, когда конкретная сема «*мебели*» утрачивается, а сема «*обсуждения*» становится ядром отвлеченного значения; во фразеологизме *столбовая дорога* сема «*направления в развитии*» становится ядром отвлеченности.

Предметные фразеологизмы с отвлеченным понятием представляют собой сложную структуру и образуют различные семантические группы и разряды.

Таким образом, отвлеченность прежде всего сосредоточена в предметных фразеологизмах. Формируется эта категория на базе процессуальных и предметных фразеологизмов производных и непроизводных, а также от фразеологизмов, грамматически главным компонентом которого является конкретное существительное вне фразеологизма.

ПОНЯТИЕ «МНОГОЗНАЧНОСТЬ» В РАМКАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Естественный язык представляет собой знаковую систему, отличительной чертой которой является асимметрия языкового знака, проявляющаяся в отсутствии полного соответствия между означающим и означаемым, между планом содержания и планом выражения (С.Карцевский).

В лингвистической литературе асимметрия плана выражения и плана содержания обозначается терминами «полисемия» или «многозначность», «омонимия», «амбигуэнтность». Указанные термины применяются для описания многозначности на разных уровнях языковой системы.

Существующие в лингвистической литературе определения полисемии в принципе похожи. Под многозначностью (полисемией) понимается свойство одного слова (лексемы) иметь одновременно несколько значений (семем), образующих сложное семантическое единство. В плане выражения полизначное слово представляет собой единство одного значения (лексемы), а в плане содержания – двух или нескольких значений (семем), связанных наличием общих семантических признаков (Ю.Д.Апресян, А.А.Реформатский и др.).

Проблема описания полисемии всегда затрагивает проблему описания омонимии.

Омонимией обычно называют совпадение разных по значению слов, абсолютно тождественных в звуковом, орфографическом и грамматическом оформлении, но семантически не связанных друг с другом (О.С.Ахманова, В.В.Виноградов, Ю.С.Маслов, Д.Н.Шмелев и др.).

Следовательно, омонимы представляют собой самостоятельные слова, не связанные между собой понятийно-семантической связью, характерной для разных значений многозначного слова. Сходство между многозначностью и омонимией заключается в том, что в обоих случаях одна и та же внешняя языковая форма связана с разными значениями, однако при полисемии эти значения семантически связаны друг с другом, а при омонимии у этих значений семантическая связь отсутствует.

В зарубежной лингвистической литературе для обозначения многозначности наиболее часто употребляется термин «амбигуэнтность» (двузначность), которая определяется зарубежными учеными как свойство выражений естественного языка, которым присущи несколько интерпретаций как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях (H.Bußmann, Q.Zhang, D.Foss/D.Hakes).

В зависимости от того, основывается ли амбигуэнтность на употреблении лексем или синтаксических структур, различают лексическую амбигуэнтность (lexical ambiguity): «Tommy found a bat in the attic» (Foss/Hakes) – и синтаксическую или структурную амбигуэнтность (surface structure ambiguity): «Flying planes can be dangerous» (Zhang).

Основным различием между понятиями «амбигуэнтность» и «многозначность» является лишь количество предполагаемых осмыслений одной и той же языковой единицы.

Итак, полисемия языковых единиц представляет собой лингвистическую универсалию, отражающую фундаментальные свойства языка и основанную на асимметрии двух сторон языкового знака.

*В.В. Дёмичева
Белгород*

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ФЕМИНАТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Одной из особенностей развития лингвистики второй половины XX века является признание необходимости возврата к рассмотрению истории литературного языка в тесной связи с историей развития общества. В этой связи часто предметом лингвистического исследования становится категория агентивности, включающая лексемы различных генетических пластов. Класс наименований лица позволяет исследовать язык в связи с общими условиями его функционирования, а лингвистика всегда обращает внимание на язык в обществе.

Категория агентивности, как известно, включает наименования лиц мужского пола, или агентивы, и наименования лиц женского пола, или феминативы.

Комплексный подход к исследованию феминативов предполагает их тематическую классификацию. Опираясь на классификации, предложенные в работах Ф.П. Филина, Д.С. Шмелёва, Н. И Мигириной, Ю.С. Сорокина, Г.А. Пуцягина, Т.Н. Бредихиной, мы предлагаем выделить следующие группы феминативов, бытовавших в русском языке XVIII века:

1) название лица женского пола по возрасту: *девка зрелых лет, девица, девушка, девочка, девчонка, молодница, молодка, молодуха, отроковица, старуха* и другие;

2) характеристика женщины по социальной принадлежности: *баронесса, боярыня, виконтесса, герцогиня, графиня, дворянка, княгиня, крестьянка, маркиза* и другие;

3) название лица по отношению к форме общественного сознания: *баптистка, еретичка, католичка, лютеранка, язычница* и другие;

4) название лица по брачным отношениям: *безмужняя, безвестная, бобылка, вдовица, второбрачная, жена, матёрая вдова, любовница, мужатая, невеста, сожительница, супруга* и другие. К этой же группе мы относим и наименования женщин по профессии или должности мужа: *аптекариша, воеводиша, генеральшиа, гофмейстершиа, дьяконица, капральшиа, майориша, поручица* и им подобные.

В конце XVIII века у некоторых слов данной группы развивается второе значение – наименование лица по профессии, например: *директориша*: а) жена

директора; б) женщина – директор; *библиотекариша*: а) жена библиотекаря; б) женщина, работающая в библиотеке.

5) наименование женщины по родственным отношениям (кровное и юридическое родство): *бабушка, внучка, дочка, крестница, мать, мачеха, матушка, племянница, правнучка, свекровь, сестра, сноха* и другие;

б) название лица по национальной принадлежности: *албанка, агарянка, англичанка, американка, гречанка, еврейка, жидовка, итальянка, россиянка, турчанка, француженка, шведка* и другие;

7) характеристика лица по отношению к другим людям и связям с другими людьми: *благожелательница, доброхотка, единоемка, единовременница, заступница, землячка, недоброжелательница, односельчанка, приятельница, противница, сопутница, соперница, соседка, хозяйка* и другие;

8) феминативы – названия лица по внутреннему качеству: *авантюристка, амурица, болтунья, брейка, вертопрашка, ветреница, верхоглядка, волочайка, двурушница, досадительница, завистница, кокетка, лгунья, насмешница, острячка, ябедница* и другие;

9) наименования, указывающие на внешние физические особенности: *брюхатая, великаниша, горбунья, гнусарья, калека, карлица, короткоручка, мигунья, толстуха, уродка, хромоножка* и другие;

10) название лица по месту жительства: *горожанка, жилица, иноземка, поселанка, новгородка, псковка, селянка, чужеземка* и другие;

11) название лица по профессии и роду занятий: *акушерка, артистка, белошвейка, бельемя, бритовица, букетчица, блинница, блондочница, ветошница, веношница, вольнодомка, ворожея, вяза, галуница, гладильщица, горничная, гувернантка, дворовая служанка, директорша, дошльщица, докторша, домостроительница, домохозяйка, досмотрщица, жнея, заводчица, кастрольщица, ключница, кормилица, коровница, кружевница, курятница, металка, начальница, невестокрасительница, обымательница, огородница, перестирицица, повариха, поломойка, прачка, прислужница, прядильщица, резалка, рудобойка, сенная девушка, служанка, торговка, швея, экономка* и другие;

12) наименования, связанные с придворной жизнью и жизнью царственных особ: *августейшая супруга, ближние барышни, великая княгиня, верховные боярыни, государыня, дама, статс-дама, императрица, королева, монархиня, первая камеристка, принцесса крови, фаворитка, фрейлина* и другие.

Особо выделяется группа феминативов, выступающих в русском языке XVIII века в качестве устойчивого обращения к женщине в устной и письменной речи. Выбор форм обращения зависел от трёх факторов: 1) от социального положения женщины; 2) степени родства её с говорящим; 3) эмоциональной настроенности участников разговора. Поэтому в языке указанного периода встречаем, с одной стороны, *милостивая княжна, милостивая государыня, ваше сиятельство*; а с другой стороны – *свет мой, любезная матушка, мой ангел, душа моя*.

Безусловно, данная тематическая классификация не исключает пересечения групп. Так, слово *баба*, во-первых, указывает на принадлежность лица к

женскому полу, во-вторых, им называют замужнюю женщину низшего сословия, в-третьих, оно именует женщину по родственным (в значении «бабушка») и брачным отношениям (в значении «жена»). Таких феминативов достаточно много, например: *жена, царица, королева, хозяйка, графиня, герцогиня, княгиня, маркиза, дворянка, аптекарша, библиотечарша* и другие. Это связано с определённым набором представленных в феминативах сем.

*Ю.А. Дудина
Челябинск*

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРИВЕТСТВИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Приветствие как важная часть межличностного общения является рутинным, повседневым речевым актом. Большая часть формул приветствия семантически пуста, их прагматическая функция состоит в том, что они действуют в определенном социальном контексте как сигналы: человек узнает, что его приветствуют, и реагирует ответной репликой.

Приветствие – иллокутивный акт, который с помощью определенных формул маркирует начало и конец коммуникативного акта. Приветствие реализуется в «эхо»-формулах: за приветствием следует ответная реплика, как правило, являющаяся ее дословным повторением (А: «Guten Tag!»- В: «Guten Tag!»).

Приветствие характеризуется максимальной степенью стереотипности. Оба партнера используют одни и те же речевые формулы, соответствующие коммуникативной ситуации и социокультурным факторам.

В немецком языке существует постоянный репертуар приветствий, используемых при встрече и прощании. Число вербальных вариантов ограничено, поскольку не все формулы приветствия имеют одинаковое значение и взаимозаменяемы. Выбор вербальных форм приветствия определяется следующими факторами:

1. Время встречи.
2. Количество говорящих: речевой акт приветствия носит исключительно диалогический характер.
3. Перспектива приветствия: выбор формулы зависит от того, является она приветствием при встрече или прощании.

Вид общения между коммуникантами зависит также от следующих социокультурных факторов:

- дистанция между партнерами (знакомые/незнакомые, родственники, друзья и т. д.);
- иерархия в обществе;
- социальное происхождение (сельские или городские жители, принадлежность к социальному слою);
- региональное происхождение (общение на диалекте);

- пол и возраст партнеров;
- тип контакта (фамильярный, профессиональный, нейтрально- официальный и т. д.).

К наиболее распространенным общеупотребительным вербальным формам приветствия относятся: 1) Guten Morgen! Morgen! Moin! 2) Guten Tag! Tag! Tachchen! Tach! Tagchen! 3) Grü Gott! 4) Grü dich/euch! 5) Hallo! Hallochen! Hallochen! Hi! 6) Kü u die Hand! 7) Mahlzeit! 8) Sei/ seid gegrü t! 9) Servus! 10) Willkommen! Herzlich willkommen!

Вербальный акт приветствия тесно связан с сопровождающими его невербальными элементами. Без них словесное приветствие выглядит слишком формальным, легковесным и дистанцирующим.

Невербальные приветствия делятся на приветствия на расстоянии и контактные. К приветствиям на расстоянии относятся мимические (приветствие глазами, улыбка) и жестовые формы (поклон, взмах рукой). Эти виды *приветствия* используются в том случае, когда партнеры находятся на большом расстоянии друг от друга и вербальное *приветствие* невозможно. В таких случаях в приветствии участвуют и глаза, и губы, и рука. Подобные приветствия возможны только между хорошо знакомыми людьми. Такой тип приветствия, как поклон в настоящее время используется крайне редко, считается устаревшей дистанцирующей формой, так как степень наклона головы в прежние времена выражал различия в социальном статусе между партнерами.

Взмах рукой является типичным приветствием для многих культур, может использоваться как хорошо, так и малознакомыми людьми для привлечения внимания.

Контактные невербальные приветствия включают такие формы телесного соприкосновения, как рукопожатие, поцелуй руки, объятия, поцелуй в щеку, похлопывание по плечу. Контактные формы *приветствия* используются в разных культурах по-разному. Адекватное их употребление способствует созданию атмосферы вежливости и устраняет непонимание в первой фазе общения.

Рукопожатие имеет в немецкой культуре давние традиции. Сила и продолжительность пожатия выражают сердечность по отношению к партнеру. В отличие от России, где рукопожатия используются только мужчинами, в Германии они приняты и между женщинами.

Поцелуй руки в обеих странах используется редко, как правило, в определенной социальной и возрастной среде.

Объятия и поцелуи в щеку более распространены в России, чем в Германии в общении между женщинами или близкими родственниками в ситуации встречи после долгой разлуки и выражения любви и радости. Немцы полагают, что подобные проявления нежности выражают принадлежность к определенной группе, проявление особой симпатии и принятие в некий узкий круг.

Похлопывание по плечу используется только в общении между мужчинами, находящимися в тесных дружеских или профессиональных отношениях. Эта форма контактного приветствия распространена в обеих странах. По сравне-

нию с объятиями похлопывание по плечу является более дистанцирующим приветствием, но свидетельствует о высокой степени доверия между партнерами. В последнее время в Германии все ощутимее тенденция открытого, естественного и непринужденного выражения приветствия. Особенно заметна она в молодежной студенческой среде.

Знание культурно-специфических способов поведения очень важно, так как ошибки в их употреблении удивляют, а иногда шокируют партнера.

*Л.В. Житникова
Челябинск*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИМПЛИКАЦИЯ АПЕЛЛЯТИВОВ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗВИЩ АМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ

Культура дает особое имя всем явлениям и предметам своего культурного космоса. Культура народа, несомненно, находит проявление в языке. Язык демонстрирует особенности членения окружающей действительности и категоризации объектов данным культурным сообществом.

Во всех языках присутствует безэквивалентная лексика, которая включает в основном обозначение специфических явлений местной культуры.

Национально-культурные особенности проявляются в коннотативном аспекте значения слов, в их внутренней форме.

С позиций лингвострановедения берутся во внимание и фоновые знания членов определенной языковой общности, которые становятся неотъемлемой частью при изучении национально-культурного компонента в семантике и ономастологии (И.К.Белодед, С.В.Перкас).

Базируясь на кумулятивной функции языка, культурологические знания составляют объект лингвострановедения, то есть наряду с обучением языку ведется одновременное знакомство с элементами культуры народа, когда язык выступает как часть культуры (В.Г.Костомаров, Е.М.Верецагин, В.В.Морковкин).

Согласно культурологической традиции, семантизация топонимов США основана на их актуальности в массовом обыденном сознании носителей языка.

Иногда названия штатов делят: 1) на связанные с наименованием племен (индийского происхождения); 2) связанные с названием местностей (индейское Kentucky, трансплантированное New Hampshire, образованные на базе европейских языков – Vermont, Nevada); 3) искусственные, образованные по латинским образцам типа Montana, Pennsylvania; 4) названия, образования от рек (Colorado, Connecticut, Minnesota, Mississippi, Nebraska, Ohio, Oregon, Wisconsin); 5) имеющие в основе имена выдающихся личностей: the Land of Lincoln «страна Линкольна», the Land of Roger Willams «земля Роджера Уильямса» (И.С.Михайлова).

Своеобразной чертой американской топонимики является широкое употребление неофициальных названий наряду с официальными в быту, в прессе, в

художественной литературе. Так, каждый штат имеет несколько прозвищ, одно из которых обычно рекламного характера и может быть использовано в качестве официального, вполне узаконенного апеллятива. Обычно апеллятив дается в лингвострановедческих словарях и справочниках вместе с официальным девизом штата, его флагом, анималистской и вегетативной символикой.

Многие прозвища в значительной степени могут выполнять непосредственную номинативную функцию топонима, то есть служить иным обозначением штата, например: о штате Индиана говорят: *The Crossroads of America* – «перекресток Америки», о штате Южная Каролина – *The Keystone of the South Atlantic Seaboard* – «ключ от Южно-Атлантического побережья», о штате Вирджиния – *Old Dominion* – «старый доминион».

Отбор и систематизация наименований проводилась на материале топонимов-штатов США, извлеченных из разнообразных лексикографических и научных источников. Анализу подверглись яркие культурные компоненты – названия штатов, их официальные наименования и неофициальные апеллятивы.

Прозвища американских штатов, отражающих специфику природно-географической среды, их роль в хозяйственно-экономическом и историческом развитии, этнокультурные особенности населения, объединяют более 200 апеллятивов. Из них более половины относятся к самой большой по численности группе – *природные* апеллятивы (географические особенности, климат, рельеф, гидронимы, связи с растительным и животным миром, – размеры, расположение). На втором месте – *экономические* апеллятивы (хозяйственные, промышленные названия, наименования сельскохозяйственных реалий). И третья группа, *этнокультурные* апеллятивы, отражает историческую и этнокультурную спецификацию наименований. К ним относятся прозвища штатов, связанные с этническим составом населения, например: *The Apache State* – «штат апачей», шутовское прозвище штата Аризона, на территории которого раньше жили индейцы племени апачей. К ассоциациям, которые вызывает прозвище того или иного штата в массовом быденном сознании американцев, следует отнести особенности нравов и обычаев их населения. Имеются прозвища шутивно-иронического или презрительно-пренебрежительного характера. Следует отметить, что причины, порождающие те или иные названия, в основном, являются историческими и, как правило, они образны и эмоционально окрашены.

Так, *The Guinea Pig State* – «штат морских свинок» или «подопытных кроликов» – презрительное прозвище штата Арканзас, жители которого, отчаявшись преодолеть безысходную нужду, согласились стать экспериментальной базой федерального правительства.

The Sucker State – «штат простаков, простофиль» – презрительное прозвище штата Иллинойс и его жителей, которые стали жертвой обмана спекулянтов землей во времена колонизации штата.

Таким образом, лингвосемантический анализ топонимов США способствовал более глубокому пониманию значений прозвищ, выявлению их положительных и отрицательных коннотаций, а также определению этнокультурной специфики американских апеллятивов.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ПРИНЦИП СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ (на материале процессуальных фразеологических единиц поля «порицать» во французском языке)

В последние десятилетия XX столетия в лингвистике в качестве одной из задач ставится изучение языковых единиц как системы. Принцип группового анализа лексики, объединенной общностью семантики, в ее системной обусловленности впервые был выдвинут в отечественном языкознании М. М. Покровским и продолжен А. А. Потемной, И. А. Бодуэном де Куртенэ, а за рубежом – М. Бреалем, Ф. де Соссюром, Г. Паулем и др.

Положение о том, что язык представляет собой систему, было сформулировано Ф. де Соссюром в его «Курсе общей лингвистики», опубликованном в 1913 году. Ф. де Соссюр утверждал, что «... великим заблуждением является взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием, Определить его так, значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит...» (Кунин). В целом, ученый, рассматривая язык как систему знаков, подчеркивал строгую взаимозависимость элементов языка.

В своей работе по семасиологии «Семасиологические исследования в области древних языков» М. М. Покровский исходил из того, что «история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним, и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений», под которыми он понимал сферы производственной и социальной жизни общества. М.М. Покровский использовал принцип ассоциации слов, сходных или противоположных по своему значению, выдвинутый М. Бреалем. Он подчеркивал, что «слова и их значения живут не отдельно друг от друга, но соединяются ... независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению».

В современной лингвистике принцип группового рассмотрения языковых единиц получил дальнейшее развитие в теории семантического поля. В настоящее время можно говорить о полевого подходе как о важнейшем и в достаточной мере оформившемся направлении современной лингвистической науки. Полевой подход к смысловой структуре слова и значению позволяет значительно расширить представления об объеме семантики слова и происходящих в нем процессах.

Для нашей работы важна и проблема выделения собственно фразеологических полей, например, фразеосемантическое поле «порицать», представленное процессуальными ФЕ французского языка.

Вслед за А. М. Чепасовой, процессуальный фразеологизм (или ФЕ) мы оп-

ределяем как фразеологизм (или ФЕ), который обозначает любое действие, состояние, изменение как процесс.

Объективным критерием выделения данного фразеосемантического поля является, на наш взгляд, семантический дифференциальный признак, входящий как один из компонентов в семантическую структуру ФЕ. Таким общим семантическим дифференциальным признаком явилась сема «отрицательной оценки объекта», которая, в свою очередь, опирается на семы «наведение порядка», «активное воздействие субъекта на объект». Данный семантический признак является ведущим семантическим признаком:

servir une aillade a qn (ФРФС, 402 : 38) – разг. задать жару кому-либо

le couler bas (ФРФС, 251 : 104) – разг. очернить кого-либо, испортить чью-либо репутацию

lacher (lancer) des brocards a qn (ФРФС, 1729 : 173) – разг. издеваться, насмехаться, осыпать насмешками кого-либо

donner sur les doigts a qn (LIF, 23 : 126) – reprimander, chatier qn

faire des gorges chaudes (LIF, 47 : 209) – se moquer de qn ouvertement

jeter a qn quelque chose au nez – la lui reprocher en face

(LIF, 10 : 311)

dire des sottises a qn (LIF, 73 : 427) – lui dire des injures (= injurier qn) и многие другие.

Сема «объектной направленности» выделена у всех ФЕ поля «Порицать», т.к. они соотносятся, в основном, с характеристикой объекта, которым всегда является одушевленное лицо, что хорошо видно из следующего примера:

Il les aimait, il s’y interessait; il etait en respect devant eux. Le vieux compte de Grammont en abusait et vengeait la cour par *les brocards qu’il lui lachait*, a tout propos... (Saint Simon, La Cour de Louis XIV).

Герцог Лозен их любил, уважал их и принимал их участие. Старый граф де Граммонт этим злоупотреблял и мстил Лозену за всех придворных *ядовитыми насмешками*, которыми он его *осытал* при всяком удобном случае...

После соответствующего преобразования словарных дефиниций и установления глаголов-идентификаторов проводилась процедура распределения ФЕ по фразеосемантическим группам: *blamer, reprimander, reprocher, se moquer, injurier*.

Фразеосемантические группы рассматриваются нами как подсистемы в самом семантическом поле «порицать». Системные отношения в парадигматике в поле между ФЕ выражаются в их синонимии, т.к. сходство значений является доминирующим свойством ФЕ, включаемых в поле. А также ФЕ данного поля анализируются и с позиции антонимии.

Все это показывает, что фразеологическое поле представляет собой определенную систему, единицы которой взаимосвязаны и находятся между собой в определенных отношениях (синонимия, антонимия). Данное поле, рассматриваемое как особый тип семантических полей, является еще одним доказательством системного характера фразеологического состава языка. Метод поля в плане изучения семантики ФЕ в их синхронном сопоставлении представляет наиболее перспективные данные.

место (это так называемая инвертируемая метафора), а субъекты, которые могут быть им охарактеризованы, на второе.

Диафорическая метафора представлена дистрибутивными формулами:

N (flower) V (be) A: «Her leading *flower* was *dead*» (Rainbow: 361).

N (flower) V (be) N: «The perfect *rose* is only a running *flame* ... and never static, finished» (Essays: 287).

с

N V (be) N (flower): «The Moon was a golden *petal*» (Works: 164). N (flower) of с, h, a с h

N, где N – конкретные предметы и явления, N – антропоморфные сущности, а

N – абстрактные сущности.

N of N (flower) Pools of blue-bells.

Синестезия рождается благодаря состоянию или соположению слов разной категориальной принадлежности, в первичной номинации относящихся к разным сенсорным (чувственным) сферам.

Синестетические комплексы, в прозе и поэзии Лоренса, передают синкретичное восприятие мира (свето- и цвето-звуковые, цветотактильное, обонятельно-световое и т.д.).

«There was a *cool scent* of ivory roses – a *white, virgin scent*» (Sons: 198).

Благодаря метафоре в самых различных ее концептуальных и структурно-семантических вариациях (эпифорической, диафорической, персонифицирующей, синестетической метафоре) Лоренс сливает воедино мир человека и мир природы, две формы бытия.

*Д.В. Колючкин
Челябинск*

РАЗМЫТОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Говоря о поэзии как о специфической форме речи, направленной на выполнение особой функции коммуникации, мы говорим, что специфичность этой функции заключается в особом типе отношений, который устанавливается между элементами системы.

Одна из особенностей таких отношений – их размытость.

С точки зрения семантики, размытость появляется во фразе, если она содержит один или несколько предикатов, интенция которых может быть объяснена лишь частично, что ведет к неоднозначности определения соответствующего объема понятия. О размытости можно говорить в том случае, если правильное употребление слова или выражения приводит к возникновению противоречия на семантическом уровне. Такое объяснение сводится к невозможности установления однозначных связей между вербальными репрезентациями и элементами действительности, которые они обозначают.

С точки зрения прагматики, размытость может возникнуть только в процессе коммуникации и вне ее невозможна. Автор оформляет свою мысль в виде высказывания. Затем читатель мысленно интерпретирует данное высказывание в первоначальную мысль. Размытость – это и есть разница между самой мыслью, ее вербальным оформлением и читательской интерпретацией. И мысль и высказывание первоначально имеют общие логические и контекстуальные импликации. Интерпретация, будучи процедурой сравнения мысли и ее вербального оформления, позволяет читателю сформировать собственный круг предположений об авторских интенциях и интерпретировать их либо как желаемое или существующее положение вещей, либо как идею или мысль. Таким образом, размытостью характеризуется большинство высказываний, что, однако, не является помехой для коммуникации. Скорее наоборот – с позиций когнитивистики это одна из самых экономичных форм коммуникации. Что касается буквальной передачи мысли, то она становится скорее второстепенной, а не главенствующей.

Размытость реализуется на логическом уровне репрезентации. Если на психологическом уровне у автора и слушателя предъявляются разные условия удовлетворения (имеются в виду запросы и ожидания автора и читателя), то мы можем говорить о несовместимости. Под термином «несовместимость» мы подразумеваем круг авторских и читательских интенций, некоторые из которых противоречат друг другу.

Следует отметить, что большое количество интерпретаций поэтического текста, для которого характерна высокая степень размытости, несколько не подрывает когезию стиха. Напротив, размытость ведет к более прочной связности поэтического текста.

Таким образом, говоря о размытости образов, следует говорить не о стилистических особенностях конкретного поэта, а скорее о поэтике и поэтической речи в общем. Размытость создает необходимые условия для передачи связи между поэтом и его действительностью читателю, образуя таким образом новую связь – между читателем и действительностью поэта.

А.Р. Копачева
Челябинск

К ПРОБЛЕМЕ ВЕРБАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ЦВЕТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Восприятие цветового пространства отражается и структурируется в языке. Учитывая, что различные семантические системы детерминированы действительностью, можно предположить, что вербализация цветовых ощущений в языке должна иметь общие черты:

- принцип словесного обозначения цветовых ощущений;
- отказ от традиционного понимания этого пространства, т.е. видимого

спектра пространства (цветового континуума) как трехмерного непрерывного множества;

- априорное свойство спектра – его непрерывность;
- семантическое поле цвета – одно из тех многих полей языка, которому не соответствует заранее расчлененный референт в действительности;
- физическая сущность цвета, которая является функцией света.

В каждом языке существуют единичные названия для цветов, выделяемых из цветового пространства и представляемых в виде отдельных элементов.

Наличие в языке наименований для единичных хроматических и ахроматических цветов позволяет говорить об отражении в этих наименованиях представления о цветовом пространстве как о дискретном множестве. В других названиях представлена тенденция изобразить цветовое множество как непрерывное. Речь идет о цветовых терминах, обозначающих доминирующий цвет с указанием оттенка: русск.: серебристо-белый, пепельно-серый.

Таким образом, мы приходим к выводу, что, с одной стороны, существует объективное цветовое пространство, навязывающее языку основной принцип его вербального членения, с другой – названия цвета, свидетельствующие о стремлении человека сознательно разграничить это пространство, разбить его на некоторые элементы, называемые цветами.

Количество этих элементов ни в одном языке не является ни равным, ни постоянным, так же как интервалы между элементами в любом отдельно взятом участке спектра. В языке эти единицы фиксируются как отдельные обозначения, отражающие бинарную природу цветового пространства в виде названий единичных цветов и оттенков цвета.

Язык фиксирует отдельные элементы цветового континуума в виде цветообозначения. При неограниченном количестве цветов в спектре (понимая возможность разбавления их белым) количество этих цветов и цветовых обозначений в языке не может соответствовать друг другу.

Процесс вербализации цветовых ощущений имеет дело с тремя компонентами, находящимися в сложном взаимодействии: действительностью, сознанием и языком.

Присвоение реального спектра человеческим мышлением осуществимо, в основном, в виде словесно оформленных единиц. Эти единицы оформляются в соответствии с нормами данного конкретного языка, чем частично и объясняется различие в способе формирования цветообозначения в разных языках. Однако язык, являясь орудием познания, не может навязывать собственной организующей функции. Дробление хроматического пространства на отдельные мелкие элементы происходит с помощью языка, который служит орудием человеческого мышления при освоении этого пространства.

Принцип вербального членения цветового множества опирается на связь с объективной действительностью. Эта связь часто является опосредованной, условной, осложненной факторами языкового, социального или психического характера, именно она предопределяет различия в семантических системах цвета

в разных языках при одном и том же физическом субстрате – цветовом пространстве, которое отражается во всех языках.

Расхождения в этих системах отражают сложность объективного цветового пространства, важность отдельных цветовых ощущений для народа – носителя языка, а также свидетельствуют о фиксации в этом языке возможных ошибок процесса познания.

*О.А. Кузнецова
Нижний Новгород*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Существует три основных вида семантических трансформаций в поэтическом тексте:

- 1) семантическое осложнение («приращение смысла»);
- 2) развитие контекстуальной синонимии / антонимии, а также акцентирование и «наведение» как типы воздействия контекста;
- 3) метафорический перенос на базе образного переосмысления значения слова.

Кроме того, следует учитывать фоновую семантику слова – всю совокупность ассоциаций, связанных для носителей языка с данным словом, общих для говорящего и для слушающих.

Семантическое осложнение – это одновременная актуализация нескольких семантических пластов, находящихся во взаимодействии. В поэтическом тексте может быть одновременно представлен ряд как буквального, так и переносного смысла.

Считается, что полисемия – факт языка, а не факт речи: как правило, в каждом данном фрагменте речи каждое данное слово реализует лишь одно из своих значений в виде конкретного смысла. Однако поэтическая речь не подчиняется этой закономерности. В поэтической речи слово может реализовать несколько своих значений одновременно. Следствием семантического осложнения является контекстуальная многозначность. Форма, выступающая в поэтической речи в переносной функции, не утрачивает в то же время первичную функцию.

Развитие частичной *контекстуальной синонимии / антонимии* также осложняет значение слова в поэтическом тексте. Окказиональные синонимы и антонимы возникают в речи благодаря семной модификации.

В поэтическом тексте контекст приобретает особую важность. Проводя компонентный анализ слов в тексте, необходимо постоянно ориентироваться на контекст, учитывать взаимодействие слов, так как содержание слов трансформируется в ходе их взаимного приспособления друг к другу в рамках общего смысла фразы.

Механизм воздействия контекста сводится к двум типам:

1) акцентирование, усиление отдельных сем, в том числе и периферийных, и потенциальных;

2) «наведение» (термин И.А. Стернина) – включение в смысл слова отдельных компонентов, не свойственных его значению, но присутствующих в качестве актуализированных в смыслах других слов (Э.В. Кузнецова).

Еще один характерный для поэтического текста процесс – *развитие переносных значений на базе метафорического переноса* (переноса по сходству внешних или внутренних признаков). Переносное значение всегда характеризуется семантической двуплановостью, а также образностью, наличием оценочного компонента (А.Н. Шрамм). Слово в таком значении не только называет предмет или явление, но и живописует его. Метафорическое значение возникает на базе семантических потенциалов слова, позволяющих устанавливать между двумя (или более) словами смысловую связь, отражающую неявные, скрытые связи предметов или явлений в мире денотатов (Р.В. Туркина), и характеризуется необычностью лексических связей, которые могут логически не соответствовать связям между предметами или явлениями реальной действительности.

Еще один фактор, который необходимо учитывать при анализе семантических функций слов в поэтическом тексте, – *фондовая семантика* слов. Под фоновой семантикой понимаются представления о реалии, присущие носителям языка той или иной культуры или эпохи, не закрепленные в словарной дефиниции (определение В.В. Виноградова).

При семантическом анализе возникают субъективные трудности: наличие собственного фона ассоциаций не позволяет с уверенностью сказать, присутствует ли определенный оттенок значения в данном слове или он возникает при восприятии.

Таким образом, в поэтическом тексте смысл лексем подвергается различным трансформациям. Семантические трансформации могут проявляться путем одновременной актуализации различных сем, усиления или ослабления каких-то компонентов значения под воздействием контекстуальных партнеров и даже включения в смысл слова новых компонентов, отсутствующих в его семантической структуре.

В поэзии особое значение имеет взаимодействие между всеми элементами структуры стиха (особенности фонетической организации текста, например, звукопись, интонация; лексическая семантика, особенности синтаксиса, ритм и так далее). Анализ и описание семантических трансформаций в поэзии может помочь более полно интерпретировать поэтический текст. Для минимизации субъективности представляется возможным проведение экспериментов по выявлению особенностей восприятия поэтического текста разными читателями.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ЧАСТИЦ, ВКЛЮЧАЮЩИХ КОМПОНЕНТ-ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Класс фразеологизмов-частиц, постоянно развивающийся и пополняющийся, широко представлен в современном русском языке. Это морфологические неизменяемые цельные в семантическом, грамматическом, фонетическом отношении единицы.

По данным нашей картотеки, 8 фразеологизмов-частиц включают в свой состав компонент-прилагательное, например : *в общей сложности, по большей части, по крайней мере, ровным счетом.*

Фразеологизмы-частицы, включающие компонент-прилагательное, организованы по следующим моделям : сочетаний слов (*более чем, тем более*), аналога словосочетания (*в общей сложности, по большей части, по крайней мере, ровным счетом*), аналога предложения (*все равно, более или менее*).

Имена прилагательные, становясь компонентами фразеологизмов-частиц, утрачивают категориальное значение призначности, выступают в фиксированной форме рода, числа, падежа.

По данным нашей картотеки, в состав фразеологических частиц входят только качественные прилагательные – *общий, больший, крайний, меньший, ровный*; и в сравнительной степени – *более, менее.*

Например, компонент-прилагательное *более*, входя в состав фразеологизмов-частиц *более чем, более или менее, тем более*, выступает в фиксированной форме сравнительной степени. Становясь компонентом фразеологических частиц, *более* утрачивает лексические значения, актуализируя сему «степень» в значениях описываемых единиц.

Далеко не все на Западе относятся к ним [преобразованиям] с пониманием и тем более разделяют (Комс. правда. 1989. 22 апр.). *Идя на экзамен, я более или менее знал произведения, которые нужно было прочитать, кроме «Красного и черного» Стендаля* (Е.Ильин. Путь к ученику). *В РСФСР, например, с начала года число действующих кооперативов выросло более чем в 2,2 раза* (Комс. правда. 1988. 6 дек.).

Более или менее знал – указание на среднюю степень проявления действия; *более чем в 2,2 раза* – указание на высокую степень проявления количества; *тем более разделяют* – усиление, повышение степени проявления действия, обозначенного глаголом *разделяют*.

Шесть фразеологизмов-частиц, включающих компонент прилагательное, относятся к семантической группе выделительно-ограничительных частиц (*более или менее, более чем, в общей сложности, по большей части, по крайней мере, по меньшей мере*).

Приведенные фразеологические единицы находятся непосредственно перед тем словом, которое выделяют и значение которого ограничивают, «придавая ему большую выразительность и убедительность. Они играют роль своеобразных качественных показателей смыслового веса слов или высказывания в целом» (В.В.Виноградов).

- *Нет, батюшка Павел Дмитриевич, и думать нечего! По крайней мере в настоящую минуту* (И.Горбунов. Петр Петрович). *Китайская грамота была изобретена по меньшей мере четыре, а не три тысячи лет, как считалось до недавних пор* (Челяб. рабочий. 1997. 13 нояб.). *Что же происходит за 20 секунд в гаражном строительстве? А ровным счетом ничего* (Правда. 1984. 19 дек.). *Различаются они, пожалуй, только одним: более или менее лояльным отношением к властям и ведомствам* (Комс. правда. 1989. 22 сент.).

Выделительно-ограничительные частицы сочетаются со словами разных частей речи, служат для выражения выделительно-ограничительного значения предмета, признака, количества, действия.

Среди описываемых единиц выделительно-ограничительной семантики есть такие частицы, в которых выходит на первый план сема ограничения: *по меньшей мере, по крайней мере, по большей части*. Компоненты-прилагательные *меньший, крайний, больший* актуализируют во фразеологизме-частице сему ограничения, поэтому вышеназванные фразеологизмы служат для выражения значения ограничения того слова, при котором находятся.

Ольга Васильевна на четырехактный балет всегда заготавливала по меньшей мере четыре пары туфель (А.Солодовников. О. Лепешинская).

Две единицы – *все равно, тем более* – относятся к группе смысловых различительных (усилительных) фразеологизмов-частиц. Они усиливают значение того слова, перед или после которого находятся.

Никогда у них не было недоразумений, тем более обид друг на друга (В.Быков. Знак беды). *Но он (Жуковский) все равно любил ее (Протасову) так же* (А.Кузнецова. Долли).

Произведенный анализ показал: 1) в структуру фразеологизмов-частиц входят имена прилагательные; 2) имена прилагательные, становясь компонентом фразеологических частиц, актуализируют семы своих лексических значений, выступают в фиксированной форме рода, числа, падежа; 3) исследованные фразеологизмы относятся к семантическим группам выделительно-ограничительных и смысловых различительных (указательных) частиц.

*А.В. Макурова
Челябинск*

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ АРГОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Человеческая речь стимулируется и сопровождается эмоцией, то есть всякая речь по природе своей эмоциональна. Речевой акт отражает эмоцию, которая идет в дополнение к интеллектуальному содержанию, либо выступает как

основное содержание речи, преобладая над ним. Данный феномен можно проследить на примере французского «арго», эмоциональный фон которого выдвигает на первый план именно экспрессивную функцию языка. Потенциально-экспрессивная лексика несет в себе элемент оценки, и эмоциональная оценочность как компонент мысли толкает людей на употребление образных выражений, таких как фразеологизмы, метафоры, метонимии, литоты, гиперболы. Данные стилистические приемы могут иметь положительную и отрицательную окраску, в зависимости от их употребления в той или иной ситуации. Это можно наглядно продемонстрировать в следующей таблице:

Стилистические приемы	Положительная окраска	Отрицательная окраска
Фразеологические выражения	faire de l'air (досл.) иметь легкую походку; плыть	marcher entre paranthèses (досл.) ковылять; иметь кривые ноги
Метафоры	agates (<i>m, pl</i>) (досл.) агаты; сияющие глаза	phares (<i>m, pl</i>) (досл.) фары; глаза
Метонимии	jus (<i>m</i>) (досл.) сок; спиртное, выпивка	vinasse (<i>f</i>) (досл.) бодряга; спиртное
Литоты	roulette (<i>f</i>) (досл.) курочка; лапочка	epluchette (<i>f</i>) (досл.) старая проститутка; женщина легкого поведения
Гиперболы	sorbonne (<i>f</i>) (досл.) Сорбонна; умная голова	bobine (<i>f</i>) (досл.) бобина; большая голова

Оценочный компонент в данных выражениях обязан лексическому значению слова, для этого достаточно сравнить их со словарным толкованием, например: «avoir une Sorbonne» – быть умным. Все подобные арготические выражения в силу своей образности и обусловленной ею экспрессивности представляются говорящему более сильными, энергичными, чем простые, не мотивированные слова, выражающие те же понятия. Так речевая деятельность человека (даже сугубо интеллектуальная), стимулируемая потребностями личности, протекает на определенном эмоциональном фоне и сопровождается и поддерживается эмоцией до тех пор, пока речевое действие не завершено. Эмоция стремится преодолеть знаковость языка, придавая речевым единицам языка «арго» особую индивидуальность.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ СЛОВ ПУТЕМ РЕДУПЛИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема словообразования является одной из центральных проблем современного языкознания. Однако некоторые ее стороны еще не получили должного освещения. Представляется недостаточно изученным в современном английском языке способ образования слов в результате полного или частичного удвоения звукового состава слова, который принято называть редупликацией.

Целью настоящей работы является определение морфологических, фонологических и семантических характеристик слов, образованных редупликацией, их эмоционально-оценочного потенциала, особенностей функционирования в различных стилях речи и продуктивности данного способа словообразования.

Источник исследуемого материала – словари современного английского языка и художественные произведения современных английских и американских писателей.

Результаты анализа позволили сделать следующие выводы:

1) определенную группу слов, образованных редупликацией, представляют слова-звукоподражания (живой природе: *bow-wow*, *gee-gee*, *quack-quack*, *grunt-grunt* и др., и звукам, издаваемым неживой природой и различными предметами: *drip-drop*, *clip-clop*, *crick-crack*, *ding-dong* и др.). Частотность слов-звукоподражаний живой природе в художественных произведениях и разговорной речи в силу специфики их значений низка: их употребление в основном ограничено сказками для детей и специфическими ситуациями. Другая звукоподражательная лексика используется несколько чаще. Обе группы характеризуются высокой эмоциональной экспрессивностью, оценочное же значение проявляется редко и в основном зависит от контекста;

2) подавляющая часть слов, образованных редупликацией, не являются звукоподражаниями и обозначают предметы и явления окружающей действительности, действия, характеристики, качества (*put-put*, *gibble-gabble*, *hoity-toity*, *fal-lal*, *cherry-merry*, *dumdum*, *hodge-podge* и др.);

3) морфологический и деривационный анализ показал, что полная редупликация (*boo-boo*, *jaw-jaw*, *buddy-buddy* и др.) встречается значительно реже, чем частичная, создаваемая посредством аллитерации, рифмы, ритма (*super-duper*, *loosy-goosy*, *culture-vulture*, *rag-tag* и др.). Данные слова чаще всего представляют полное или частичное удвоение непроемной основы, односложной (*blah-blah*, *knick-knack* и др.) или двусложной (*hurly-burly*, *argy-bargy* и др.). Количество по отнесённости к различным частям речи слова, образованные редупликацией, выстраиваются в следующий ряд: имена существительные, глаголы (чаще всего образованные конверсией от имен существительных), имена прилагательные и довольно малочисленные группы междометий и наречий;

4) семантический и стилистический анализ показал, что в большинстве случаев мотивированным является только один компонент слова (*ribble-rabble, hubble-bubble, dingle-dangle, gibble-gabble* и др.), реже немотивированы оба компонента (*higgledy-piggledy, hoi-polloi, hugger-mugger* и др.), довольно редко оба компонента мотивированы (*flip-flop, bibble-babble* и др.) или их значение основано на метафоризации значений одного или обоих компонентов (*cherry-merry, mud-bud, boob-tube, handy-andy* и др.). Таким образом, в большинстве случаев семантическая структура слов в достаточной мере прозрачна.

Слова, образованные редупликацией, отличаются яркой эмоциональной экспрессивностью и зачастую содержат отчетливый компонент оценочного значения: пренебрежительного (*chee-chee, namby-pamby, rag-bag* и др.), неодобрительного (*culture-vulture, dilly-dally, hobnob*, и др.), шутивно-насмешливого (*hotsytotsy, blankety-blank, fender-bender* и др.), одобрительно-восторженного (*hubba-hubba, super-duper* и др.). За редким исключением (*murmur, wigwag, humdrum, ping-pong* и др.) слова, образованные редупликацией, стилистически маркированы, их употребление ограничено сферой разговорного стиля, жаргона, слэнга а также они встречаются в субстандартной лексике.

Кроме зафиксированных в словарях узуальных единиц, в художественной литературе широко наблюдается авторское словотворчество способом редупликации (оказиональные слова или *nonce-words*): *stickly-prickly, patchy-blatchy, tusky-musky, lippety-lappety* и др. (R.Kipling «Just So Stories»), *taxi-waxi, honky-tonk, goody-goods* и др. (J.L.Herlihy «Midnight Cowboy») – и множество других, что может свидетельствовать о повышении продуктивности этого способа словообразования в современном английском языке.

*Н.В. Монгилева
Костанай*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В психолингвистическом подходе к проблеме языкового значения можно выделить две тенденции: структурный подход и функциональный подход.

В структурном подходе к значению можно отнести следующие аспекты: проблемы значения слова и компонентов этого значения и проблемы значения сочетания слов в предложении, когда не само «слово» является единицей языкового анализа, а то, как осуществляется передача эксплицитного значения. Для этого необходим денотативный анализ значения слов, чтобы выделить параметры, которые могут служить характеристиками всех слов человеческого языка. Денотативным параметрам противопоставляются коннотативные компоненты значения. Согласно И.В.Арнольд, их выделяется четыре типа: эмоциональные, оценочные, экспрессивные, стилистические.

Чтобы предсказать, какие термины будут психологически «ближе» друг к

другу, применим компонентный анализ, позволяющий выявить глубинные дифференциальные семантические признаки системы терминов. Компонентный анализ может отражать когнитивные отношения в том смысле, что чем больше общих компонентов имеют какие-нибудь два термина для индивида, тем более сходными будут реакции на них. Существует понятие «ассоциативное значение слова», то есть значение, представленное набором слов-реакций на данное слово-стимул. Если два слова обладают одинаковой дистрибуцией ассоциативных реакций, считается, что их ассоциативные значения совпадают. Но в действительности, слова имеют лишь частично совпадающие наборы ассоциаций, и близость ассоциативных значений двух слов может быть измерена исходя из частично совпадающих дистрибуций-ассоциаций, вызванных этими словами. Например, группировка и противопоставление являются наиболее важными отношениями слов. В результате исследований понятия группировки появилась возможность классифицировать слова в семантические поля, что позволяет установить в них уровни связанности значений слов.

Подход к значению как к процессу понимается как определение тех опосредующих процессов, которые в сознании человека соединяют слова и вещи. Все бихевиористские теории определяют значение, исходя из предметного наименования: 1) не все слова являются наименованием вещей; 2) природа называемых «вещей» не всегда дается нам непосредственно в опыте; 3) слова-наименования не всегда имеют один референт и 4) значение меняется в зависимости от контекста речи.

В каждом референциальном процессе имеются три компонента: знак, мысль и референт. Существуют связи между знаком и мыслью, а также между мыслью и референтом. Но связь между знаком и референтом никогда не бывает непосредственной: эта связь существует в сознании человека. Психологический процесс, происходящий при соотнесении человеком знака и референта, называется по-разному – «мысль» (Дж. Слобин), «образ» (Локк, Титченер), «предрасположение» (Чарльз Моррис), «реакция» (Джон Б. Уотсон), «частичная реакция» (Чарльз Осгуд), но все эти названия отображают специфику происходящего в голове человека. Значение связано с определенными операциями. Знаки оказывают влияние на человеческую деятельность. Это обнажает активные, операциональные, поведенческие аспекты значения.

Проблема уникальности значения слова (то есть уникальности образа, или реакции, или чего-то еще, что связано с данным словом) особенно сложна для решения потому, что различные значения одного и того же слова могут вообще не иметь ни одного общего знаменателя. Особую важность явлению множественности значения придает следующий факт: чем чаще слово употребляется, тем больше, как правило, оно имеет значений. Язык – система широкого функционирования. Действующий принцип экономии, сформулированный А. Мартине, не мог не распространиться на возможности запоминания условной семантики. В языке наблюдается явная тенденция к мотивировке знаков. Одна из них – фонетическая мотивировка – означает, что каждый звук не только четко осознан,

но и имеет свою символику (нежный, грубый и т.д.). Звуковая оболочка слова или его символическое значение играет большую роль. Поддержка условного значения символическим делает слово более устойчивым, жизнеспособным, активным.

Итак, в таком контексте значение слова представляет собой не совокупность статичных компонентов, а процесс соотнесения идентифицируемой слово-формы с некой совокупностью продуктов переработки индивидуального и социального предшествующего опыта. Коннотативный компонент значения является равноправным компонентом семантической структуры слова. Можно представить структуру значения слова в виде динамической смысловой системы, представляющей собой единство аффективных и интеллектуальных процессов.

*М.В. Никитин
Челябинск*

ИСТОРИЯ ТЕРМИНА «ГОРОДСКАЯ ЛЕГЕНДА»

Проблема терминологии в области «городских легенд» является весьма сложной и вызывает многочисленные споры и обсуждения.

Термин «новые городские легенды» получил широкое распространение в результате работ Я. Х. Бранванда. Дискуссия по поводу подходящего термина, который предполагает, что легенды – новые, и поэтому оторваны от ранней традиции, и городские, и поэтому отличные от своих деревенских аналогов, велась во всех журналах мира.

После публикации работы Я.Х. Бранванда *The Vanishing Hitchhiker* в 1981 году эти легенды стали широко изучаться. Ученые из Европы и Северной Америки участвовали в разработке нового подхода к этой размытой, кажущейся бесформенной традиции. Подобные рассказы называют «городскими» или «новыми легендами», несмотря на то, что место действия не ограничивается лишь городом, а в форме и содержании нет ничего нового.

В то же время, так как в легендах повествуется о событиях, которые «только что произошли», или об угрозах, которые недавно появились, термин «современная легенда» был бы более подходящим. Изучение «городских легенд» возрастает. В 1983 году П. Смит организовал семинар в Университете Шеффилда о «Перспективах современной легенды», и такие семинары стали ежегодными, а в 1988 году было образовано Международное Общество Исследования Современных Легенд.

Одни ученые рассматривают «новую городскую легенду» в качестве обособившегося жанра. К примеру, Д. Барнс утверждает, что «постоянно присутствующее желание переопределить роли драматических персонажей – злодеев, жертв, героев – ... в конце концов, делает городскую легенду совершенно отличной от большинства других форм традиционных повествований». Г. А. Файн также настаивает на пригодности термина, указывая, что слово «городской» не является

географическим определителем, а служит ссылкой на социопсихологические условия. Д. Смит говорит об уникальности жанра, выделяя манеру повествования в качестве определяющей черты и рассматривая «новую городскую легенду» как форму повествования, которая часто рассказывается с определенной степенью повествовательной беспристрастности.

Другие ученые говорят о том, что термин «новая городская легенда» употребляется неверно и является лишь ненужным дополнением к уже разросшейся терминологии фольклорных жанров. Данная группа предпочитает наименование «современная легенда», определяя, таким образом, повествования согласно их временному статусу в устной традиции. Материалы конференций в Шеффилде, публикующиеся под рубрикой «Перспективы современной легенды», содержат общие положения ученых в терминологическом споре.

Н. Вильямс, попытавшийся дать характеристику современной легенде, заметил, что «то, что мы принимаем за отдельный жанр, на самом деле не отличается от традиционных легенд, за исключением нашего собственного отношения как участников культуры в их распространении». Попытка объединения различных точек зрения состоит в принятии «новой городской легенды» в качестве «размытого жанра», содержащей элементы не только легенды, но и истории личного опыта. Эту позицию поддерживал Ч. Беннет. Также заслуживает внимания рассуждение Ж. Симпсон о том, что «современная легенда» есть «ловкая трансформация старых деревенских мотивов о сверхъестественном в современные, городские рационализованные формы».

У. Вольф-Кнутс предложила считать эти легенды «мигрирующими». Она сравнила определение «новой городской легенды», данное Я. Х. Бранвандом, с определением легенды, данным Б. Клинтбергом, и выделила общие части: «обе образуют часть общей традиции, стараются предоставить более или менее истинную информацию и распространяются устно или через массовую коммуникацию». Предлагая использование термина «мигрирующая легенда», она отмечает, что «новая городская легенда и мигрирующая легенда распространяются вертикально из поколения в поколение в течение сотен лет, и горизонтально из страны в страну через огромные географические площади». Рассмотрению «новой городской легенды» в качестве изолированного выражения определенного времени эти ученые предпочитают рассмотрение «современной легенды» как части продолжающейся традиции. В случае эффективного снятия различий, отделяющих «новую городскую легенду» от легенды в целом, может быть достигнута широкая, всеобъемлющая характеристика жанра. Подобная характеристика, в свою очередь, должна помочь в понимании функции легенды в широком социальном контексте. Определение функции повествовательной традиции как части макроконтеста было названо Г. А. Файном целью «третьей степени важности в американском фольклоре».

Я.Х. Бранвандт считал, что сам термин «городской» является первой проблемой, так как многие из историй современны, не являясь обязательно городскими. На самом деле, пригород как место, где происходят «городские легенды», встречается гораздо чаще.

Во-вторых, возможно, «легенда» не самый точный термин, так как некоторое количество этих повествований рассказывается как простые непроверенные сюжеты (слухи), а не сюжетные повествования, в которые верят (предполагается, что вера является признаком легенды). Предлагаемые замены термину «городской» – современный, юношеский и коммерческий. Но тем не менее «городские легенды» наиболее общеупотребительное название для обозначения подобного типа народных историй.

Проблема терминологии связана также и с названиями, приписываемыми отдельным легендам. Произвольное название типа «Целый кадиллак цемента» предполагает, что история является статичным целым с определенным содержанием, в то время как на самом деле это расплывчатое устное повествование, которое всегда изменяется различными рассказчиками, реконструируясь на основе традиционных мотивов.

*А.С. Ныпадымка
Киев*

АФОРИСТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.ДРУНИНОЙ

Тяготение к афористичности выражения характерно для философски насыщенных, решающих важные проблемы жизни произведений Юлии Друниной. Афористическая формула в творчестве Ю. Друниной – это способ индивидуально-образного мышления поэтессы о мире, обусловленный позицией автора, ее мировидением и, как правило, соотносимый с философским обобщением.

В произведениях Друниной у ключевого концепта «*боль*» в контексте авторского мировидения порождаются новые значения, определяемые культурно-историческим сознанием, менталитетом, конкретным мироощущением автора. В пределах семантической структуры концепта всегда представлено сжатие огромной информации – универсальной, и индивидуально-авторской, обновленной. Подтверждением этого может послужить афористичная формула из триптиха Друниной «Польнь»:

Чернобыль, Чернобыль –
Вселенская боль!

В этой поэтической формуле – идейно-тематический ключ произведения. С его помощью раскрывается эмоционально-содержательная сущность триптиха: трагедия, произошедшая в украинском городе, переживается здравомыслящими людьми во всем мире. Это горечь и слезы о погибших людях. Это ужас перед судьбой облученного поколения. Это стыд за нелюдей-чиновников и правительство, умолчавших о глобальности катастрофы. Эта беда – предупреждение всей вселенной о грозящей смертоносной силе атома и ядерного оружия.

Авторский текстовый афоризм есть семантическая формула идиостилия Ю. Дру-

ниной, формула реализации речевой личности. Эта формула может представлять собой тропеическое высказывание в пределах сверхфразового единства.

Я прощаюсь с тобою –
Придумкой своею.
Боль на мельнице воли,
Словно пепел, развею.

На тропеичность указывают парадоксальные сопряжения лексем в составе формулы. «Именно необычная сочетаемость отражает сущностную характеристику интерпретируемых автором реалий» (С.Ю.Лаврова). Сочетание «боль...-развею» показывает соположение денотатов никак не связанных, поскольку представлены лексемы разных семантических полей: «развеять» можно в значении «разнести, унести в разные стороны; заставить разлететься» (от ветра, движения воздуха); «боль» в переносном значении понимается как «сильное огорчение, досада, вызванные тяжелыми нравственными переживаниями, неудачами». Представить боль как переживание, которое способен развеять ветер, возможно только при метафоро-метонимическом переносе. Тем более, что далее указывается способ уничтожения «на мельнице...развею». Используемое сравнение «словно пепел» помогает ключевому концепту *боль* приобрести индивидуально-авторскую трактовку. Пепел, прах – вот что осталось от любви. Борьба за эту любовь, мольбы и обращения героини к герою оказались напрасными. Нет ни сердца, ни души, ни сострадания. «Придумка моя» – такой характеристикой-оценкой надежд автор героя. Для героини же остается только один выход: от страданий и боли поможет избавиться только воля. Контекст произведения высвечивает в афористичной формуле смысл, который вкладывает сам автор: *боль* – «страдание» нравственное и физическое. Это новое индивидуально-авторское значение ключевого слова «*боль*» в поэзии Ю.Друниной.

Произведения Ю.Друниной, взятые в совокупности и отражающие действительность в соответствии с особенностями ее восприятия, служат материалом для реконструкции поэтической картины мира поэтессы. Один из способов постижения художественного мира Друниной представляет собой концентрацию авторской мысли с помощью афористических формул, в которых семантическая информация становится неотделимой от эстетической.

*Н.М. Перельгут
Нижневартовск*

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ

Курс британской и американской литературы весьма бедно представлен произведениями современных английских и американских авторов 80 – 90-х гг. Литературные произведения авторов конца XX в. соответственно не использу-

ются и на практических занятиях языком при различных видах чтения. Между тем среди них есть выдающиеся писатели, которые, несомненно, вошли в классику литературы, и знакомство с их произведениями специалистов-филологов должно составить неотъемлемую часть гуманитарного образования. Так, очевидно, что произведения таких авторов, как Джон Ле Каррэ, Том Вулф, Билл Брайсон, Тони Моррисон могли бы войти в программы высшей школы по англоязычной литературе.

Повести и рассказы современных британских и американских авторов могут служить материалом не только литературоведческого, лингвистического анализа, но и богатым источником сведений по многообразной культуре современных США и Великобритании.

Следует отметить, что литература этих стран весьма разнообразна не только в жанровом отношении, но и по своему национальному колориту. По справедливому замечанию писательницы и преподавателя Шеффилдского университета Джейн Роджерс, характеризовать современную британскую литературу «значит пытаться одновременно описывать всех животных зоопарка, что практически невозможно».

Современная литература обеих стран представлена писателями различного происхождения: афро-американского и афро-британского, индейского, ирландского, карибского и т.д., что находит отражение в их произведениях. Однако, несомненно, что, несмотря на разнообразие литературного материала и его специфику, вызывающую сложности при исследовании, он должен представлять в учебных программах современный этап развития литературы, так как позволяет изучить и понять многообразную культуру этих стран.

Неоценимую помощь при рассмотрении творчества современных писателей могут оказать информационные технологии, электронные средства связи, благодаря которым возможна организация международных семинаров «он-лайн». Такого рода семинар проводился в феврале-марте 2000 г. в рамках месячника «История афро-американского населения США». Семинар был посвящен литературе США, в частности изучению произведения «Beloved» (Любимая) современной афро-американской писательницы Тони Моррисон. (Перевод этого романа был опубликован в журнале «Иностранная литература», № 6, 1994 г.). Организатором семинара был Отдел образования и культуры Госдепартамента США. Семинар проходил под руководством профессора английской филологии Юго-Западного университета штата Техас Марион Тангум, техническую поддержку семинара оказывали выпускники Техасского университета и Отдел программ по английскому языку Госдепартамента США.

Выбор автора и произведения для обсуждения в рамках международного семинара был не случаен. По определению энциклопедии «Американа», Тони Моррисон – одна из наиболее ярких и талантливых представительниц афро-американской литературы. Её произведения посвящены «поискам истоков этнической самобытности» чернокожих американцев. За свой роман «Beloved» писательница была удостоена одной из самых престижных премий США в области

литературы (в 1987 г.) – Пулитцеровской премии (Pulitzer Prize), кроме того, в 1992 г. творчество Т. Моррисон было отмечено Нобелевской премией. Данное произведение представляет собой великолепный материал для литературоведческого, лингвистического и стилистического анализа и может служить отправной точкой в изучении целого пласта в литературе США – творчества писателей афро-американского происхождения как части американской культуры.

Чтение и анализ подобного рода литературы студентами, несомненно, будет способствовать совершенствованию их социолингвистической и социокультурной компетенции при изучении иностранных языков и культур.

С.А. Питина
Челябинск

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ АНГЛИЙСКОЙ ДЕМОНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Английский демонарий сложился как комплексное образование на основе британской-кельтской, германской-английской, общеевропейской и вариативно-английской традиций, отражая политеизм и эволюционирующий монотеизм англоговорящих народов.

Английская демоническая лексика прошла в своем становлении примерно те же стадии, что и любая другая система, основывающаяся на мифологических воззрениях. Основными этапами ее становления был дохристианский, языческий период, характеризующийся анимизмом – сложным и всеобщим оживотворением объектов и явлений окружающего мира, и христианский, предопределяющий исчезновение древних мифологических персонажей или их приспособление к второстепенным ролям в мировоззрении британцев.

Остров Британия с давних времен считался местом обитания тайны, священной территорией. Его принимали за убежище великанов, демонов, духов и даже за рай для мертвых. Возможно, это объясняется стремлением древних торговцев сохранить свою монополию на торговлю с жителями острова. Вероятно, причины сохранения мистического статуса Британии гораздо глубже и скрываются в ее разнообразных культурных традициях.

Традиционно самые романтические мифологемы связаны с Ирландией. Ее первые обитатели – партолоны, фоморы, немидийцы, фир болг, туата де данаан, милезийцы, дравида – известны по древним письменным памятникам. Англия и Ирландия были открыты европейцами примерно одновременно, но римляне, захватившие остров в первом веке нашей эры, разорвали нить бардических сказаний. Если Англия была достаточно быстро романизирована, то Ирландия оставалась свободной от имперских влияний, а сказания ирландских бардов описывают примерно одинаковую историю жителей островов. Из трех волн легендарных завоеваний первая представлена фоморами, сыновьями Партолана. Немидийцы пришли из Греции, противостояли фоморам и стихийным бедствиям.

Фир болги превращали холмы в равнины, а туата де данаан – потомки немидийцев были прославленными волшебниками. Время господства дипломатичных волшебников туата было золотым веком для древней Британии. Милезийцы и дравиды также были наделены в бардических сказаниях сверхъестественными качествами.

Миф и история древности существовали неразрывно и наряду со строгими археологическими данными помогают составить пеструю картину первого британского демонария. Мифологемы, обозначающие сверхъестественные существа в английском языке, в первую очередь кельтского происхождения (валлийского, шотландского, ирландского). Это отражено в культе мертвых и вере в фей или sidhe-ши-мертвых, которые у кельтов могли вернуться к смертной жизни. Ранние памятники ирландской и валлийской литературы постоянно указывают на связь фей-ши с погребениями в Ирландии и Шотландии. Сверхъестественным существам обязаны кельты своим происхождением. Гиганты-феи, великаны-созидатели и воины, люди-волшебники основали и упорядочили мир, предопределив в нем место человеку. Феи-аристократы, феи-покровители древних родов существовали наряду с воинственными феями-духами стихий, времени, пространства. Войны и лишения сделали гигантов прошлого невидимыми. Они либо исчезли, либо уменьшились в размерах. Отсюда берет начало и переосмысление их роли в жизни людей. Первобытное мышление уступает место новому взгляду на реальность, подкрепленному христианской религией.

Первая стадия развития британского мистицизма пережила возрождение и обновление в эпоху романтизма. Отражение его в литературе и фольклоре фиксировало мифологемы сверхъестественных существ, закрепляло их в языковом сознании британцев.

По сравнению с большой по объему кельтской частью английского демонария исконно английские мифологемы составляют меньшую его часть. Особенностью английских мифологем является то, что практически все они имеют параллели в кельтском фольклоре в виде вариантов и калек-заимствований, что обусловлено взаимовлиянием культур англо-саксов и кельтов. Английские по происхождению мифологемы отражают и развивают германскую традицию.

Английский демонарий представлен достаточно большим количеством вариативных наименований сверхъестественных существ. Такие имена и словосочетания можно обнаружить во всех вариантах английского языка с преимущественным представлением в американском английском.

*И.М. Поперина
Челябинск*

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ, ОФОРМЛЯЮЩИХ РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ИМЕНИ

Фразеологические предлоги, оформляющие родительный падеж имени, выполняют в языке служебную функцию, указывая на отношение имени к дру-

гим словам в предложении. Как и все значимые слова, исследуемые единицы обладают набором определенных сем: категориальной, субкатегориальной, групповой, индивидуальной.

По семантико-грамматической функции фразеологические предлоги, оформляющие родительный падеж, делятся на следующие субкатегории: единицы, выражающие объектные отношения; единицы, выражающие обстоятельственные отношения; единицы, выражающие атрибутивные отношения. Каждая из этих субкатегорий подразделяется на группы и подгруппы, в которые входят фразеологические предлоги, сходные по своим индивидуальным значениям. Можно выделить релятивные единицы со значением времени, причины, пространства, цели, способа и образа действия, участия, заместительства, соответствия, совместности, исключения, расширения, уподобления и др. Рассмотрим некоторые группы обстоятельственной семантики фразеологических предлогов, оформляющих родительный падеж имени.

- Групповое значение времени выражают фразеологические предлоги *во время (чего)* – «при, в», *в преддверии (чего)* – «перед», *по мере (чего)* – «при, по», *незадолго до (чего)* – «до, перед», *в канун (чего)* – «перед, до», *в пору (чего)* – «в, при», *в период (чего)* – «в, при», *в ходе (чего)* – «при, в», *в продолжение (чего)*, *на протяжении (чего)*, *в заключение (чего)*, *на излете (чего)*, *по истечении (чего)* – «после», *под занавес (чего)* – «к окончанию», *в минуту (чего)* – «при, в». Единицы этой группы указывают на время, срок совершения действия, протяженность действия во времени, а также на временной момент, характеризующийся отношением к какому-либо событию, сроку.

- Фразеологические предлоги со значением причины указывают на причину совершения действия: «то, что объясняет такое действие». Это предлоги *в знак (чего)*, *в силу (чего)*, *на почве (чего)*, *под предлогом (чего)*, *по праву (кого, чего)*, *по милости (кого, чего)*, *под тяжестью (чего)*, *по причине (чего)*, *за счет (кого, чего)* – «из-за».

- Групповое значение пространства выражают фразеологические предлоги *в сторону (кого, чего)* – «в», *недалеко от (кого, чего)* – «около, рядом», *со стороны (кого, чего)* – «от», *в сторону от (кого, чего)* – «от», *за пределами (чего)* – «за», *в пределах (чего)* – «в». Перечисленные релятивные единицы указывают на действие по отношению (удаленности или близости) к чему-нибудь, кому-нибудь, направлению или область распространения действия.

- Значение цели реализуют фразеологические предлоги *с целью (чего)*, *в целях (чего)*, *во имя (кого, чего)*, *под предлогом (чего)*, *во избежание (чего)*, *в память (кого, чего)*, *под видом (чего)* – «для, ради». Данные единицы указывают на основание, цель действия или движения.

- Релятивные предлоги *при условии (чего)*, *в случае (чего)* – «при» выражают условное значение, указывая на условие осуществления действия. Единицы этой функционально-смысловой группы употребляются в конструкциях с нерелятивной модальностью.

- Значение уступительности имеют фразеологические предлоги *независи-*

мо от (кого, чего), вне зависимости от (кого, чего) – «вопреки», указывающие на условие, несмотря на которое осуществляется действие.

Многие фразеологические предлоги синкретичны. Это выражается в том, что одна единица может совмещать два значения: пространственное и временное, причинное и целевое, причинное и следственное, или обстоятельственное и атрибутивное: *делать в интересах («из-за», «для, ради»)* торговли, *положение ухудшилось в результате («по причине», «вследствие»)* экономических реформ.

Некоторые из выявленных фразеологических предлогов, оформляющих родительный падеж имени, являются многозначными, т.е. выражают не одно значение, а два и более. Так, фразеологический предлог *в сторону* может выражать пространственное значение и значение меры и степени. *В сторону моей деревеньки темнела железнодорожная станция (А.Чехов). Привычка ко лжи и необходимость постоянно выворачиваться из лживой ситуации натренировали их мозг в сторону необыкновенной подвижности умственных сил (Ф.Искандер).*

Многозначными являются и предлоги *вдали от, под видом, под предлогом, в честь, в виде, в порядке, с видом, по поводу*. При определении типа группового значения исследуемых единиц необходимо рассматривать минимальный контекст употребления фразеологического предлога, т.е. управляющий и управляемый компоненты – глагол и существительное. Также важно учитывать семантику синонимичного фразеологического или лексического предлога, выражения: *носить в виде («вместо»)* украшения, *аллергическая реакция в виде («наподобие»)* припухлости; *удалиться под предлогом («по причине, из-за»)* головной боли, *уезжать под предлогом («с целью, ради»)* лечения здоровья. Свойство некоторых фразеологических предлогов выражать два и более значений связано с нарастающей тенденцией употребления предлогов при словах со значением отвлеченного действия.

Н.Б. Попова
Челябинск

ПОНЯТИЕ НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Понятие нормы давно известно из языковой и нормализаторской практики. Однако свое теоретическое обоснование оно получило только в языкознании XX века, став объектом исследования разных аспектов и разделов общего языкознания, культуры речи, теории коммуникации, теории и истории литературных языков и литературных стилей.

Норма – неотъемлемый атрибут языка на всех этапах его развития, во всех ипостасях его реализации. Языковая норма, как категория собственно лингвистическая, может рассматриваться в социально-историческом, территориально-географическом и культурно-эстетическом аспектах.

В качестве социально-исторической категории языковая норма входит в ряд норм и обычаев, представленных в обществе в разные периоды его развития, в

разных сферах использования языка. Социальная основа литературной нормы зависит от того, какие социальные слои принадлежат к носителям образования и культуры в период наиболее активных процессов формирования литературной нормы. Территориальная обусловленность литературной нормы, как правило, зависит от диалекта той области или города, которые в эпоху его формирования выступают как ведущие в политическом, экономическом и культурном отношении. Например, язык Москвы в России, или язык Парижа с его диалектом Ильде-Франс во Франции, или кастильский диалект в Испании. Степень территориальной вариативности литературной нормы зависит не только от исторического периода в развитии литературных языков, а также от современной языковой ситуации. Так немецкий, французский, испанский и особенно английский литературные языки, использующиеся в разных странах, допускают территориальные варианты в норме.

Очевидно, что речевая деятельность людей в целом не поддается жесткой регламентации. Если общеязыковая норма отбирает стихийно те или иные формы, предоставленные системой языка, то литературная норма отбирает их более или менее осознанно.

Одним из критериев отбора нормативных единиц считается критерий соответствия или несоответствия данного выражения системе, т.е. имеющимся в системе словообразовательным, синтаксическим и прочим моделям. При этом чисто лингвистические соображения о соответствии речевого факта системе языка не всегда отражают реальную речевую ситуацию, потому что система не дана нам в чистом виде как непосредственно наблюдаемый объект. Мы судим о том, что может быть в языке, только опираясь на факты речи.

Таким образом, критерий соответствия моделям тесно взаимосвязан с критерием употребительности, то есть с узусом. Критерий узуса в конечном счете оказывается решающим, хотя человеческий фактор не дает возможности решить социальные и территориальные противоречия на строго научной основе. Тем не менее практически во всех национальных культурах с богатой письменной традицией при фиксации литературной нормы лексикографы и авторы нормативных грамматик ориентируются как на исследования ученых-лингвистов, так и на речевую практику признанных великих деятелей, журналистов, писателей.

Таким образом, понятие нормы литературного языка естественно требует своего рассмотрения в культурно-эстетическом аспекте, который, учитывая социальный, территориальный, исторический и человеческий факторы, маркируется через оппозицию «норма – стиль эпохи или стиль литературного направления».

Если в XVI веке понятие нормы было не актуально, то с XVII века понятие нормы строго регламентируется. Из национальных языков изгоняются устаревшие, простонародные, провинциальные, грубые слова. Этого требует эстетика классицизма – эстетика «гармонии и совершенства». Законодателем этой эстетики становится Франция, родина классицизма.

Формирование поэтического канона классицизма, который на долгое вре-

мя и стал нормой, – долгий и сложный путь борьбы с галантно-аристократической литературой барокко (прецизная литература) и с «низменным» бытовым реализмом (бурлескная поэзия). Победа классицистического канона ознаменовала формирование национального языка и национальной культуры.

Основы поэтического канона классицизма были заложены во Франции Ф. де Малербом и распространены на язык, синтаксис и стихосложение. Поэтический язык, согласно требованиям Малерба, должен быть исключительно изысканным, ясным, логичным. В процессе становления эстетики классицизма эти требования получили свое непосредственное выражение в орнаментальности поэтического языка, для которого характерны перифразы, сравнения, возвышенная лексика, античные символы. Слово при классицизме имеет конкретное и обобщающее значение. Оно «содержит в себе всю полноту постигаемого смысла», оно – «отборно, насыщено, напряжено, хотя и не стремится преувеличивать себя, выставить напоказ» (А.В.Михайлов).

Поэтический синтаксис строится согласно философско-эстетическим принципам рационализма Декарта. Любое высказывание должно соответствовать причинно-следственной связи как в микро-, так и в макропоэтическом контексте. То есть микроструктура поэтического синтаксиса обязательно соответствует модели S – P – C (sujet – predicat – complément). Макроструктура, охватывающая как отдельные части целого развернутого предложения, так и отдельные предложения и абзацы, строится по модели «тезис – антитезис – силлогизм», в которой выдвижение тезиса, подвержение его сомнению и получение логического суждения представляется единственно возможным способом выражения.

Эстетика XVIII века сохраняет установившуюся языковую норму. Некоторое расширение нормы за счет научной и политической терминологии не меняет культурологического аспекта нормы литературного языка эстетики классицизма.

Процесс расширения литературной нормы углубляется и ускоряется в XIX веке. Художественная литература вводит в письменный обиход не только разговорный (народный) язык, способствуя тем самым демократизации литературной нормы, но и различные функциональные стили, отражающие широкие социальные слои нового общества.

В XX веке язык демократизируется еще более: «облагораживаются» ранее ненормативные или фамильярные слова и обороты. Граница между нормативным и ненормативным становится все более зыбкой, трудноуловимой. При этом ненормативная лексика становится зачастую не просто допустимой, но даже стилистически оправданной и эстетически заданной некоторыми современными писателями.

ОМОНИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ДЕЕПРИЧАСТНОЙ ФОРМЕ: КЛАСС КАЧЕСТВЕННО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ЕДИНИЦ

Глагол вместе с прилагательными и наречиями относится к разряду признаков слов. Он обозначает свойство предмета в широком значении этого слова. В связи с этим, глагол может актуализировать значение признака предмета либо значение признака действия. В этом случае мы имеем дело с причастными и деепричастными формами, которые совмещают значение двух частей речи: причастия – значения прилагательного и глагола, деепричастия – наречия и глагола. Процессуальные фразеологизмы в деепричастной форме также совмещают значения двух семантико-грамматических классов: процессуального и качественно-обстоятельного. Однако процессуальные фразеологизмы могут развивать качественно-обстоятельное значение. Это выражается в ослаблении семы процессуальности и глагольных категорий, но пока еще не в полной их утрате. Сема образа действия отдалается от процессуальной, потому они омонимичны. Такие фразеологизмы могут восприниматься одними читателями как процессуальные, другими – как качественно-обстоятельные. Так, фразеологизмы *вытуча глаза* – «удивленно (смотреть, слушать)», *затаив дыхание* – «внимательно, напряженно (слушать)», *не отрывая глаз* – «пристально, долго (смотреть)», *не спуская глаз* – «напряженно, внимательно (смотреть)», *с трудом, едва переводя дыхание* – «внимательно, напряженно (слушать)», *разинув (разиня, разинувши) рот* – «1) внимательно (слушать), 2) удивленно (слушать)», *не чувствуя (не чуя) ног под собой* – «быстро (бежать)» являются омонимичными процессуальным единицам. При омонимизации значения процессуальных фразеологизмов испытывают различные семантические изменения. Ядерная процессуальная сема угасает, уходит на второй план, а периферийная или потенциальная качественно-обстоятельная сема, напротив, актуализируется и выходит на первый план.

Так, процессуальные фразеологизмы *вытуча глаза (на кого)* – «смотря на кого-либо широко раскрытыми от удивления глазами», *не отрывая глаз (взгляда) (от кого, чего)* – «пристально смотря на кого-либо, что-либо», *не спуская глаз (с кого)* – «напряженно, внимательно смотря на кого-либо» являются процессуальными и обозначают действие, интеллектуальную деятельность, восприятие.

Ваня, не отрывая от нее (от Анны. – Е. Р.) взгляда, ленивым движением отбросил в сторону зеркаль и вдруг рассмеялся (Ф. Абрамов. Братья и сестры); Улыбаясь и не спуская взгляда с лейтенанта, она (Люся. – Е. Р.) пристроила на

*спинку кровати гимнастерку, отглаженную, с привинченным орденом... (В. П. Астафьев. Пастух и пастушка); ...Петр Ильич, кажется, нарочно поскорей прогнал Мишу, потому что тот как стал перед гостем, **выпуча глаза** на кровавое лицо и окровавленные руки с пучком денег... так и стоял... (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).*

При переходе в класс качественно-обстоятельствственных единиц эти фразеологизмы утрачивают категориальное значение процесса, субкатегориальное значение действия, групповое значение интеллектуального действия, восприятия. Индивидуальное значение этих фразеологизмов также испытывает целый ряд трансформаций. Ядерная сема *смотреть* – «воспринимать что-либо органами зрения, направляя взгляд на кого-либо, что-либо» уходит на второй план либо вообще утрачивается. На первый план выходит качественно-обстоятельствственная сема *пристально, внимательно, напряженно, удивленно*, которая была периферийной в значении процессуального фразеологизма. Двигательный образ (устремить в одну точку взгляд, широко раскрыть глаза) заменяется зрительно-оценочным, эмоционально-рациональным. Смена образа способствует переходу фразеологизма из одного класса в другой.

*Пьер ничего не говорил; он удивленно, **не спуская глаз**, смотрел на своего друга (Л. Н. Толстой. Война и мир); А с другой лодки, **не отрывая глаз**, глядит на него молодая жена... (А. П. Чехов. Именины); Представьте: читает в канцелярии писарям мораль, а те, натурально, ничего не понимают, сидят, разиня рот, **выпуча глаза** (А. Н. Островский. Доходное место).*

Фразеологизмы, омонимичные процессуальным единицам, утрачивают значение второстепенного действия, семантически соотносятся с наречиями, употребляются, как правило, в постпозиции по отношению к глаголу-сказуемому, поэтому могут быть пунктуационно как обособленными, так и необособленными.

Однако мы наблюдаем усиление процессуальности в тех случаях, когда деепричастная форма попадает в такие синтаксические условия, когда ей приходится брать на себя глагольные функции: зависимые слова (особенно управленные существительным в творительном падеже), препозиция по отношению к глаголу-сказуемому. В этих условиях происходит усиление видов-временных и залоговых значений. Деепричастная форма снова приобретает способность выражать второстепенное действие.

*Нехлюдов уехал бы в тот же день вечером, но он обещал Mariette быть у нее в театре, и хотя он знал, что этого не надо было делать, он все-таки, **кривя перед самим собой душой, поехал**, считая себя обязанным данным словом (Л. Н. Толстой. Воскресение), («обманывая кого-либо»); – И когда же это вам восемнадцать... стукнет? – **раздельно и не спуская с нее прищуренных глаз, спросила** женщина (Л. М. Леонов. Русский лес), («пристально глядя на кого-либо»).*

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что значение процессуальных фразеологизмов в деепричастной форме очень сильно подвержено динамике, так как они совмещают в себе признаки двух семантико-грамматичес-

ких классов. Попадая в благоприятные семантико-синтаксические условия, эти формы зачастую развивают качественно-обстоятельственное значение. Но все же большинство фразеологизмов (54%) в лоне процессуальных сохраняют значение процесса и глагольные категории вида и залога.

*Л.В. Разумова
Челябинск*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В процессе номинации субъект, с одной стороны, и имеющийся в его распоряжении лингвистический инвентарь – с другой, неизбежно влекут за собой проблему выбора при номинации. По мнению Р.А.Будагова, слова всегда так или иначе мотивированы (Р.А.Будагов). Мотивированность как языковое явление представляет собой отражение средствами языка одного или нескольких признаков предмета в его названии (Т.Р.Кияк). Мотивировочные признаки занимают различное положение в семантической структуре наименований, влияя на характер их мотивированности.

Семантическая мотивированность является результатом переосмысления, взаимоотношений между новым и предыдущим значением, между различными модификациями внутренних форм (напр., интенсификации, квантификации, указания и т.д.).

Наиболее «асемантическими» являются личные имена, т.к. они неявно обнажают свою внутреннюю форму и выполняют основную идентифицирующую функцию. Наиболее «семантически» фамилии, восходящие, в основном, к прозвищам, которые, как правило, связывались с ведущим признаком номинации, отражённым в их внутренней форме. В результате в языке сложился разнообразный и выразительный фонд фамильных основ, на которых строится художественное использование фамилий.

Предпосылкой оживления внутренней формы онимов являются непроизвольные ассоциации, которые возникают вследствие простого созвучия имён и активно используются в художественной литературе для создания имен собственных (ИС) персонажей (например, имя одной красотки из произведения Сан-Антонио «Сироп для ос» *Julia Delange* от франц. «ange (m)» – ангел; имя карточного шулера (в том же произведении) *Evariste Bancout* от франц. «banque (f)» – банк (в карточной игре) или «banco (m), faire banco» – ставить ва-банк (в азартной игре)). Однако «случайное» оживление внутренней формы ИС носит ограниченный характер и практически не связано с сюжетной линией произведения, не способствует углублённому проникновению в его идейно-образную структуру.

Иначе обстоит дело с именами, оживление внутренней формы которых яв-

ляется средством реализации замысла писателя, существенно для развития сюжета и для раскрытия одной из основных тем произведения (так, например, имя главного героя новеллы Анри Труайя «Зелёный блокнот» *Marcel Lobligeois*, которое заключает в себе семантику двух апеллятивов «l'oubli» (забывчивость, забвение) + «joie» (радость) = забывший о радости. Сюжетная линия произведения способствует всё более полному раскрытию содержания имени и наоборот, семантика производящих основ данного имени подтверждает информацию, заключённую в самом тексте).

Способы актуализации внутренней формы фамилий основных и эпизодических героев различны. При фрагментарном изображении второстепенных персонажей основным средством создания моментального и в то же время максимально ясного впечатления служит повышенная экспрессивность контекста представления персонажа, спроецированная на внутреннюю форму фамилии (напр., имя *Crakzic* (от франц. «crack (m)» – «крэк (кокаин)» + «zig (m)» – «тип, парень») одного из второстепенных персонажей романа Сан-Антонио «Между жизнью и моргом» предстаёт в следующем контексте: «Un certain Crakzic, ... lequel était impliqué dans une histoire de vol aux States... Ce petit gourmand avait croqué un bonbon à la strychnine, manière d'oublier ses ennuis». Такая характеристика указывает на то, что перед нами тёмная личность, с сомнительной репутацией и в то же время подчёркивает иронию автора по отношению к своему герою).

При именовании основных действующих лиц смысловая нагрузка внутренней формы фамилии, как правило, реализуется в нескольких направлениях. Значимость внутренней формы подчёркивается другими именованями – эпитетами, апеллятивами, фрагментами текста и др.

Другой разновидностью мотивировки является обыгрывание в тексте устойчивых культурных компонентов значения, которыми осложнено ИС, намеренное подчёркивание через ИС параллели с другим лицом (напр., ИС эпизодических персонажей в романах Сан-Антонио «Сироп для ос» – *Mao Tsé Toung* – переключка с именем китайского вождя Мао Дзе Дуна).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантически мотивированные антропимы составляют самую многочисленную группу ИС, но они никогда не заполняют всё ономастическое пространство художественных текстов. «Встречаются разные типы онимов, в том числе и «косвенно мотивированные» – социальной сферой, речевым узусом, национальным колоритом, историческими нормами именика» (О.И.Фонякова).

ШОТЛАНДСКИЙ КОСМОПСИХОЛОГОС И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ (на материале шотландской прозы 1930-х гг.)

Параллельное существование, развитие и взаимодействие культур нескольких этносов в британской англоязычной литературе формируют особое культурное пространство и благодаря этому вызывают значительный интерес. В британской литературе начала XX столетия диалектика «английского» и «неанглийского» носила неоднозначный характер. В своём стремлении к равноправному культурному диалогу «неанглийская» (в частности, шотландская) литература иногда принимала крайние формы самовыражения: от оппозиции по отношению к британской литературе до стремления намеренно следовать английским литературным традициям. В Шотландии в 30-е гг. XX в. вопрос культурного самовыражения в художественной прозе приобрёл особенно актуальный характер в связи с кризисом романного жанра в национальной литературе, а также влиянием ранее имевшего место литературного «Возрождения» в Ирландии и сходных событий в Уэльсе. Эта проблема отразилась в художественном творчестве поэтов и романистов шотландского «Возрождения».

Шотландские писатели не пришли к единому мнению относительно способов создания национального мирообраза в художественной прозе. Идеолог движения Х. Макдайармид и его сторонники сочли необходимым полное исключение английского языка из литературного обихода. Взамен Макдайармид предложил использовать так называемый «синтетический/пластический» шотландский язык как единственно верное средство выражения специфики национального сознания, шотландского космопсихологоса и создания национального образа Шотландии.

Принципиально новое мнение выразил Л.Г. Гиббон, активно пропагандировавший идею создания шотландского мирообраза как синтеза национальной и английской культур в рамках англоязычного художественного произведения. В этом случае шотландский роман, имея в основе национальную мифологическую и фольклорную модели мира, приобретает аутентичный характер. Английский язык (и вместе с ним английская культура), получая доступ в художественную модель мира, является частью менталитета шотландцев и одновременно служит средством ознакомления широкого круга читателей с шотландским образом мира.

Создавая собственные версии аутентичного романа, каждый из представителей «Возрождения» (Н. Макгэганн, Э. Линклейтер, Э. Мюир, Я. Макферсон, Л.Г. Гиббон и др.) эксплицировал «шотландскость» посредством англоязычных

текстов. Их произведения представляют собой пограничные художественные системы, своеобразный синтез шотландской и английской культур.

Национальные признаки «шотландскости» в англоязычных текстах романистов «Возрождения» в обобщённом виде выражаются на «внешнем» и более глубинном поэтологическом уровнях. К первому относятся: сюжетопостроение (национальная самоидентификация), характер интертекстуальных связей (наличие аллюзий), система образов (типические черты шотландского характера героев), детали культурно-бытовой и этнографической конкретности (пейзаж, интерьер, изображение национальных праздников и др.).

Поэтологический уровень выраженности «шотландского», являясь «цементирующим» художественную систему средством, также содержит ряд общих для писателей шотландского «Возрождения» признаков:

- обращение к национальному фольклору и мифологии, использование легенд, сказаний, мифов и преданий как «вставного жанра» (Н.Л. Лейдерман);
- наличие в текстах шотландских «родовых образов» или архетипов национального самосознания;
- приём параллелизма человеческого и природного сюжетов, их лейтмотивный характер;
- включение проблемы «шотландское – английское» (в широком смысле «национальное – интернациональное») в поле действия всех уровней художественной системы.

На уровне создания образных ассоциаций следует выделить аллитерацию (звуковой образ космоса), специфические тропы и сравнения (воспроизведение особенностей национального юмора), нетрадиционный для английского текста синтаксис, темпоритм и звукоподражание (речевой образ, образность мышления/психологос).

Таким образом творчество романистов шотландского «Возрождения» в стилистическом смысле представляет собой синтез двух языков, а в культурологическом – межнациональную художественную систему в силу реализации шотландского образа мира в речевой форме английской культуры.

*А.В. Свиридова
Челябинск*

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РЕЧЕВЫХ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ НЕ

В связи с задачами изучения образования речевых значений у фразеологизмов с компонентом *НЕ* необходимым представляется определение параметров коммуникативно-прагматической ситуации, в которые включены: цель общения, адресат, условия коммуникации, пресуппозиции и речевой акт. Представляется важным то, что рассмотрение функционирования речевых значений ФЕ в ком-

муникативно-прагматическом аспекте связано с дискурсом – текстом, живущим в пространстве событий и взаимоотношений людей. С целью уточнения отметим: в конце 70-х – начале 80-х гг. наметилась дифференциация понятий «текст» и «дискурс»: под текстом понимают «преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами (ван Дейк)» (БАС: Языкознание, с.137). Изучение дискурса проходит в междисциплинарной зоне лингвистических, философских, социологических, психологических и других знаний.

Тексты публицистического жанра – это типичный образец дискурса, в котором фразеологизмы, помимо языковых, реализуют речевые, ситуативные значения. Именно тексты публицистики демонстрируют четкие коммуникативно-прагматические установки (Е.А.Добрыднева), т.е. социальные цели говорящего или пишущего и его расчет на получение определенной реакции от адресата, которые обуславливают специфическое использование языковых единиц и детерминируют появление переходных речевых образований. Назовем некоторые свойства современного публицистического текста, детерминирующиеся коммуникативно-прагматической ситуацией – коммуникация *пресса – реципиент* определяется односторонностью: речь журналиста монологична, хотя агрессивно апеллятивна; дискурс носит заданный характер, т.е. является социальным заказом; целевые установки публицистического дискурса – полемика, разоблачение и обвинение; наличие таких пресуппозиций, которые не выражены в тексте, но являются для его содержания истинной посылкой; наивысшая степень проявления субъективной оценки, как правило, отрицательной, при отсутствии объективного анализа информации; стремление воздействовать лишь на эмоциональную сферу восприятия читателей путем подбора определенных языковых средств и их трансформации в речи. Обозначенная коммуникативно-прагматическая ситуация продуцирует, во-первых, новые значения у фразеологизмов, во-вторых, новые ФЕ, в-третьих, образования переходного характера (виды переходности в публицистическом дискурсе требуют отдельного описания).

При анализе функционирования языковых единиц в дискурсе необходимо учитывать узуальные значения, видеть формирование речевых и момент перехода функциональных значений в кодовые, если такой процесс возможен, так как дискурсы публицистического жанра обладают разной степенью субъективности и эмотивности, которые, на наш взгляд, препятствуют трансформации речевого знака в языковой. Несомненно, «система объективно существующих, социально-закрепленных знаков» (БЭС, с.414), реализуясь в дискурсе, детерминирует производный характер речевого знака, такой, который должен быть понят адресатом и воплощать в себе свойства общепринятого надывидуального кода. Таким образом, по мысли Э.Косерю, «язык выступает в качестве необходимого предела свободы» Приведенные ниже примеры иллюстрируют процесс продуцирования речевого значения у языковой единицы:

1. Впрочем, Костиков не стал кривить душой (уклоняться от прямого

ответа». – А.С.) слишком долго: **припертый к стенке прямыми вопросами, он выразился вполне откровенно: «Нельзя давать армии слишком много»** (Сов. Россия. 1994. 24 мая).

2. В условиях инвестиционного голода в стране коллектив предприятия **не опускает рук** («продолжает надеяться». – А.С.) в ожидании доброго дяди, который решит его проблемы (Комс. правда. 1994. 26 февр.).

3. Однако пропагандистские обвинения в том, что будто бы жертвами действий властей СРЮ стали «десятки тысяч косовских албанцев, **не получили подтверждения** («оказались ложными». – А.С.) В то же время именно ракетно-бомбовые удары НАТО по территории СРЮ ... спровоцировали уход сотен тысяч беженцев (Сов. Россия. 2000. 18 сент.).

В примере 1 языковые значения фразеологизма *кривить душой* «быть неискренним, лицемерить, намеренно говорить неправду; поступать против совести» (ФС, с.212), приспособившись к целевым установкам дискурса, производят новое речевое значение, относящееся к семантической группе речемыслительной деятельности и характеризующее морально-нравственный облик человека, выводимое из сочетаемости (см. выделенный контекст).

В примере 2 речевое значение ФЕ обладает высокой степенью коннотации авторской, субъективной, скорее саркастической, нежели иронической, что воспрепятствует ему перейти в кодовые знаки. Значение ФЕ в приведенном дискурсе обусловлено необычной сочетаемостью – «...не опускает рук в ожидании доброго дяди...» – и приобретает отрицательную оценку. Необычность сочетаемости заключается в том, что фразеологизм семантической субкатегории активного действия взаимодействует с отглагольным существительным «ожидание», обозначающим статическое состояние, ср.: *Но рука я не опускаю – буду продолжать начатое дело, искать необходимые средства, зарабатывать самостоятельно.* (Свободные диалоги. 1999. 8 июля) В этом контексте единица *не опускать рук* демонстрирует свое языковое значение «бороться, противостоять», традиционно, закономерно сочетаясь с лексемами семантики активного действия *продолжать, искать, зарабатывать*. Несомненно, речевое значение этого фразеологизма производно от языкового: в нем сохраняется сема высокой степени проявления, но не действия, а статичности состояния, пассивности субъекта.

В примере 3 нашел свое отражение процесс фразообразования: на базе двухкомпонентной единицы *получить подтверждение* со значением «совпасть с реальностью» образовалась новая трехкомпонентная с противоположным значением путем экспликации. Критерием отграничения фразообразовательного процесса от контекстного функционирования ФЕ с частицей НЕ служит лексико-семантическая сочетаемость: в нашем примере это взаимодействие ФЕ с частицей «как будто бы», синонимичной частице «якобы», оценочным публицистическим штампом «пропагандистские обвинения»; последующее предложение представляет содержание как истинное, общеизвестное, как пресуппозиция.

Публицистический дискурс продуцирует переходные единицы, находящиеся между фразеологическим и лексическим уровнями: И отчаявшемуся немец-

кому эмигранту кажется: *Ника Самофракийская не знала ничего о морали... У нее не было отчизны... И он жметя к красоте, которая не связана ни с чем земным и поэтому, бесприютная, может стала богиней эмигрантов* (Сов. Россия. 1994. 5 марта). Более того, единицу *не знала* (-ет, ют и т.п.) *ничего* со значением «находиться вне каких-либо категорий» пока трудно квалифицировать определенно – как языковую или как речевую. По классификации В.В.Виноградова, названную единицу логично отнести к фразеологическим сочетаниям, типа *оказать внимание, иметь успех*, т.е. таким, которые в контексте обладают словом-сопроводителем; в приведенном дискурсе это слово *мораль*, которое конкретизирует абстрактное значение фразеологизма – «находиться вне категорий морали». Слово-сопроводитель подвергается влиянию двух противоположных тенденций – аналитической и синтетической: с одной стороны, оно «приращает» значение ФЕ, с другой – такое приращение возможно только в определенной коммуникативной ситуации. Публицистический дискурс предоставляет возможность исследовать фразеологическую природу в следующих аспектах – коммуникативно-прагматическом, фразообразующем, межуровневом, как живую строящуюся систему.

*О.Г. Твердохлеб
Оренбург*

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕНОТАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В когнитивной лингвистике формулируется «постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке», по которому «каждая языковая форма стремится к тому, чтобы выражать несколько значений, а каждое значение – к тому, чтобы быть выраженным несколькими формами» (Баранов, Добровольский). Нас интересуют случаи нарушения параллелизма, случаи нарушения изосемии между двумя уровнями смысловой организации высказывания, когда синтаксические позиции субъекта (а это позиция подлежащего при активной форме глагола и агентивного дополнения при пассивной форме глагола) замещают неодушевленные существительные, лексическая семантика которых включает идею инструментальности. Исследователи среди главных участников ситуации, описываемой в лексикографическом толковании глагола, единодушно называют наряду с субъектом, объектом, местом и семантический актант-инструмент (Холодович, Апресян, Шмелева и др.). Исследование современного русского языка показывает, что обычно инструмент назван неодушевленным именем, в значении которого сема «активного производителя» отсутствует, напр.: а) **орудие**: *Длинными **ципцами** вытаскивал кузнец из горна металл* (Шур); б) **средство**: *Или, на худой конец, вколотить **грубыми гвоздями** в забор загородного дома* (Литературная газета); в) **способ**: *Корчагин ловким **движением** пригнул винтовку к земле* (Н.Островский). Редкие случаи неосложненного орудийного значения в творительном падеже существительного одушевленного в лингвист-

тической литературе отмечает, в частности, Н.Ю.Шведова: – *Если оно (хозяйство) рационально, то вы можете наймом вести его, – сказал Свяяжский – Власти нет-с. Кем я буду вести? Позвольте спросить? – Рабочими.* Л.Толстой. Анна Каренина. 1, III, 27 (Шведова). Ср. также: *Велико уже и то мое счастье, когда употребляешь ты меня вместо морской трубы, чтобы объявлять мною рабам твои повеления* (Крылов). В памятниках более ранних периодов одушевленные имена в форме творительного падежа с функцией орудия употреблялись широко (Лебедева, Борковский, Седельников), но из-за того, что орудие является «пассивным передатчиком действия на объект, а это перестало удовлетворять потребности взаимопонимания, т.к. лицо – активный по своей природе участник действия» (Седельников), то в современном русском литературном языке находим соответствующие замены беспредложной конструкции (творительного падежа) предложными (родительным с предлогами «*через*» и «*посредством*»), не встречавшихся еще в старших памятниках и в большинстве памятников XV–XVII вв. (Седельников), напр.: *Через творящего артиста в мир транслируется какая-то иная, часто неведомая сила* (Смелянский). Орудийное значение приводимой здесь формы «*через + Р.п.*» в этой конструкции, взятой из статьи «...Навеки, однажды и навсегда» в газете «Советская культура» от 16 января 1988 г., особенно ясно видно из предыдущего контекста, где приводится цитата К.С.Станиславского, утверждающего, что актер – «*живой аппарат для бессознательного творчества природы*». Ср. также афоризм М.Сафира: «*Актер – это говорящая труба из плоти и костей, через которую автор обращается к публике*». Видимо, по этой же причине для неживого участника ситуации, репрезентированного в позицию подлежащего активной конструкции типа: *ножницы разрезали ленту* (ср. также примеры из художественной литературы: *Пинцеты прочно захватывают даже плотные войлочные пыжи*. Гусев; *Сабля острая разрубила твою удалую головушку*. Новиков-Прибой; *Отчего игла легко прокалывает предмет насквозь?* Перельман), практически всегда при использовании энциклопедических сведений, грамматически отражающихся в потенциальных валентностях глагола, может быть обнаружено лицо, производящее действие над ним, ср.: *Шофер только нажимает... кнопки, а установленный в кузове машины кран по его приказу подцепляет контейнер, поднимает его и ставит на платформу* (Дорохов) или: *Не кует железо молот, кузнец кует*. Ср. также другую группу примеров: *Этими инструментами шилась одежда* (Ларичев); *Теперь машины изготавливают все вещи* (Шур), и при этом: *Не игла шьет, а руки* (Посл.); или еще один интересный пример: *С противоположного конца комнаты доносился стрекот швейных машинок. Полудюжина деvушек в коричневых халатах нажимали на педали, крутили колеса и ловкими, искусными руками направляли под иглы куски дорогой ткани, – в котором на «поверхностном» уровне одушевленные лица (деvушки) репрезентируются лишь в связи с действием «субъектно-объектного перемещения» (направляли), а не с действием по «созданию объекта» (шить). Поэтому одушевленный актант легко может «сместить» неодушевленный актант со своей «законной» позиции (подлежащее – И.п.),*

«отодвинув» его на менее значимую при описании ситуации позицию косвенного дополнения (Т.п.) или обстоятельства (предлог *на* + П.п.) при активе: *Кузнец молотом кует железо* (Посл.); *Старшая сестра Катя шила на машинке* (Вересаев). И поэтому «творительный падеж неодушевленного существительного при возвратном глаголе-сказуемом допускает двойное истолкование» (Зеленов), ибо иногда бывает неясно, с какой именно активной конструкцией, имеющей «номинативное подлежащее без инструмента»: *ножницы разрезают ленту*, или с «предложением без выраженного субъекта, но с инструментом» (П.Адамец): *ножницами разрезают ленту* – соотносится пассивная с называющим «неживую субстанцию» инструментом в позиции агентивного дополнения: *ножницами разрезается лента*. Характерно также, что «творительный орудия, обозначающий лицо, с обращением действительного оборота в страдательный неизбежно становится творительным действующего лица» (Седельников).

*И.А. Устименко
Белгород*

ПРИЧИНЫ ПОЛИМОТИВИРОВАННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОНДЕНСАТОВ

Семантический конденсат – это слово, созданное путем стяжения в одно слово фразеосочетания (З.Д. Попова) с использованием в качестве производящего только одного компонента словосочетания, как правило зависимого в грамматическом отношении: *ревматический больной* – *ревматик*, *сетчатая оболочка* – *сетчатка*.

Со времени первого описания явления семантической конденсации (А.В. Исаченко, Н.М. Шанский и др.) образования подобного рода пережили два «бума», первый – в 40-е годы (отмечено в целом ряде социолингвистических исследований), второй – в 90-е годы XX века, как показывают наши наблюдения. Связано это, вероятно, со стремлением к экономии произносительных усилий (Е.Д. Поливанов), с экономией сегментных единиц языка (Г.Г. Инфантова), вызванных ускорением темпа жизни, с одной стороны, и «демократизацией» языка, повлекшей несколько небрежное отношение к нормативной стороне речи, – с другой.

Семантическая конденсация, компрессия (А.Ф. Журавлев), сгущение (Я. Розвадовский), включение (Н.А. Янко-Триницкая), на наш взгляд, происходит в плане содержания, где сохраняется семантический объем исходного, мотивирующего словосочетания, а сжатие (В.В. Виноградов), стяжение (Н.М. Шанский) происходит в плане выражения – сокращается до одного слова материальная оболочка. Не всякое стяжение материальной оболочки словосочетания сопровождается семантической конденсацией, например, ее нет при сложении основ (*кровоток*), сложении с сокращением основ (*грампластинка*) и аббревиации (*АПН*).

Семантическая конденсация осуществляется несколькими способами: путем суффиксации (*материнская плата* – *материнка*; *наружное наблюдение* –

наружка; последователь рыночного пути развития – рыночник; психиатрическая больница – психушка; сходная цена – сходняк), субстантивации (столовая, бойлерная, массажная; вахтенный), эллиптического пропуска (граммофонная пластинка – пластинка, уволить с работы – уволить).

Полимотивированность отмечается прежде всего у суффиксальных образований: *читалка – читальный зал, комната для чтения; место, где можно читать; зачетка – зачетная книжка, книжка для зачетов.*

В чем причина подобного явления?

Ответ на этот вопрос дает, на наш взгляд, попытка посмотреть на явления языка, установив «связь между миром человека и мышлением о мире» (Н.Д.Арутюнова), то есть с точки зрения носителя языка, воспринимающего действительность и отражающего ее в своем сознании в виде единицы языка – слова, и с точки зрения носителя языка, воспринимающего слово и понимающего его, декодирующего языковой знак.

Создатель слова, осознав новые знания, полученные им при анализе реальной действительности, действует по общеязыковой словопроизводственной модели (И.С. Торопцев). Он, получив в качестве исходной единицы фразеосочетание, прибегает к мотивировке всем содержанием, но в качестве производящего выбирает не все словосочетание (тогда следовало бы прибегнуть к основосложению, сложению с сокращением основ или к аббревиации: *заработная плата – зарплата, государственное хозяйство – госхоз* и т.п.), а только один компонент фразеосочетания и меняет способ словообразования, прибегая к суффиксации. В этом и состоит основная особенность создания семантического конденсата, он создается по ненормативному участку словопроизводственной модели: *нефтяная промышленность – нефтянка; социальная служба – социалка; пищевая промышленность – пищевка.*

Носитель языка, воспринимающий и декодирующий слово, действует в полном соответствии с общеязыковой словопроизводственной моделью, он упрощает мотивированность слова, сводя ее к производящему слову, устанавливает простые словопроизводственные отношения по образцу продуктивных словообразовательных типов производящее – производное и получает пары, связанные словопроизводственными отношениями: *нефтянка – нефть, пищевка – пища* – «емкость для нефти», «место, где есть нефть»; «место, где торгуют пищей; продуктовый рынок», «пища; то, что едят». Образование *социалка*, извлеченное из контекста, вообще не было истолковано испытуемыми. Таким образом, извлеченный из контекста конденсат не понятен декодирующему субъекту, воспринимается им как многозначное слово, в словообразовательном отношении мотивированное одним словом, при суффиксальном способе словообразования выбирается мотивировка признаком, а не всем содержанием. Фразеосочетания *нефтяная промышленность, социальная сфера, пищевая промышленность* при предложении заменить их одним словом были заменены словами *нефтепром, собес, пицепром*. Слово *кассетник* было истолковано как «предназначенный для кассет»: *магнитофон для кассет, стойка для кассет, контейнер для кассет*, то

есть были установлены словопроизводственные отношения *kasseta* – *kassetnik*.

Таким образом, причина полимотивированности семантического конденсата видится нам в его ситуативности, контекстуальной обусловленности и субъективности создателя слова, с одной стороны, и в субъективности восприятия конденсата носителем языка, в установлении им «прямой» мотивированности, в «выравнивании» словообразования по законам, предложенным общезыковой словопроизводственной моделью, – с другой.

И.В. Федотова
Челябинск

ЗВУКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯДЕРНОГО ЭЛЕМЕНТА КОНЦЕПТА «WASSER» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Содержание концепта «Wasser» имеет сложную структуру. С одной стороны, оно образуется из содержательных характеристик отдельных элементов, с другой – составляющие его элементы объединяются в зоны с различной релевантностью для цельного концепта (ядро, центр, периферия). При определении элементов концепта мы опираемся на тезис Д.С. Лихачева о функционировании концепта в роли «алгебраического выражения» значения слова. Выявляя полевою структуру концепта, мы учитываем актуальность, глубину и широту смысла его элементов.

При определении ядра поля мы исходим из предпосылки, согласно которой ядерный элемент обладает особой выделенностью по предложенным параметрам. Семантический анализ двух тысяч речевых употреблений лексемы «Wasser» в художественных текстах, анализ данных лингвистических словарей позволяют признать в качестве ядерного элемента концепта основное номинативное значение лексемы «Wasser»: «прозрачная, бесцветная жидкость, представляющая собой соединение водорода с кислородом». В пользу этого вывода свидетельствуют следующие факты. Во-первых, элемент «жидкость, H₂O» представляет в сознании особенности существования и функционирования природного вещества, относящегося к разряду элементов, часто встречающихся, привычных человеку. Во-вторых, он отражает исходные представления о концепте, возникшие, по всей видимости, в период существования индоевропейской общности. И в-третьих, в толковых словарях немецкого языка («Duden», «Brockhaus Wägrig» и др.) ему отводится роль основного, инвариантного значения. Подобная роль обязывает к высокой употребительности и разнообразию семантических характеристик. Результаты количественной обработки данных оригинальной картотеки не противоречат словарным данным. Примеры, объективирующие элемент, составляют 70% (1405 ед.) от всего собранного материала. Содержание элемента только лишь по данным картотеки может быть представлено в виде описаний 43 признаков, образующих 14 аспектов.

Концептуальный признак «звук» представляет качественный аспект характеристик исследуемого элемента. Выбор признака обусловлен противоречием между его периферийной подачей в толковых словарях и общеизвестной значимостью аудиального восприятия в познании мира. Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой звуковые параметры вещества «Wasser» занимают значительное место в его качественной характеристике. С целью проверки этой гипотезы выявляем количественные, семантические и структурные особенности признака. Согласно количественной оценке материала, сочетания, объективирующие признак «звук», составляют 15% от всей совокупности опознавательных характеристик воды. Количественная представленность признака поддерживается качественным разнообразием составляющих его сем. Звучание воды оценивается как равномерно повторяющееся / единичное, глухое / звонкое, темное / светлое, тихое / громкое, шипящее: *das Wasser rauscht, plätschert, donnert, gurgelt, gluckst, beschwappt, zischt* и т.д. Обязательным условием акустической характеристики элемента является указание на источник происхождения звука, обнаруживающее теснейшую связь между признаками «звук» и «текучесть». Показательна в этом смысле принадлежность лексем группы «звук» к классу процессуальных слов. Наряду с глаголами в материале представлены причастия и отглагольные существительные: *gurgelndes, plätscherndes Wasser; das Rauschen, das Getöse, das Brausen des Wassers* и т.д. При расширенном контексте, а также в сочетаниях с предлогами исследуемый признак вступает в отношения с признаками: «средство для чего-либо» (*mit Wasser gurgeln*), «среда, в которой кто-либо, что-либо находится» (*im Wasser plätschern*), «объект слухового восприятия» (*das Wasser schwappen hören*) и др. Звуковые параметры служат эффективным средством переосмысления естественной сущности элемента. Воде приписываются специфически человеческие действия: *das Wasser seufzt, singt, flüstert, schluchzt*. Она уподобляется образу змеи, стихийным явлениям и даже речи старого человека: *das Wasser zischt, donnert; die Worte des alten Mannes hören sich wie ein rieselndes Wasser*.

На основании перечисленных фактов делаем вывод об актуальности концептуального признака «звук» (в пределах исследуемого концепта) для немецкого сознания.

*M.J.E. Hendriks,
Arnhem, Holland
М.Й.Е. Хендрикс
Арnhem, Голландия*

THE LANGUAGE OF THE CRIMINAL MIND (two centuries compared)

If one considers the progress the criminal has made over the past centuries in literature, one might wonder if any change has actually taken place. Do such rigorous

changes in society that have taken place during the last century actually call for and perhaps validate a new kind of criminal? The answer is twofold, and perhaps less pronounced than one might expect.

Whether dealing with a melodrama, a novel of epic proportions, or a modern-day short story, the criminals, when looked at closely, seem to be very much alike. Murderers, rapists, con-men and petty thieves abound in all. Even the Rambo-like psychos of modern-day literature, slaughtering dozens before committing suicide have their eminent predecessor in history, and thus in literature, Jack the Ripper. Disregarding the progress this past century has brought us in technology and other advances, one will realize that pickpockets still exist, as did the drug cartels of the late 20th century exist in the shape of organized crime, as in Charles Dickens' classic, *Oliver Twist*.

If one looks at the language the criminal uses in literature, however, then one will see that great changes have taken place. Whereas in the 19th century the criminal used coarse language, sometimes with a heavy rural accent, but nevertheless, speaking correctly and properly, the modern-day criminal seems to have lost all sense of decency. What is the reason for this change?

The following example, from a short story about the convict system by the Australian author Price Warung, *How Muster Master Stoneman Earned His Breakfast*, written in 1892, clearly illustrates the problem involved and how a witty author of the 19th century dealt with it.

«... Convict Glancy, metaphorically goaded by the wordy insults and literally by the bayonet-tip of one of his motherland's reformatory agents – to wit, Road-gang Overseer James Jones – had scattered J.J.'s brains over a good six square yards of metalled roadway. The deed had been rapturously applauded by Glancy's fellow-gangers, all of whom had the inclination, but lacked the courage, to wield the crowbar that has been the means of erasing this particular tyrant's name from the paysheets of His Britannic Majesty's Colonial Penal Establishmen».

The convict, and thus the criminal does not get a chance to speak for himself. The articulate narrator speaks for him, using the convict's supposed coarseness to shock the reader, by juxtaposing cynicism on the part of the brutal British convict system with phrases such as «reformatory agent» with the coarse monstrous language of the criminal, with such phrases as «scattered J.J.'s brains over a good six square yards of metalled roadway». Thus the author avoids the problem of having to let the criminal speak at all. However, one must, rationally, accept the theory that obscene, maledictory language was as much a part of the criminal's life at this time as it is in the 21st century. The author himself admits to this, and again uses it to his own witty devices, describing the convict's language during his convict history.

«... He had constantly indulged in maledictions on his fate and on his Maker. He had resolutely cursed the benignant forces with which the System and the King's Regulations had surrounded him...»

How different is the usage of the criminal and his language in modern-day literature. No suppression of any foul or sordid language here. The criminal gets his say and has perhaps attained a more dominant role in literature through this aggressive new stance

he can take. When one looks at the following example, from *Peace of Mind*, a short story about a psycho-killer, a man driven to insanity by society, written by the American author T. Coraghessan Boyle in 1989, one needn't look very hard to spot the shift in style.

«It wasn't (...) the two hundred illegals lined up and looking for work on Canoga Avenue at dawn (...), it wasn't that little whore from SecureCo either (that's what she was, a whore, selling her tits and her lips and her ankles and all the rest of it too) or the veiny old hag from Westec or even the self-satisfied, smirking son of a bitch from Metropolitan Life... No, it was Rance Ruby's stupid, fat-faced, shit-licking excuse of a kid».

Again, the author does not allow the criminal to speak for himself, but nor does he carefully sidestep the problem of the language used by the criminal. The author allows the narrator to crawl in the skin of the criminal, and finds himself at the zenith of realism, perhaps, in such phrases as «Rance Ruby's stupid, fat-faced, shit-licking excuse of a kid». Racist language, so dangerous in modern-day society, is clearly acceptable if it serves a purpose. Vulgar and vituperative language has become part of the criminal's act in literature.

In conclusion one can say that the major change in the status of the criminal in literature is in his language. His literary muzzle has been removed, and he can speak freely now to the reader, spewing out this vile, horrifying language, true to his nature, true to society. The modern-day author has unleashed a monster, yet simultaneously a truth that should not be suppressed. Ultimately, whether literature has benefited from it or not, only time can tell.

*А.В. Чекалова
Великий Новгород*

О СООТНОШЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО И КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА В СФЕРЕ ГРАММАТИКИ

Когнитивное изучение языка и речевой деятельности в последние годы стало чрезвычайно популярным. Особенно широко когнитивный подход применяется в лексикологических исследованиях – в области лексической семантики, где акцент в анализе компонентов значения смещается с системно-парадигматических признаков на их взаимосвязи и сопряженность с процессами познания мира и такими когнитивными феноменами, как восприятие, память, мышление и т.п. Учитываются когнитивные аспекты и при рассмотрении грамматических явлений, однако здесь применение нового понятийного аппарата не столь активно. Между тем необходимость подобного изучения диктует само состояние современной грамматической мысли.

В отечественной лингвистике с 80-х годов сначала ленинградской, а затем

санкт-петербургской аспектологической школой интенсивно разрабатывается модель функциональной грамматики (ФГ), ориентированная на изучение семантических явлений языка (см. работы А.В. Бондарко). Основными понятиями данного ответвления лингвофункционализма являются такие, как «функционально-семантическая категория» (ФСК), «функционально-семантическое поле» (ФСП), «семантическая константа» (СК), «категориальная ситуация» (КС) и др. При внимательном рассмотрении системы понятий ФГ и современной когнитивной лингвистики обнаруживаются реальные точки соприкосновения. Так, на наш взгляд, можно провести параллели между понятиями «семантическая константа» и «концепт», «КС» и «фрейм». Остановимся подробнее на втором соотношении.

КС трактуется в ФГ как типовая содержательная структура, базирующаяся на определённой семантической категории и представляющая собой один из аспектов «общей ситуации», передаваемой высказыванием. Фрейм же в самом общем виде определяется как единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Не трудно заметить, что проекция между КС и фреймом существует.

Как представляется, использование в совокупности функционально-семантического и фреймового типов анализа крупных речевых единиц в настоящее время наиболее адекватно как для ФГ, так и для когнитологии. Это тем более очевидно, если принять во внимание, что основной речевой единицей, релевантной для современных лингвистических исследований, становится дискурс. Последний понимается как связный текст (или конгломерат текстов), рассматриваемый в неразрывном единстве с его коммуникативной рамкой и релевантными для создания/восприятия текста социокультурными, психологическими и иными факторами (Е.В. Клобуков). Декодирование дискурса, на наш взгляд, предполагает установление определённых схем поведения (в широком смысле) человека в типичных социокультурных, психологических и т.п. ситуациях и выяснение типовых языковых способов, с помощью которых эти схемы кодируются. Несмотря на всю условность предлагаемого соответствия, мы всё же полагаем, что подобному декодированию в наибольшей степени отвечает именно функционально-семантический (категориально-ситуативный) и когнитивный (в данном случае – фреймовый) анализ.

*М.Р. Шелховская
Челябинск*

ИНФОРМАЦИОННО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ТРАНСФОРМАЦИЙ ДЕЙСТВИЙ

Когнитология представляет собой систему наук, рассматривающих способы получения, обработки, хранения и использования человеческого знания. Когнитивное направление в лингвистике, наряду с коммуникативно-прагматическим направлением, изучает характер систематизации, категоризации и концеп-

туализации человеческого опыта, запечатленного в языке. Особенно важным представляется отношение к значению слова как к хранимому в памяти фрагменту информации, то есть преобразованному пользователем информации отражению реального мира.

Одной из особенно актуальных проблем до сих пор является проблема категории аспектуальности. В системе русского и немецкого глагола при многих очевидных сходствах обнаруживаются и существенные расхождения. Главное из них то, что в русском языке важную роль играет категория вида, в то время как в немецком языке такая грамматическая категория отсутствует.

Как известно, почти каждому немецкому глаголу соответствует пара русских: один совершенного, а другой несовершенного вида: *lösen* – *решать* / *решишь*, *schreiben* – *писать* / *написать*, *lesen* – *читать* / *прочитать* и т. д. В зависимости от контекста несколько русских приставочных глаголов можно перевести на немецкий язык одним и тем же словом.

Установлено, что видовые значения, подобные славянским, в немецком, как и в других языках, не имеющих корреляции глаголов совершенного и несовершенного вида, передаются в значительной степени лексическими средствами, контекстом, что, однако, не объясняет всех аспектологических возможностей и закономерностей немецкого языка. Точкой соприкосновения русского вида и способов протекания действия в немецком языке является учение о предельных и неопредельных глаголах.

Частичное несовпадение семантем языка оригинала и языка перевода как причина фазовых трансформаций наблюдается чаще всего в направлении «русский совершенный вид = немецкая предельность действия».

Частичное несовпадение семантем обусловлено не только сравнительной аспектуальной бедностью немецких глагольных аффиксов. Наблюдаются случаи, когда немецкая лексема, являющаяся прямым лексическим соответствием переводимому русскому глаголу, не содержит в своей семантической структуре той семы, которая актуализирована в русской словоформе. В таких случаях можно прибегнуть к описательному переводу, приводящему нередко к фазовой трансформации.

Одной из причин, обуславливающих фазовые трансформации действий, являются соображения стилистического порядка. Это такие случаи, когда при действии сообразно со стилевыми нормами языка перевода употребляются лексеммы и формы, не являющиеся прямыми соответствиями лексем и форм оригинала, а порою даже перестраивается синтаксический рисунок переводимого предложения.

Норма языка перевода может вообще исключать возможность применения соотносительных лексем и форм. В этих случаях норма становится, как правило, причиной аспектуальных трансформаций.

Установлено, что фазовые трансформации, а также случаи аспектологического дуализма действий не приводят к искажению информативного смысла текста. Трансформации эти закономерны, зиждутся на свойстве видов и значений

предельности / неопределенности действия, а причины их появления разнообразны и коренятся не только в структурных особенностях текста и языка перевода, но и, отчасти, объясняются и некоторыми особенностями языка оригинала, а также зависят от индивидуальных особенностей стиля переводчика.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Л.А. Месеяшина
Челябинск*

СУГГЕСТИЯ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ВЫРАЖЕНИЯ КОНАТИВНОЙ ФУНКЦИИ РЕЧИ

- Заяц, ты у меня записан, приходишь завтра к 12-30 – я тебя съем.
- А пошел ты...
- Ну, ладно, тогда я тебя вычеркну.

Из анекдота

В работах Л.С. Выготского и, много лет спустя, В.Ф. Литовского подробно описано формирование указательного жеста как первого знака в коммуникативной деятельности ребенка. Установлено, что условиями формирования указательного жеста являются: 1) нахождение объекта в поле зрения ребенка; 2) недосыгаемость объекта; 3) максимальное выпрямление руки в направлении недосыгаемого объекта; 4) аффективная вокализация; 5) включение в поле своего зрения данного объекта вторым участником коммуникации; 6) преодоление недосыгаемости объекта вторым участником коммуникации. В дальнейшем ребенок начинает использовать перечисленный комплекс действий уже целенаправленно, первоначально в качестве целостной коммуникативной единицы, а затем – в качестве отдельной ее составляющей. Однако за пределами внимания психологов остается момент, чрезвычайно важный для теории коммуникации, а именно – вопрос о целеустановке этих «реплик».

Между тем стоит обратить внимание на то, что «неудачное хватательное движение» по своей целеустановке (о которой в данном случае можно говорить, естественно, только условно) отнюдь не императивно, а скорее экспрессивно (я хочу, но не могу, недоволен этим, и предмет, послуживший поводом к моему недовольству, расположен на прямой, являющейся продолжением луча, на котором расположена моя вытянутая рука). Каким же образом экспрессивная единица превращается в побудительную? Следует помнить, что «дитя не плачет – мать не понимает», так что детский плач для взрослого – всегда побуждение к тем или иным действиям в интересах ребенка (Ю.А. Левицкий, Н.И. Лепская).

Т.В. Базжина говорит, что в данном случае имеет место «заражение» взрос-

лого чувствами ребенка. Заражение, наряду с убеждением, внушением и принуждением, психологи относят к числу форм воздействия. (Встречается мнение, что заражение является частным случаем внушения). Как бы то ни было, заражение носит, несомненно, суггестивный характер, ибо заражение есть внушение через подобие, индуцирование своего состояния адресату через условно-рефлекторное мышечное подражание. Заражение – низший (и поэтому, возможно, самый эффективный?) способ суггестии.

Кричащее дитя заражает любого, кто его слышит, отрицательными эмоциями, т.е. вызывает чувство дискомфорта, и поэтому у слушателя возникает желание любой ценой избавиться от этого воздействия. Освободиться от дискомфорта взрослый может лишь одним путем – устранив причины недовольства малыша. С того момента как ребенок обнаруживает колоссальный императивный потенциал собственного указательного жеста в сочетании с вокализацией, он, наряду с экспрессивным его «вариантом», начинает целеустремленно использовать этот двигательно-вокальный комплекс в качестве побудительной коммуникативной единицы.

Как видим, между экспрессивной и конативной (в терминологии Р.О. Якобсона) функциями речи существуют отношения смежности, и последняя является смысловым дериватом первой. Именно благодаря наличию деривационных отношений между этими функциями речи оказывается возможным существование ряда косвенных речевых (и шире – коммуникативных) актов, в которых выражение недовольства является формой побуждения к совершению определенных действий. Более того, именно такого рода коммуникативные акты лежат в основе разнообразных манипулятивных действий. Последние, как правило, являются более эффективным способом воздействия на адресата, нежели прямые побуждения.

Специалистам по рекламе, пиару и т.д. на эмпирическом уровне эта закономерность хорошо известна. Настоящие заметки лишь вскрывают ее теоретические основания. Сущность их в том, что появление новой, более сложной функции не устраняет базовой, а лишь скрывает ее, вытесняя за пределы сознания. И чем более сложные структуры базируются на первичной, тем менее последняя поддается рефлексированию, тем более уязвимым оказывается человек в случае апелляции к ней со стороны манипулятора.

*О.А. Турбина
Челябинск*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ИМПЛИЦИТНОСТИ

В последнее время имплицитный способ выражения грамматических категорий и вообще имплицитность как коммуникативно-прагматическая категория привлекает внимание лингвистов, изучающих различные аспекты структуры

языка и речевой деятельности. Это определяется прежде всего тем, что до сих пор остается нерешенным вопрос о самом статусе, природе и месте имплицитности в системе речевой деятельности: имеет ли это явление исключительно функционально-речевой характер, и если так, то чем оно обусловлено – экстралингвистическими параметрами речевой ситуации (коммуникативными целями, эмоциональным состоянием или отношениями между собеседниками, интеллектуально-психическими механизмами обработки информации и т.д.), или же возможность имплицитного выражения заложена в потенциале системы языка? Что касается грамматической имплицитности, то выявление ее природы требует определения места этого явления в системе средств выражения (знаков языка: *нулевой знак/имплицитность*), анализа статуса этой категории в синтаксисе (если это категория) – ее места в системе разноплановых категорий (грамматических, семантических); изучение имплицитного выражения на уровне текста связано с сопоставлением ее с рядом текстопорождающих средств и прагматических категорий (например, *подтекст/имплицитность*).

Этим объясняются сложности, которые возникают уже при определении объема понятия термина «синтаксическая имплицитность». Действительно, что же это такое? Свойство структуры? Характеристика? Способ оформления высказывания? Возможность построения текста? Функционально-языковая тенденция? Проблемы дефиниции этого термина обусловлены объективно и вызваны тем, что анализ и категоризация какого-либо явления связаны с наблюдением его проявлений в объекте (объектах). Имплицитный же способ выражения языковых значений в том и состоит, что **то, что таким способом выражается, в объекте не проявляется** (материально отсутствует). Поэтому исследователю приходится вначале выделить некий класс объектов и обосновать, что **именно они** репрезентируют имплицитный способ выражения, но ... **чего?**

Если объектом наблюдения является простое предложение и его речевая форма – элементарное высказывание, то для ответа на этот вопрос необходимо провести анализ структуры предложения в различных ее аспектах, начиная от пропозиционально-логического отношения и заканчивая планом речевого выражения, т.е. высказыванием. Только так можно **выявить то, что имплицитно**, т.е. **то, что должно быть (и где-то есть), но не выражено**. Это во-первых.

Во-вторых, нужно определиться, какой аспект синтаксиса рассматривать – семантический или грамматический. Если в качестве объекта анализа выбирать, к примеру, безглагольные высказывания, т.е. предложения структурно аграмматичные, значит, в фокусе внимания окажется грамматическая имплицитность синтаксических структур. От нее будет отталкиваться исследователь, а затем выяснять в ходе анализа, как грамматическая имплицитность влияет на синтаксическую семантику. Только так можно ответить на вопрос – **имплицитность чего мы изучаем**. В противном случае игнорирование системного анализа предложения как единицы языка может привести к ничем не подкрепленным и абсурдным выводам, вроде тех, что «любое высказывание в той или иной степени имплицитно, и имплицитны в нем все фоновые знания носителей языка».

В-третьих, немаловажной, а может быть, и первостепенной, является функциональная сторона этого явления. Действительно, имплицитный способ выражения синтаксической структуры предложения преобразует элементарное высказывание в качественно новую единицу – единицу текста (элемент контекста) или даже в отдельный текст. Механизмы этих преобразований еще предстоит изучить, начав с вопроса – **что имплицитно?** Ведь не будем же мы всерьез полагать, что имплицитны все знания участников речевой ситуации, не нашедшие выражения в высказывании, как не будем всякий раз, когда говорим или слышим «*яблоко упало*», вспоминать о гравитации!

*Н.М. Фирсова
Москва*

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ (на материале испанского языка на Канарских островах)

Проблема языковых контактов все больше привлекает внимание лингвистов, что, в частности, объясняется огромным интересом современных ученых-гуманитариев к вопросу взаимодействия языков под углом зрения взаимодействия культур (термин культура понимается в широком смысле).

Книга У. Вайнрайха (1963, 2nd ed.), посвященная разработке языковых изменений, связанных с языковыми контактами, послужила началом разработки новой ветви социолингвистики – «Языковые контакты».

Возможно выделение различных причин и форм языковых контактов, порождающих языковые изменения, как в отдельных языках, их национальных и территориальных вариантах, так и в диалектах и говорах. В этом плане безусловный интерес представляет собой испанский язык на Канарских островах (*el español de Canarias*).

Канарские острова (основные из них: Гран Канария, Тенерифе, Фуэнтевентура и Лансароте) в настоящее время являются одной из 17 автономных областей Испании. Испанские лингвисты проявляют немалый интерес к изучению испанского языка на Канарах, в том числе М. Альвар, С. Люго, Д. Каталан, Х. Альварес Дельгадо, А. Самора Висенте, П. Видаль, М. Стеффен, Л. А. Мильярес Кубас, Х. Валенсуэла Сильва, Х. Медина Лопес, Д. Корбелья Диас и др. Результаты изысканий многих вышеуказанных ученых были воедино собраны, уточнены и существенно дополнены К. Корралесом Сумбадо, Д. Корбелья Диас и М. Анхелес Альварес Мартинес – авторами трехтомника «Лексикографический тезаурус испанского языка Канарских островов» (Канариас, 1996). В то же время лингвистический статус этого языка до сих пор служит предметом серьезной дискуссии. Большинство исследователей сходятся во мнении, что испанский язык на Канарских островах следует рассматривать как диалект. В отечественной испанистике данная тема, несмотря на ее актуальность, еще не привлекла к себе широкого внимания (В.С. Виноградов, В.М. Бенчук).

Столь высокий интерес зарубежных лингвистов к испанскому языку на Канарских островах и их разногласия по поводу статуса последнего объясняется его особой спецификой, главной чертой которой служит тот факт, что, в отличие от других диалектов испанского языка, в состав канарского входит высокий процент как латиноамериканизмов, так и разнообразных заимствований из ряда языков и диалектов. (Часто среди исследователей нет единства мнений относительно принадлежности отдельных лексических единиц к пиренейскому или латиноамериканским национальным вариантам испанского языка).

Специфика испанского языка на Канарах порождена прежде всего географическим и историческим факторами: Канарский архипелаг всегда рассматривался как мост между Старым и Новым Светом: с одной стороны, его жители находятся в контакте с населением Пиренейского полуострова и северо-западного побережья Африки, с другой – с народами стран Латинской Америки.

Основные причины контактов испанского (кастильского) языка на Канарах с другими языками различны: 1) колониальный захват испанцами (XV в.) территории архипелага (языковой контакт между языком аборигенов гуанчи и кастильским); 2) миграция на архипелаг португальских (частично с острова Мадейра) и галисийских поселенцев; 3) ввоз из соседнего африканского побережья арабов в качестве рабов для испанских завоевателей (XVI – XVII вв.); 4) миграция населения, которая происходила в прошлом и продолжается в наше время, как островитян в ряд латиноамериканских регионов (и нередко их возвращение на родину), так и латиноамериканцев на Канары; 5) развитие международного туризма и деловых связей (языковые контакты с носителями английского, немецкого, французского и, в последние годы, русского языков).

Языковые контакты привели к функционированию в канарском диалекте испанского языка:

1) *гуанчизмов* (их число не очень велико), они обозначают в абсолютном большинстве случаев названия флоры и фауны, а также некоторые топонимы (к примеру, *cardun* – молочай (разновидность); *barbusana* (о) – белая коза с черной мордочкой; *tabaraste* – дикий чеснок (разновидность); *Guanapaya* – название горы);

2) *португализмов* и *галисизмов*, таких, как: *andoriña* – ласточка; *ferruge* – ржавчина; *millo* – кукуруза; *clasa* – морской моллюск; *liña* – шнурок, тонкая веревка, леска; *sabullón* – торговля на борту иностранного судна товарами, которые производятся на Канарах. Если гуанчизмы представлены только именами существительными, то португализмы и галисизмы также и другими частями речи;

3) *арабизмов*, например: *guayete* – ребенок; *arife* – духота, сильная жара; *alfalfa* – трава, которую сажают на корм скоту;

4) *американизмов* (наиболее широкий пласт языковых единиц): *guagua* – автобус; *guayaba* – красивая девушка; *satire* – русый, белокурый; *cogotudo* – разбогатевший и зазнавшийся простолоудин;

5) *англицизмов*: *queque* – бисквит; *choni* – иностранец; *breque* – тормоз.

В связи со сложностью и многообразием межкультурной коммуникации канарцев этимологию целого ряда канаризмов часто нельзя считать бесспорной.

Проблема языковых контактов и языковых изменений испанского языка на Канарских островах требует дальнейшей разработки.

А.М. Чепасова
Челябинск

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ ЗНАНИЙ О ЯЗЫКЕ

Новая система знаний о языке, по-моему, всегда будет новой совокупностью знаний о каком-либо жестко ограниченном языковом объекте. Когда таких совокупностей знаний будет добыто много, можно говорить о системе новых знаний в какой-либо части языка. Примером может служить результат исследования семантической структуры глагольного слова. Более или менее крупные научные результаты в изучении языка получают коллективы исследователей, которые планомерно, с разных сторон подходят к объекту, выявляя его свойства.

Новые знания могут быть получены при выполнении трех условий. Во-первых, путем погружения в объект и движения в объекте по законам этого объекта. Чтобы выявить такое движение, необходимо располагать большой оригинальной картотекой, в результате анализа которой исследователь приходит к новым выводам. Во-вторых, в языкознании новые знания можно получить, лишь глубоко изучив труды своих предшественников. Это то, что называется «стоять на плечах гигантов». Язык – такая сложная система, что отдельные его части – лексическое значение, грамматические категории, предложение, речь, интонация и др. – изучаются с разными результатами в течение нескольких веков, являются «вечными» темами. Новое о таких объектах можно сказать, лишь поместив языкознание в современную совокупность наук о человеке, его мышлении, речи, о его социальном, историческом, духовном бытии. В-третьих, новые результаты можно получить, лишь дав глубокое философское обоснование исследуемым проблемам, поняв связи и отношения данной проблемы с другими проблемами, поняв особенности движения и развития в исследуемой части языка, выявив общее и частное. К сожалению, в XX веке написано немало работ, в которых философское обоснование оставляет желать лучшего. Короток век таких работ.

На пути создания новой системы знаний о языке много трудностей, препятствий. Одним из таких препятствий является терминотворчество не на русском языке. «Сотворение» термина – дело очень ответственное, серьезное, термин должен отвечать многим известным требованиям (нам, лингвистам, не плохо было бы поучиться в этом отношении у физиков). В настоящее время страсть к изобретению и употреблению иноязычных терминов так велика, что застилает сознание автора, а читателя отталкивает. Такая научная речь фактически является псевдонаучной.

В последнее время употребляется термин *неология* – что он значит? – наука о новом? Или термин *когнитивный, когнитология*. Зачем они? Термин *когни-*

тивный (от лат. *cognitio* – знание, познание) пришел из психологии, где он широко употребляется в разных сочетаниях – *когнитивная карта, когнитивная психология, когнитивная сложность, теория когнитивного диссонанса, когнитивный стиль* и др. Что значит *когнитология* – наука о познании? Но есть давно известный термин *гносеология*.

Широкое распространение получил термин *парадигма, парадигматические отношения*. Какое этому термину придают значение? В использовании этого слова в современном русском языке в несвойственном ему значении я вижу некорректное отношение к его исконному значению: *парадигма* – [гр. *paradeigma* пример, образец] 1) *грам.* образец склонения или спряжения, система форм одного и того же слова; 2) пример из истории, взятый для доказательства, сравнения (Словарь иностранных слов. М.: Изд-во иностр. и нац. слов., 1954). И в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой приводится именно это, исконное значение.

Я считаю, что термин *система* гораздо больше подходит для обозначения явлений или отношений, части или элементы которых связаны причинно-следственными отношениями, чем термин *парадигма*.

В современном отечественном языкознании выработана уже ставшая известной массовому читателю-лингвисту добротная система терминов, в которой можно описать любое лингвистическое явление, процесс. Высокую культуру пишущего обнаруживают те, которые или в скобках дают пояснения использованному термину, или в конце работы помещают толковый словарь (А.А. Уфимцева, М.В. Никитин).

Другим препятствием на пути получения новых знаний является, на мой взгляд, неумное субъективное желание изобретать формы и значения, так изобрели новую форму рода – «общий», выделяют несметное количество падежей на основании частных падежных значений (И.Г. Милославский).

Язык – чудесное, сложное, таинственное образование, он не отдает легко и быстро своих тайн, добыча новых знаний – это «в грамм добыча, в год труды».

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	3	
<i>Анисимова Е.Е.</i> Образ женщины в русской и немецкой картинах мира (на материале политических плакатов)	3	
<i>Кравченко А.В.</i> Четыре тезиса к новой философии языка	5	
<i>Мышкина Н.Л.</i> Контрадиктно-синергетический подход к языку	7	
<i>Чепасова А.М.</i> Русская грамматика в свете новых концепций	9	
<i>Чудинов А.П.</i> Метафорическая реконцептуализация политической реальности .	11	
<i>Шкатова Л.А.</i> Принципы и методика лингвокультурологического анализа	14	
СЕКЦИЯ 1		
КОГНИТОЛОГИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА. ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР		15
<i>Абдрахманова О.Р.</i> Языковая картина мира во фразеологизмах арготирующих французов	15	
<i>Агаркова О.А.</i> Нормативная регламентация речевого поведения	17	
<i>Аматов А.М.</i> Каузальность как категория философии и языкознания	18	
<i>Ариавская Е.А.</i> Некоторые аспекты проблемы межкультурной компетенции	20	
<i>Брильц О.А.</i> Основные аспекты философского осмысления языка	21	
<i>Брюховская Л.Г.</i> Язык и понимание	22	
<i>Будейко В.Э.</i> Информационные характеристики алфавита и словаря русского языка (К проблеме изучения современной инфосферы русского языка)	24	
<i>Гейхман Л.К.</i> Педагогические аспекты обучения межкультурному взаимодействию	26	
<i>Глебова Е.А.</i> Отражение взаимодействия различных культур на уровне лексики: терминология и топонимика	28	
<i>Голованова Е.И.</i> Человек в профессиональном измерении: проблемы я зыкового моделирования	29	
<i>Гуц Е.Н.</i> Ненормативные глаголы в языковой картине мира современного городского подростка	31	
<i>Даутова Г.Х.</i> К вопросу о когнитивных моделях	33	
<i>Енов Л.И.</i> О некоторых лингвистических понятиях в когнитивной терминсистеме	35	
<i>Збруева Н.А.</i> Парадоксальная перспектива развития языкового мира в условиях глобализации	36	
<i>Карабыков А.В.</i> О чертах агностицизма в концепции предложения А.А. Потебни	38	
<i>Карелин В.Г.</i> Древнее формирование понятия «рука»	40	
<i>Казанцев А.И.</i> К вопросу о формировании переводческой компетенции	42	
<i>Квашнина Е.Н.</i> Концепт и особенности его языкового выражения	44	
<i>Коротун О.В.</i> Понятие «тело человека» в русской языковой картине мира	44	

<i>Куштым Е.А.</i> Язык в его соотнесенности с судьбой как способ актуализации свободы человека	47
<i>Мальчукова Н.В., Мальчуков В.А.</i> Естественный язык как фактор развития человека и человечества	50
<i>Мамонова Ю.В.</i> Представление функции английской бытовой сказки с когнитивных позиций	51
<i>Медведев В.М.</i> Когнитивный аспект документоведения	52
<i>Михеевас Н.Ф.</i> Из опыта обучения испанскому языку в аспекте межкультурной коммуникации	53
<i>Набиева Я.А.</i> Концепт «страх» и лексико-семантический вариант слова «fear»	55
<i>Нефёдова Л.А.</i> Фреймовое представление имплицитной информации	56
<i>Пасынкева В.В.</i> Знакомство с национальными традициями – способ адаптации к иноязычной культуре	57
<i>Пряхин В.М.</i> О формировании иноязычной культуры и взаимодействии культур в условиях профильного преподавания немецкого языка (на примере высшего юридического учебного заведения)	59
<i>Седлова Л.П.</i> Прозвища жителей во французской языковой картине мира (на материале лексики региолектов)	61
<i>Соколовская Л.В.</i> Структура поля концепта «изгиб» в русском языке	62
<i>Хрисонопуло Е.Ю.</i> Субъективный характер грамматического значения как когнитивно-семиотического образования	64
<i>Чепуренко А.А.</i> Проблема значения в философии и языкознании	65
<i>Шелховская Н.И.</i> Суффиксальное отглагольное словообразование в когнитивной парадигме	67
ТЕЗИСЫ СЕКЦИИ 2	
ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	
<i>Азначеева Е.Н.</i> Вариационная форма как модель концептуальной организации художественного текста	69
<i>Алексеева И.С.</i> Стратегия обучения письменному переводу	71
<i>Архипова М.В.</i> Дискурс в эстетике символизма Джона Стейбека	72
<i>Асмус Н.Г.</i> Интернет–дискурс в свете нового типа коммуникации – компьютерного общения	74
<i>Афанасьева Л.А.</i> К вопросу изучения проблемы негативного коммуникативного результата	75
<i>Бедрина И.С.</i> Когнитивная деятельность и научный текст	77
<i>Вершинина Т.С.</i> Физиологическая метафора как показатель состояния политической ситуации	78
<i>Ветчинкина Р.Р.</i> Воспитание как диалог	80
<i>Власян Г.Р.</i> Общая схема жанров общения	82
<i>Воронцова Т.А.</i> Риторический вопрос в диалогическом дискурсе	84
<i>Глушкова Ю.Н.</i> Коммуникативная природа художественного текста новеллы ..	86
<i>Иванова О.Ю.</i> Классические языки как составляющая переводческой компетенции	87
<i>Кабанова Т.Н.</i> Реализация коммуникативной функции языка в эпистолярном дискурсе	89

<i>Мезенцева Т.Д.</i> К проблеме переводческой компетенции	91
<i>Подъяпольская О.Ю.</i> К вопросу о многозначности термина «интертекстуальность»	92
<i>Рябосова А.Б.</i> Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в современном агитационно-политическом дискурсе	94
<i>Севостьянова Н.С.</i> Категория «образ автора» в постмодернистском произведении	96
<i>Семочко С.В.</i> О сюжетобразующей функции прецедентного текста	97
<i>Старова Г.А.</i> Политический раздел газеты	98
<i>Строкова Т.И.</i> О проблеме речевого воздействия в педагогическом общении со слепыми и слабовидящими детьми	101
<i>Толстых Ю.А.</i> Грамматико-синтаксические особенности языка рекламы как зеркала общезыковых тенденций	102
<i>Труфанова И.В.</i> Что считать канонической речевой ситуацией?	104
<i>Усачева С.Н.</i> Категория эмоциональности в текстах рекламы	106
<i>Харченко Е.В.</i> Профессиональная речь: цели и пути изучения	107
<i>Чугаева Т.Н., Кокорина Т.А.</i> Соотношение уровней «слово – предложение – текст» при восприятии английской речи	108
<i>Шведова И.Р.</i> Функции прагматических установок в смысловой структуре международного делового письма	110
<i>Шеметов В.Б.</i> Устный перевод: механизмы и стратегии	111
СЕКЦИЯ 3	
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	
<i>Аверина М.А.</i> Когнитивная роль фразеологических союзов в выражении причинных отношений	112
<i>Алпатова С.Д.</i> Интерпретация фразеологической единицы как эстетического знака	114
<i>Берг Е.Б.</i> О социосемантическом развитии лексических единиц (на примере лексики хореографии).....	115
<i>Великанова Е.В.</i> Когнитивный характер отвлеченности предметных фразеологизмов	117
<i>Гребенкина О.С.</i> Понятие «многозначность» в рамках лингвистических учений	119
<i>Дёмичева В.В.</i> Тематические группы феминативов в русском языке XVIII века	120
<i>Дудина Ю.А.</i> Вербальные и невербальные формы приветствия в немецком языке	122
<i>Житникова Л.В.</i> Национально-культурная импликация апеллятивов: на материале прозвищ Американских штатов	124
<i>Залавина Т.Ю.</i> Семантическое поле как принцип системной организации языковых единиц (на материале процессуальных фразеологических единиц поля «порицать» во французском языке).....	126
<i>Калапкина А.Ф.</i> Процессы вторичной номинации в произведениях Д.Г. Лоренса	128
<i>Колочкин Д.В.</i> Размытость, как одна из характеристик поэтической речи	129
<i>Копачева А.Р.</i> К проблеме вербального членения цветового пространства	130

Кузнецова О.А. Семантические трансформации в поэтическом тексте	132
Куньгина О.В. Структурно-семантические свойства фразеологизмов-частиц, включающих компонент – прилагательное	134
Макурова А.В. Эмоциональность арготической лексики	135
Малозмова С.И. Об образовании слов путем редупликации в современном английском языке	137
Монгилева Н.В. Психолингвистические подходы к проблеме значения слова	138
Никитин М.В. История термина «городская легенда»	140
Ныпадымка А.С. Афористические формулы в творчестве Ю.Друниной	142
Перельгут Н.М. Современная англоязычная литература и электронные средства связи	143
Питина С.А. Некоторые источники английской демонической лексики	145
Поперина И.М. Семантика фразеологических предлогов, оформляющих родительный падеж имени	146
Попова Н.Б. Понятие нормы литературного языка в культурологическом аспекте	148
Радченко Е.В. Омонимизация процессуальных фразеологизмов в деепричастной форме: класс качественно-обстоятельственных единиц	151
Разумова Л.В. Семантическая мотивированность антропонимов в художественной литературе	153
Романова Т.Н. Шотландский космопсихологос и способы его выражения в англоязычном тексте (на материале шотландской прозы 1930-х гг.)	155
Свиридова А.В. Коммуникативно-прагматический аспект в функционировании речевых значений фразеологизмов с компонентом <i>ne</i>	156
Твердохлеб О.Г. О репрезентации денотативной ситуации в синтаксической структуре высказывания	159
Устищенко И.А. Причины полимотивированности семантических конденсатов	161
Федотова И.А. Звуковая характеристика ядерного элемента концепта «wasser» в немецком языке	163
Хендрикс Архем М.Й.Е. The language of the criminal mind (two centuries compared)	164
Чекалова А.В. О соотношении функционально-семантического и когнитивного анализа в сфере грамматики	166
Шелховская М.Р. Информационно-когнитивный аспект трансформаций действий	167
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	169
Месеняшина Л.А. Суггестия как частный случай выражения конативной функции речи	169
Турбина О.А. Проблемы изучения синтаксической имплицитности	170
Фирсова Н.М. Языковые контакты и языковые изменения (на материале испанского языка на Канарских островах)	172
Чепасова А.М. Становление новой системы знаний о языке	174

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Тезисы международной научно-практической конференции

7 – 9 декабря 2001 года

Челябинск

Редакторы: Е.А. Иванова, Н.П. Мирдак

Компьютерная верстка Е.А. Ляшевской

Сдано в набор 01.11.01. Подписано в печать 13.11.01.
Формат 60 x 84^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. .

Тираж экз. Заказ .

Цена договорная

Челябинский государственный университет
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Полиграфический участок Издательского центра ЧелГУ
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 б